Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 6

2018

СОДЕРЖАНИЕ:

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИКАИЛА МУШФИГА

Елизавета КАСУМОВА. **«Пока будет Вселенная, будут и стихи»** 34

ЭЛЬЧИН – 75

ЭЛЬЧИН. **Игры Дьявола.** *Пьеса* 3
Эльмира АХУНДОВА. **Опаленный «шестидесятыми». Мне отмщение и аз воздам** 24
Елизавета КАСУМОВА. **Право выбора** 29

ПРОЗА

ГИДАЯТ. **Здесь тьма полчищ пронеслась** 39
Федор ОШЕВНЕВ. *Рассказы* 66
Натиг МАМЕДЛИ. *Рассказы* 108

ПОЭЗИЯ

Геннадий САЛАЕВ. *Стихи* 62
Владимир ЗАРУБИН. *Стихи* 78
НУРАФИЗ. *Стихи* 121

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ХАКИМОВ. **«Ф» значит – фантастика** 84
Эмиль АГАЕВ. **Ай, «той-вай»!** 117

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел публицистики – **Ровшэн КАФАРОВ**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com
Тел: 493-86-04; 493-75-81

Сдано в печать 18.05.2018г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2018 г.

ЭЛЬЧИН

ИГРЫ ДЬЯВОЛА

Абсурд из трех действий

Действующие лица:

Мужчина
Женщина
Муж
Жена
Пианист
Ведущий – в первом появлении – мужчина, во втором – женщина, в третьем – существо непонятного рода
Музыканты

Заметки автора

Определение этого жанра полностью зависит от выбора режиссера-постановщика: пьесу эту можно представить и как комедию, и как трагедию, и как трагикомедию.

По моему мнению, можно использовать и смешанные жанры: первое действие – сюрреализм, второе действие – клоунада, третье действие – гротеск и т.д.

В любом случае смысл пьесы, вынесенный в заголовок – «Дьявольские игры» – как эстетическо-художественная линия должен объединять три, на первый взгляд самостоятельные, части пьесы.

Как будет осуществлена эта общая, объединяющая пьесу линия, зависит от режиссера, и для этого он может использовать:

– может, маски?
– может, жуков?
– может, ведущего из второго действия и т.д.?

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Спальня. Темно.
Мужчина и женщина спят на кровати. В темноте видны только их силуэты, очертания окон и вещей в комнате. Через какое-то время неожиданно звонит будильник. Звонит долго.

ЖЕНЩИНА *(спросонья и недовольно)*. Выключи его. *(Мужчина наконец поднимает руку и нажимает на кнопку будильника.) (Женщина тем же недовольным голосом.)* Который час?

МУЖЧИНА. Я завел на восемь…

ЖЕНЩИНА. На восемь? Так неправильно завел. Ты же видишь, темно еще!..

МУЖЧИНА. Нет, я все правильно завел… *(Поднимается и садится на кровати, свесив ноги на пол, пытается включить ночную лампу на тумбочке.)* Почему она не включается?

ЖЕНЩИНА. Не включается?

МУЖЧИНА. Нет.

ЖЕНЩИНА. Включи свет в комнате.

МУЖЧИНА. Светить тебе будет.

ЖЕНЩИНА. Ничего.

Мужчина поднимается и, осторожно передвигаясь в темноте, подходит к стенке, пошарив, находит выключатель и пытается включить свет.

МУЖЧИНА. Свет отключили.

ЖЕНЩИНА. Наверное, опять какая-то авария… На кухне в подсвечнике должна быть свеча. *(Мужчина такими же осторожными шагами выходит из комнаты.) (Громко.)* Как ты думаешь, Бог сильнее или Дьявол?

ГОЛОС МУЖЧИНЫ. Что за вопрос?

ЖЕНЩИНА. Не знаю… *(Маленькая пауза.)* Нашел свечку?

ГОЛОС МУЖЧИНЫ. Нет.

ЖЕНЩИНА. Там должна быть. Возле мясорубки.

ГОЛОС МУЖЧИНЫ. Что это такое?

ЖЕНЩИНА. Что?

ГОЛОС МУЖЧИНЫ. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. Что значит, не знаю? Ты нашел свечку?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Спички возле плиты.

ГОЛОС МУЧЖИНЫ. Я зажег ее.

Мужчина возвращается в комнату, неся в руках слабо горящую тоненькую свечку в подсвечнике.

МУЖЧИНА *(в свете свечи с удивлением смотрит на маску, которую держит в другой руке)*. Откуда это попало к нам?

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Так вот же. *(В свете свечи показывает маску.)*

ЖЕНЩИНА *(с удивлением).* Маска?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Наверное, дети оставили, играли и оставили здесь. Глянь, который час?

МУЖЧИНА *(откинув в сторону маску, подходит со свечкой к часам. С удивлением).* Показывает 8 часов. Что за ерунда?!

ЖЕНЩИНА. Так старые они… А твои часы где?

МУЖЧИНА. Здесь должны быть… Погоди, найду их… *(Мужчина подходит к столу и пытается при слабом свете найти свои часы.)* А это как сюда попало?

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Маска. *(Показывает маску в свете свечи.)*

ЖЕНЩИНА. Ну… Говорю же, дети… Ты часы свои найди…

МУЖЧИНА *(отбросив маску в сторону, находит часы)*. И эти показывают восемь часов. *(Подносит часы поближе к свету, рассматривает.)* Четыре минуты девятого.

ЖЕНЩИНА. Что с ними?.. Посмотри на мои часы.

МУЖЧИНА. Где они?

ЖЕНЩИНА. На трюмо.

Мужчина направляется к трюмо, стоящему на противоположной стороне, видно, как его тело, отразившись в зеркале, отсвечивает каким-то холодным блеском.

ЖЕНЩИНА *(недовольно)*. Держи свечку ниже, свет в глаза падает.

МУЖЧИНА. Погоди, дай найти часы... Что это? Они что с нами в прятки играют?

ЖЕНЩИНА. Что случилось?

МУЖЧИНА *(держит в одной руке свечку, а другой поднимает с трюмо еще одну маску и показывает ее Женщине)*. Еще одна тут.

ЖЕНЩИНА. Странно, вечером после их ухода я убралась. Ничего не было.

МУЖЧИНА. Может, внимания не обратила. Это не дети, а дьяволята какие-то.

ЖЕНЩИНА *(обеспокоенно)*. Что ты заладил ночью: «Дьявол, черти»?

МУЖЧИНА. Так ты же первая и начала... *(Передразнивает женщину.)* «Бог сильнее или Дьявол»? Надо же додуматься до такого вопроса!

ЖЕНЩИНА. Ладно, ладно, тебе этого не понять. Ты часы нашел?

Мужчина отбрасывает в сторону маску и наконец находит часы.

МУЖЧИНА. Девять минут девятого.

ЖЕНЩИНА *(поднимается и садится на постели)*. Что значит – девять минут девятого? Это в такую-то темень? Даже зимой в это время так темно не бывает. А сейчас, летом, в девятом часу утра такая непроглядная ночь?! *(Она поднимается, подходит и открывает окно, выглядывает на улицу.)* Ты что, не видишь, ночь на дворе!

Мужчина подходит к другому окну, открывает, выглядывает на улицу и через окно смотрит на Женщину.

МУЖЧИНА. Да, темно...

ЖЕНЩИНА. Даже намека на солнце нет.

МУЖЧИНА *(внимательно оглядываясь по сторонам)*. Да. И ни у кого свет не горит.

ЖЕНЩИНА *(тоже глядя на Мужчину через окно)*. Как ты думаешь, который час?
МУЖЧИНА *(глядя на Женщину через окно)*. Не знаю...

Какое-то время молча смотрят друг на друга через окно.

ЖЕНЩИНА. Мне страшно...
МУЖЧИНА. Отчего?
ЖЕНЩИНА *(в смятении)*. Почему солнце не взошло?
МУЖЧИНА *(пытаясь не выдать своего волнения)*. Откуда ты знаешь, который сейчас час? Может, часы идут неправильно?
ЖЕНЩИНА. Хочешь сказать, что все часы сговорились? *(Пауза.)* Позвони в справочную...

Они закрывают створки и отходят от окон. Женщина снова садится на постель. Мужчина, держа свечку, осторожно подходит к телефону, поднимает трубку и набирает номер.

МУЖЧИНА. Здравствуйте. Простите, пожалуйста, который час?
ЖЕНЩИНА. Телефон работает, а света нет?
МУЖЧИНА *(в трубку телефона)*. Как? Что?.. Это точно? Спасибо.
ЖЕНЩИНА *(нетерпеливо)*. Ну, что она сказала?
МУЖЧИНА *(со все возрастающей тревогой)*. Говорит, десять минут девятого...
ЖЕНЩИНА. О, господи!.. *(Пауза.)* Позвони к ребенку. Посмотри... посмотри, что они скажут.
МУЖЧИНА. Может, они еще спят?
ЖЕНЩИНА. Они же говорят, что уже девятый час!
МУЖЧИНА *(нервно)*. Что это за утро такое?!

Мужчина ставит подсвечник на тумбочку и садится на постели спиной к Женщине. Отражаясь в зеркале трюмо, его тело отсвечивает холодным светом. Пауза.

ЖЕНЩИНА. Почему ты завел будильник на восемь часов?
МУЖЧИНА. Договорился с Идрисом, что утром рано, до завтрака, пойдем прогуляемся по бульвару.
ЖЕНЩИНА. Во сколько вы должны были встретиться?
МУЖЧИНА. В двадцать минут девятого.
ЖЕНЩИНА. Встань, позвони ему.
МУЖЧИНА. Может, он спит?
ЖЕНЩИНА. Позвони ему на мобильный. Если не возьмет сразу трубку, то дай отбой. *(Пауза.)* Позвони, посмотрим, что это такое творится.

Пауза. Мужчина встает, берет подсвечник, с опаской подходит к телефону, поднимает трубку и набирает номер.

МУЖЧИНА. Идрис? Привет. Как дела? Да?.. Нет, я не смогу прийти… Неважно себя чувствую... Да, гости были вчера... Нет, ничего не произошло... Ты гуляй… *(Кладет трубку.)*

ЖЕНЩИНА. Что он сказал?

МУЖЧИНА. Он на бульваре... Говорит, тебя жду... *(Пауза.)* Говорит, что выдалось хорошее солнечное утро, приходи... *(Пауза.)* Ничего не понимаю... Бульвар от нас в пяти минутах ходьбы. Там солнце взошло, а тут – нет? Как такое может быть?

ЖЕНЩИНА. Это что, конец света?..

МУЖЧИНА. Конец света наступил только тут, а на бульваре светит солнце?

Мужчина снова подходит и садится на кровать спиной к Женщине.

ЖЕНЩИНА. Интересно, а что соседи делают?

Мужчина, продолжая держать подсвечник, пожимает плечами, мол, откуда мне знать? Потом встает и, держа перед собой свечку и осторожно ступая, выходит из комнаты. Слышен звук открываемой ключами двери. Затем дверь закрывается. Мужчина возвращается.

МУЖЧИНА. Посмотри на это...

ЖЕНЩИНА. На что?

МУЖЧИНА *(при слабом свете свечи показывает ей маску)*. Не видишь? *(Пауза.)*

ЖЕНЩИНА. Откуда она взялась?

МУЖЧИНА. Висела на ключах входной двери.

ЖЕНЩИНА. И кто мог разбросать эти маски, что это за игра?!

МУЖЧИНА. Ну не с неба же они свалились! Это детские проделки. Дьяволята.

ЖЕНЩИНА *(почти зло)*. Что ты опять заладил «дьявол, дьявол»?

МУЖЧИНА. Разве не ты первая начала?

ЖЕНЩИНА. Ладно, тебе этого не понять... *(Короткая пауза.)* Что-нибудь о соседях узнал?

МУЖЧИНА. Нет... В блоке темнота... Как в колодце...

ЖЕНЩИНА *(взволнованно)*. Совсем ни звука?

МУЖЧИНА. Какой там звук? Только стук моего сердца.

ЖЕНЩИНА. Позвони ребенку!.. *(Мужчина замирает на месте.)* Звони, я очень волнуюсь...

Мужчина подходит к телефону, поднимает трубку и набирает номер.

МУЖЧИНА. Алло... Да, это я... Доброе утро, доченька! Что вы делаете? Да? Очень хорошо... Нет, все в порядке. Что с моим голосом? *(Смеется.)* Ничего особенного, голос как голос, как всегда... Я просто позвонил, узнать, как вы там?.. Мама? И мама хорошо... Она здесь, привет тебе передает. Детки что делают? Да? Нет, нам ничего не нужно, дочка. Ладно, пока. *(Кладет трубку.)*

ЖЕНЩИНА *(взволнованно и нетерпеливо)*. Что она говорит?

МУЖЧИНА. Говорит, дети ушли в школу, а я собираюсь в маркет... *(Пауза.)* Спрашивала, нужно ли нам что-нибудь, она купит и принесет...

ЖЕНЩИНА *(с постепенно усиливающимся страхом и волнением)*. А... А ты не спросил... взошло ли там солнце?..

МУЖЧИНА *(нервно)*. А как ты думаешь, дети в темноте в школу пошли? И сама она собирается за покупками... Сказала она все... Сказала: доброе утром, папа...

ЖЕНЩИНА *(дрожащим голосом)*. Может, она не хочет пугать нас? *(Воздев руки и подняв голову, шепчет.)* Господи!.. У нас один единственный ребенок! Одна единственная дочь! Молю тебя, отведи от нее и ее детей все беды и горести!..

МУЖЧИНА. Ты что-то сказала?

ЖЕНЩИНА. Нет.

Мужчина снова возвращается и, сев на кровать спиной к Женщине, ставит подсвечник на тумбочку. При свете постепенно тающей свечки его отражение в зеркале трюмо вновь отсвечивает холодным светом. Пауза.

ЖЕНЩИНА. Ты веришь в историю Адама и Евы?

МУЖЧИНА *(пожимая плечами)*. Не знаю... Нашла время вспоминать об Адаме и Еве. У нас есть еще свечи?

ЖЕНЩИНА. Нет... *(Пауза.)* Получается, что Дьявол сильнее Бога?

МУЖЧИНА. Сама начинаешь, а потом еще на меня злишься.

ЖЕНЩИНА. Ты ответь мне, разве Дьявол сильнее Бога?

МУЖЧИНА. Почему?

ЖЕНЩИНА. Почему Бог пустил Дьявола в Райский Сад?.. Мог бы запретить ему… Если Бог все равно решил изгнать Адама и Еву из Рая, почему Он позволил, чтобы Дьявол соблазнил их? Значит, или он не мог противостоять Дьяволу, или же специально это сделал…

Пауза.

МУЖЧИНА. У нас есть свечи?

ЖЕНЩИНА. Нет…

Мужчина встает, берет подсвечник и подходит к окну, которое до этого открывала Женщина, открывает его и выглядывает на улицу.

МУЖЧИНА. Всюду темень…

Женщина встает, подходит к окну, которое до этого открывал Мужчина, открывает его и тоже выглядывает на улицу.

ЖЕНЩИНА *(глядя через окно на Мужчину)*. Как на кладбище…

МУЖЧИНА *(глядя через окно на Женщину)*. Даже собаки не лают…

ЖЕНЩИНА. И птицы не поют…

МУЖЧИНА. И машин не слышно…

ЖЕНЩИНА. И воздух словно стоит… Позвоню-ка я ребенку.

МУЖЧИНА. Может, они спят?

ЖЕНЩИНА. Разве Идрис не говорил, что солнце взошло? *(Женщина, закрыв окно, подходит к телефону.)* Поднеси сюда свет. *(Мужчина отходит от окна и подходит к телефону.)* Алло!.. Да, это я… Доброе утро, сынок!.. Что делаете? Да? Очень хорошо. Нет, все нормально. Что с голосом? *(Смеется.)* Голос как голос, как всегда… Просто позвонила, узнать, как вы? Папа? И папа хорошо… Привет тебе передает… А дети что делают? Да? Нет, сынок, нам ничего не нужно. Ладно, пока. *(Кладет трубку.)*

МУЖЧИНА *(взволнованно и нетерпеливо)*. Что говорит?

ЖЕНЩИНА *(нервно)*. Говорит, дети в школе, а он собирается на работу. *(Пауза.)* Говорит, если нам что-то нужно, то принесет вечером…

МУЖЧИНА *(со все усиливающимся страхом и волнением)*. А… а ты не спросила… у них солнце взошло?

ЖЕНЩИНА. Ты думаешь, если бы солнце не взошло, то дети пошли бы в школу? И сам он на работу собирается… Сказал же… Доброе утро, мама…

МУЖЧИНА *(дрожащим голосом)*. Может, и он не хочет пугать нас? *(Снова выглядывает в окно, смотрит наверх, шепчет дрожащим голосом.)* Господи! У нас один единственный ребенок! Один единственный сын, спаси и сохрани его и детей его!

ЖЕНЩИНА. Ты что-то сказал?

МУЖЧИНА *(отодвигаясь от окна)*. Нет.

Женщина, осторожно ступая, подходит и садится на край кровати. Мужчина закрывает окно и при свете уже гаснущей свечи осторожно подходит и тоже садится на кровать спиной к Женщине.

ЖЕНЩИНА. Если бы Дьявол не был сильнее, то не смог бы соблазнить Еву... *(Пауза.)* Почему Бог пустил его в Рай?

МУЖЧИНА. Кого?

ЖЕНЩИНА. Кого, кого?! Дьявола.

МУЖЧИНА. Дьявола?

ЖЕНЩИНА. Да. *(Пауза.)* Почему он позволил Еве соблазнить Адама?

МУЖЧИНА *(все еще держа подсвечник)*. Есть еще свечи?

ЖЕНЩИНА. Нет... *(Мужчина ставит подсвечник на тумбочку. В свете свечи отраженное в зеркале трюмо его тело начинает дрожать. Женщина ложится на спину на кровать.)* Разве вчера дети к нам приходили?

МУЖЧИНА *(с удивлением)*. Какие дети? *(Пауза.С тем же удивлением повторяет.)* Какие дети? *(Пауза.)* Ты спишь? *(Пауза. Он поворачивается к Женщине, какое-то время внимательно смотрит на нее, потом прикладывает ладонь к ее груди. Взволнованно.)* Холодная... *(Нагибается и прикладывает ухо к ее груди. С еще большим волнением.)* Не бьется...

Мужчина достает из-под подушки маску, надевает ее на лицо и ложится на спину рядом с Женщиной. Долгая пауза.

ЖЕНЩИНА *(поднимая голову)*. Ты спишь? *(Пауза. Она поднимается и несколько минут внимательно смотрит на Мужчину, потом кладет руку ему на грудь. С волнением.)* Холодный... *(Нагибается и прикладывает ухо к его груди. С еще большим волнением.)* Не бьется...

Женщина протягивает руку и достает из-под подушки маску, надевает на лицо и снова ложится на спину.
Пламя свечи дрожит, отражаясь в зеркале, и наконец гаснет.
В мертвой тишине все погружается в темноту.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

На сцене концертного зала стоит только открытый рояль. Зрителей не видно, слышно только их шуршание и голоса, чувствуется, что в большом зале аншлаг.

ОБЪЯВЛЕНИЕ: Дамы и господа! Просим вас отключить телефоны.

Пауза.

На сцену в белоснежном смокинге и ярко-красной бабочке выходит Ведущий.

ВЕДУЩИЙ *(торжественно)*. Дамы и господа! Дорогие друзья! Сегодня в этом концертном зале мы являемся участниками исторического события. Великий пианист XXI века *(протягивая руку в сторону выхода на сцену.)* маэстро...

Раздаются бурные аплодисменты, Ведущему приходится выждать, пока аплодисменты стихнут. Постепенно аплодисменты стихают, и Ведущий продолжает.

маэстро...

Вновь раздаются бурные аплодисменты, и Ведущему вновь приходится выжидать какое-то время. Аплодисменты стихают, Ведущий пытается продолжить.

маэстро...

Вновь раздаются бурные аплодисменты, но на этот раз Ведущий уже не выжидает и называет имя маэстро, но его слова заглушаются аплодисментами, видно, что он что-то говорит, но его не слышно. Наконец аплодисменты стихают и можно услышать слова Ведущего…

Приехал на гастроли в Азербайджан! *(Аплодисменты.)* Я поздравляю всех вас с сегодняшним большим музыкальным праздником! *(Аплодисменты.)*

После того, как зал успокоился, Ведущий называет исполняемое произведение.

Скрябин. Соната для фортепиано номер 9.

Ведущий уходит. Пауза, полная ожидания.

Наконец на сцене появляется пианист. Зрители его приветствуют долгими и бурными аплодисментами.

Пианист, стоя посреди сцены, с удивлением смотрит в зал, кажется, он не понимает причину столь бурных аплодисментов и, понаблюдав с удивлением несколько минут за реакцией зала, стремительно подходит и садится за рояль.

В зале воцаряется тишина.

Пианист устраивается поудобнее и, закрыв глаза, массирует руки, застывает, потом, резко открыв глаза, начинает играть. Звучат первые аккорды.

Под звуки сонаты Скрябина за занавесом слышен его голос.

ГОЛОС ПИАНИСТА *(тихо, почти шепотом, с чувствующимся волнением он говорит сам с собой)*. Что сказала эта Ведущая? Соната Скрябина? Хм... *(Тихонько смеется.)* Самое большое открытие человечества – теория относительности? Нет! Самое большое открытие человечества – это две театральные маски: одна смеющаяся, а другая – плачущая. Потому что...

Слова Пианиста и музыка Скрябина прерываются, он резко поднимается из-за рояля и несколько раз кланяется залу. Раздается гром аплодисментов.

– Браво!..
– Бис!..
– Браво!
– Браависсимо!..

Пианист снова садится за рояль и, подготовившись, продолжает играть сонату Скрябина. Зал затихает, очарованный музыкой и исполнением, только иногда слышно какое-то движение или покашливание и т.д.

ГОЛОС ПИАНИСТА *(продолжает)*. ...потому что человечество в эти две маски умудрилось втиснуть миллиарды масок. *(Смеется.)* То есть, у людей есть всего две маски: одна смеется, другая – плачет. И все!.. Да? Абсолютно! *(Пауза. Слышна только исполняемая Пианистом музыка.)* В этом мире только я свободен, дышу свободно, только я не ношу никакой маски, ни о чем и ни о ком не думаю, слушаю только пение птиц, шум моря, шелест дождя, всем своим существом ощущаю легкий весенний ветерок. Возможно ли это?.. Да? Поверили? *(Смеется и, радуясь, повторяет.)* Обманул!.. Обманул!.. Обманул!.. *(Пауза. В зале, окутанном тишиной, звучат только звуки исполняемой им сонаты Скрябина.)* У меня, например, есть семнадцать масок. Одна, две, три... и в конце – семнадцатая! Нет!.. Нет!.. Двадцать три! У меня двадцать... три?.. Нет, одна... двадцать одна маска! Я люблю эти маски! Я не могу жить без этих масок! Вы думаете, что я живу на планете Земля? Нет! Я ненавижу Землю! Я живу в мире сказок, легенд, преданий, богов. Вы думаете, что это вы создали эти сказки, легенды, предания, богов, и на этом – все?! Нет! Все эти сказки, легенды, предания, богов создали маски! И существующие там верность, преданность, свобода, независимость, предательство – все, все создано масками! Дома маска, на улице – маска... Везде... Все вокруг в масках... Правильно?! Вот так!.. *(Смеется и повторяет.)* Обманул!.. Обманул!.. Обманул!..

Пианист исполняет последние аккорды сонаты Скрябина. Через несколько секунд зал взрывается аплодисментами.

– Браво!
– Браво!
– Бис!..
– Браво!..

ГОЛОС ПИАНИСТА. Думаете, эти люди поняли, что я сейчас сказал своим исполнением? *(Пианист достает из недр рояля платок, вытирает пот, потом встает и с*

платком в руке начинает кланяться зрителям, снова садится. Аплодисменты не стихают.) Они думают, что я сыграл им Скрябина... Несчастные! Я ненавижу Скрябина! Я нотами Скрябина писал свое послание! *(Пианист снова встает, все еще держа платок в руках, несколько раз кланяется. Аплодисменты не смолкают.)* Кому писал? Вам! *(Снова, смеясь, повторяет.)* Обманул!.. Обманул!.. Обманул!..

После появления Ведущей в белоснежном смокинге и ярко-красной бабочке аплодисменты наконец стихают.

ВЕДУЩАЯ. Вагнер. Фантазия Фис-моль!

Зал взрывается аплодисментами.
Пианист аккуратно складывает платок, прячет его внутрь рояля и садится за инструмент. Пауза.
Раздаются первые аккорды Фантазии Вагнера, и в тишине зала слышны только звуки музыки Вагнера.

ГОЛОС ПИАНИСТА *(с иронией)*. Хм... Что сказал этот Ведущий? Фантазия Вагнера? *(Тихо смеется.)* Но дело не в том, кому я пишу это послание... Главное *(делая ударение)* – для чего я это делаю! Для чего? *(Тихо смеется.)* Послания пишу не я, послания пишет он! *(Продолжая игру левой рукой, пальцем правой руки указывает на рояль.)* Он!.. Потому что все маски подделки!.. Оригиналы давно утеряны!.. *(Пауза. Слышна только музыка Вагнера.)* Я ненавижу маски!.. Их надевают на карнавалах, а после праздника снимают и выкидывают. Выбросили маски, и на этом – конец! Все! Да? Правда? Вот так! *(Тихо смеется.)* Поверили? Мир полон использованных на карнавалах масок, и что? Что будет, если собрать все эти картонные маски и сжечь? Мир изменится? А может, разрушится? *(Нервно.)* Ладно, не мешайте! Не мешайте!

Пауза.
Пианист с еще большой страстью играет «Фантазию», звучат последние аккорды. Зал, словно загипнотизированный, хранит молчание еще несколько секунд, а потом взрывается аплодисментами.

– Браависсимо!..
– Бис!..
– Браво!..
– Браво!..

Пианист вынимает из недр рояля платок, вытирает пот и, поднявшись, кланяется залу. От грома аплодисментов стены зала дрожат. Пианист еще раз кланяется, но аплодисменты не стихают, и эти непрекращающиеся аплодисменты, кажется, уже раздражают Пианиста – он смотрит в сторону кулис.
Ведущий в белоснежном смокинге и ярко-красной бабочке выходит на сцену, на его лице маска и непонятно, мужчина это или женщина. Возможно, он представляет следующее произведение, которое исполнит Пианист, однако его слова тонут в аплодисментах.
Пианист, вытирая платком руки, лицо и шею, нервно прохаживается по сцене, и только после этого аплодисменты начинают постепенно стихать.

ВЕДУЩИЙ *(непонятным, странным, но интимно-притягивающим голосом)*. Тартини. Соната Дьявола.

В зале гром аплодисментов. Пианист с удивлением смотрит на Ведущего.

ПИАНИСТ *(взволнованным шепотом, Ведущему)*. Почему вы это объявили?

ВЕДУЩИЙ *(поднимает руку, пытаясь успокоить зал)*. Одну минуту!.. Одну минуту!.. Позвольте!..

Аплодисменты продолжаются.

ПИАНИСТ *(тем же взволнованным голосом, Ведущему)*. Разве я говорил вам, что буду играть «Дьявольскую сонату»?

ВЕДУЩИЙ *(тихо)*. Конечно, маэстро. Это же ваш коронный номер!.. Не видите, как бушуют ваши поклонники?!

Пианист в расстроенном состоянии уходит со сцены,
и зрители наконец успокаиваются.

Дамы и господа! Дорогие друзья! Прежде чем я приглашу маэстро на сцену, я хотел бы познакомить вас с историей создания этого произведения.

ГОЛОС ПИАНИСТА. Разве я говорил, что буду исполнять это?

ВЕДУЩИЙ *(продолжает)*. Джузеппе Тартини – великий итальянский композитор и скрипач XVII века. «Дьявольская соната» является самым его знаменитым произведением. Эта с первой до последней ноты волшебная соната, кажется, на самом деле создана не человеком. Тартини, вспоминая историю создания этой великой сонаты, говорил, что в 1713 году как-то ночью ему приснился сон, в котором он продал Дьяволу душу. Дьявол стал его покорным слугой, готовым исполнить любое его желание. Тартини дал ему свою скрипку, чтобы посмотреть, на что тот способен… Слушая Дьявола, Тартини…

Ведущий продолжает говорить, но слова его озвучиваются Пианистом.

ГОЛОС ПИАНИСТА. …Я был околдован, когда услышал неописуемо и невообразимо красивую музыку, исполняемую Дьяволом. Дыхание перехватило, все мое существо было охвачено этой музыкой, и я резко проснулся. Вскочив с постели, я схватил скрипку и, крепко прижав ее к себе, начал играть услышанную мной во сне музыку...

Вновь слышен голос Ведущего.

ВЕДУЩИЙ *(продолжая свою речь)*. Тартини назвал эту сонату соль-минор «Дьявольская трель», и уже более трехсот лет это великое произведение, прославившееся как «Соната Дьявола», завораживает слушателей. И больше трехсот лет великие скрипачи, начиная с самого Тартини, – Паганини, Анри Вьётан, Вивальди, Леклер, Ойстрах исполняли это произведение. Однако маэстро переложил это произведение

для игры на рояле, и уже год эта соната в его репертуаре гастролирует по миру. В его исполнении это произведение покорило весь мир! Оно приводит мир в смятение! Маэстро дал новую жизнь этому произведению, еще более раскрыл его тайну и волшебство. Сегодня мы празднуем юбилей – исполняется год, как маэстро переложил это бессмертное произведение для игры на фортепиано и дал «Сонате Дьявола» новую жизнь.

Зал разразился аплодисменты, чтобы перекричать этот шум, Ведущий поворачивается к кулисам и кричит:

Пожалуйста, маэстро!..

Под гром аплодисментов Пианист выходит на сцену, держа в руке платок, на миг задерживается около Ведущего.

ПИАНИСТ *(тихо, но нервно)*. Разве я говорил вам об этом?

ВЕДУЩИЙ *(тихо)*. Конечно, маэстро!.. Сегодня счастливый день нашего юбилея!.. *(В микрофон.)* Поздравляем маэстро!.. Поздравляем!..

Ведущий покидает сцену. Пианист нервно проходит и садится за рояль. Наступает тишина. Пианист бросает платок на пол, начинает растирать руки, закрывает глаза и на какое-то время оцепеневает, затем резко встает с места, кланяется залу. Зал взрывается аплодисментами. Пианист снова садится.

ГОЛОС ПИАНИСТА. Разве я говорил об этом? *(Пауза.)* Откуда он взялся? Кто это? Может, не «кто», а «что»? *(Наконец звучат первые аккорды «Сонаты Дьявола».)* Откуда он пришел? Разве я говорил ему об этом? Нет! Я ему этого не говорил! Не говорил! Я его даже не знаю! Не говорил? *(Нервно повторяет.)* Не говорил! Не говорил! Не говорил!

Вдруг изнутри рояля начинает подниматься дым. В зале начинается волнение.

ГОЛОСА:
– Что это такое?!.
– Это дым?!
– Дым!..
– Рояль дымится!..

Пианист, не обращая ни на что внимания, продолжает играть. Дым уже поднимается с клавиатуры, но Пианист продолжает играть, по мере того, как страстность его исполнения «Сонаты Дьявола» возрастает, изнутри рояля все выше поднимается пламя.

Слышны крики испуганных зрителей:

– Рояль горит!..
– Пожар!..
– Маэстро, вставайте!..

– Маэстро!..
– Маэстро, спасайтесь!...
– Маэстро, бегите!.. Не играйте!.. Остановитесь!..

Пианист словно ничего не слышит, ничего не видит, закрыв глаза, он играет сонату Тартини, неожиданно на сцену начинают падать разноцветные картонные маски, как будто с потолка идет все усиливающийся дождь из масок. Зрители уже не скрывают своей паники, и среди звуков страстного исполнения Пианистом сонаты слышны их напуганные возгласы:

– Что это?..
– Что это за дьявольская игра?..
– Спасите маэстро!..
– Маэстро, вставайте!.. Вставайте!..
– Не играйте!..
– Маэстро!..
– Хватит!..

Маски, падающие сверху, попадают и на горящий рояль, отчего пламя разгорается еще сильнее. Пианист продолжает исполнять произведение, пламя перекидывается и на падающие на него маски. Зал в смятении.

– Это проделки Дьявола!..
– Проделки Дьявола!..
– Дьявол!..
– Дьявол!..
– Дьявол!..

Люди в панике убегают из зала. Вместе с роялем загорается и Пианист, и они вместе превращаются в одно огромное пламя. А соната Тартини все еще продолжает звучать.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Пустая комната. В середине стоит стол с четырьмя стульями. Диван, стоящий вплотную к стенке, буфет, телевизор, сложенные друг на друга книжные полки. Вначале слышен звук летящего насекомого, затем с мухобойкой в руке слева вбегает Жена.

ЖЕНА. Это мой день рождения!.. День рождения!.. *(В сердцах хлопает мухобойкой по столу.)* Вот тебе! *(С огорчением.)* Чтоб тебя... Улетел. *(Подбегает к буфету, подпрыгивает и ударяет мухобойкой по верхней части буфета.)* На тебе! *(С огорчением.)* Опять улетел!..

Муж, держа в руке мухобойку, вбегает в комнату с правой стороны.

МУЖ. Сегодня мой день рождения!.. День рождения!.. *(С силой хлопает мухобойкой по дивану.)* Вот так! *(С огорчением.)* Нет, улетел...

Муж и Жена останавливаются друг перед другом.

ОБА ВМЕСТЕ. Что случилось?
МУЖ. В дом залетел жук.
ЖЕНА. Да, домой залетел жук.

Оба, хлопая мухобойкой по мебели, гоняются за жуком.

– На!..
– Улетел!..
– Чтоб тебя!..
– Ах ты, негодяй!..
– Опять улетел!..

Оба какое-то время гоняются по всей сцене за жуком, пытаясь убить его.

ЖЕНА *(подбегает к подлокотнику дивана, хлопает по нему мухобойкой и радостно кричит)*. Убила! Убила!
МУЖ *(нагибается и внимательно смотрит)*. Где?
ЖЕНА. Вот... Я же убила его, убила!..
МУЖ. Так вот он, летает!..

Оба опять бегают по комнате, хлопая по мебели мухобойкой.

ЖЕНА *(хлопает мухобойкой по экрану телевизора)*. Убила! Убила!
МУЖ *(нагибается и внимательно смотрит)*. Нет его!
ЖЕНА. Он упал на пол.
МУЖ. Где?
ЖЕНА. Подожди, пойду, очки принесу.
МУЖ. Я же сказал, что нет его.
ЖЕНА *(оглядываясь по сторонам)*. Тогда где он? И не слышно его.
МУЖ. Улетел.
ЖЕНА. Куда?
МУЖ *(пожимает плечами)*. Куда?

Жена тоже пожимает плечами, оба внимательно осматривают комнату.

ЖЕНА. Нету!
МУЖ. Нету!

Раздается звонок в дверь.

МУЖ. Пришли.
ЖЕНА. Зачем?
МУЖ. Поздравить меня.
ЖЕНА. Поздравить меня?

Жена поспешно выходит из комнаты. Муж смотрит ей вслед, затем быстро подходит к телевизору и, опустившись вниз, внимательно осматривает пол.

МУЖ *(тихо)*. Ты смотри, еще живой!.. *(Поднимается и, наступив на жука, добивает его.)* Вот так!..

На сцене появляется Жена, за ней идут Мужчина и Женщина, знакомые нам по первому действию.

МУЖЧИНА. Привет, Идрис, дорогой друг! *(Обнимает Мужа.)* От души поздравляю тебя!
ЖЕНЩИНА. Поздравляем тебя!
ЖЕНА *(сердито)*. Это мой день рождения.

Пауза.

МУЖ *(Мужчине и Женщине)*. Вот вы скажите, у кого сегодня день рождения?
МУЖЧИНА *(растерянно)*. Позвольте!

Мужчина и Женщина проходят, садятся на диван и начинают тихо обсуждать. Муж и Жена с нетерпением ждут их решения. Наконец Мужчина и Женщина поднимаются и подходят к ним.

МУЖЧИНА *(Мужу)*. Мы пришли к решению, что вначале я поздравлю тебя, *(показывая на Женщину.)*, а она – ее *(показывает на Жену.)*, потом она тебя поздравит, а я – ее.
ЖЕНА. О-о-о!.. Какие вы мудрые люди!
МУЖ. Нам это и в голову не приходило!

Мужчина обнимает и поздравляет Мужа, а Женщина – Жену, потом они спешно меняются местами, и Женщина поздравляет Мужа, а Мужчина – Жену.

ЖЕНА. Как все хорошо получилось!
МУЖ. Да, очень хорошо!
ЖЕНА. Я очень счастлива!
МУЖ. Я очень счастлив!
ЖЕНА *(приглашает за стол)*. Пожалуйста, садитесь! Ах, какие вы мудрые люди!

Все четверо садятся за пустой стол. Пауза.

МУЖ *(глядя на пустой стол)*. Прислуга еще не пришла. *(Кладет мухобойку на стол).*

ЖЕНА. Мы дали ей сегодня выходной. *(Кладет свою мухобойку на стол. Пауза.)*
МУЖЧИНА. А вы знаете, ангелы говорят на языке музыки.
ЖЕНЩИНА. Но не все ангелы божественны.
МУЖЧИНА. Да, и Дьявол тоже ангел.
ЖЕНА. Какие вы мудрые люди!
МУЖ. Беседа с вами – одно удовольствие!
МУЖЧИНА *(поднимаясь)*. Идрис, дорогой мой друг!..

Муж тоже встает, и они обнимаются.

МУЖ. Мой брат!..

Муж садится на место Мужчины, а Мужчина на место Мужа. Пауза.

МУЖЧИНА. А вы знаете?
МУЖ. О чем?
ЖЕНА. Что случилось?
ЖЕНЩИНА. Разве вы не слышали?
МУЖ. Нет.
ЖЕНА. Нет
МУЖЧИНА. Не может быть!..
ЖЕНЩИНА. Вы что, в самом деле не слышали?
МУЖ и ЖЕНА ВМЕСТЕ. Нет!
МУЖЧИНА *(шепотом Женщине)*. И ты не слышала?
ЖЕНЩИНА *(качает головой)*. Нет, и я не слышала.
ЖЕНА. Скажите! Я вся в нетерпении. Что случилось?
ЖЕНЩИНА. Очень интересная история!

Пауза.

МУЖЧИНА. Город подвергся нападению насекомых.
МУЖ. Что?
ЖЕНА. А что насекомым делать в городе?
МУЖ. Ты всегда говоришь глупости! Как всегда!
ЖЕНА. Паникер! *(Встает и меняет свое место за столом.)*
МУЖЧИНА *(вставая)*. Вот увидите!.. Идрис, ты меня больше не увидишь! Между нами все кончено!

Мужчина со злостью, с шумом отодвинув кресло, быстрыми шагами покидает комнату. Женщина, прощаясь, машет ему.

ЖЕНА *(с удивлением глядя на Мужа)*. Что это с ним?

Муж пожимает плечами.

ЖЕНА *(глядя на Женщину)*. Что-то случилось? *(Женщина пожимает плечами.)* Люди стали очень странными...
ЖЕНЩИНА. Вам сны снятся?

МУЖ *(сердито)*. Я не сплю.

ЖЕНА. Он не спит.

ЖЕНЩИНА. И я не сплю.

МУЖ. Врачи говорят, что сон обязателен.

ЖЕНЩИНА. Конечно. Но мне вчера приснился очень плохой сон.

ЖЕНА. Плохой сон?

ЖЕНЩИНА. Очень страшный.

ЖЕНА. Очень страшный?

ЖЕНЩИНА. Очень!

ЖЕНА. Ну расскажи, расскажи! Мне не терпится услышать все!

ЖЕНЩИНА. Но ведь он очень страшный.

МУЖ. Нам нравятся страшные сны.

ЖЕНА. Расскажи! Расскажи!

ЖЕНЩИНА. Мне приснилось, будто с небес, с белоснежных облаков, хрупкая, красивая девушка, завернутая в белое кружевное покрывало, маленькими шагами спускалась вниз по невидимой лестнице.

ЖЕНА. Ах, как красиво!..

МУЖ. А что тут страшного?

ЖЕНЩИНА *(обиженно)*. Тогда не буду рассказывать.

ЖЕНА. Нет, расскажи, расскажи!

ЖЕНЩИНА. Но он же сказал, что не страшно.

МУЖ. Я просто так сказал.

ЖЕНА. Он просто так сказал.

ЖЕНЩИНА. Тогда расскажу.

ЖЕНА. Да, расскажи, расскажи.

ЖЕНЩИНА. Эта красивая нежная девушка, спустившись на землю, подошла ко мне.

ЖЕНА. Ах, как красиво! А потом?

МУЖ *(насмешливо)*. Это и есть страшный сон?

ЖЕНЩИНА *(обиженно)*. Тогда не буду рассказывать.

ЖЕНЩИНА. Нет, расскажи!

МУЖ. Я просто так спросил.

ЖЕНА. Он просто так спросил.

ЖЕНЩИНА. Тогда расскажу. Я... я поняла, что это ангел, сошедший с небес. Она подошла и встала передо мной. От нее исходил райский аромат.

ЖЕНА. Ах, как красиво. *(Мужу, указывая на Женщину.)* Какая же она счастливая! Да?! Разве я не права?!

МУЖ. Не знаю...

ЖЕНЩИНА. Да? Не знаете? Брат Идрис, тогда я...

ЖЕНА *(поспешно перебивает ее)*. Знает! Знает! *(Мужу.)* Да?

МУЖ *(сердито)*. Да.

ЖЕНА *(нетерпеливо)*. А что дальше произошло?

ЖЕНЩИНА. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

ЖЕНА. Ах!

ЖЕНЩИНА. Но...

ЖЕНА. Но что?

ЖЕНЩИНА. Я боюсь...

МУЖ. Не бойся, я тут.
ЖЕНА. Не бойся, он здесь. Но что?
ЖЕНЩИНА. Она посмотрела на меня и улыбнулась... Я увидела, что...
ЖЕНА. Ну! Что ты увидела?
ЖЕНЩИНА. Я увидела, что у нее черные, острые, как заточенные топоры, зубы! Вдруг ее глаза заблестели красным светом. Я поняла, что это Дьявол! Я закричала: «Господи!» Как только я закричала, он превратился в огромного жука и, жужжа, улетел.
ЖЕНА *(Мужу)*. Страшно было?
МУЖ *(зло)*. Что я какого-то жука испугаюсь?

Раздается звонок в дверь.

ЖЕНА. Кто бы это мог быть?

Муж пожимает плечами.

ЖЕНЩИНА. Мне страшно.
ЖЕНА. Чего ты боишься?
ЖЕНЩИНА. Вдруг он вернется?
МУЖ. Кто?
ЖЕНЩИНА. Тот жук!..
МУЖ. Не бойся, я тут.
ЖЕНА. Он тут.

В дверь еще раз звонят.

ЖЕНА *(Мужу)*. Иди, открой дверь.
МУЖ. Я до этого открывал. Теперь твоя очередь.
ЖЕНА. Нет, до этого открывала я.
МУЖ *(Женщине)*. Кто вам дверь открыл?
ЖЕНЩИНА. Закир.
МУЖ. Кто такой Закир?
ЖЕНЩИНА *(пожимает плечами)*. Не знаю... (*В дверь опять звонят.)* Я боюсь...

Опять раздается звонок.

ЖЕНА. Ладно...

Жена уходит открывать дверь, Женщина с беспокойством смотрит ей вслед.

ЖЕНШИНА *(с тревогой)*. Ты не убежишь?
МУЖ *(нерешительно)*. Я?
ЖЕНЩИНА. Да. Не оставляй меня одну, не убегай.

Входит Жена, за ней идет Мужчина.

ЖЕНЩИНА. Господи!.. Это ты! Как хорошо, что ты вернулся из командировки! А то мне было очень страшно.

МУЖЧИНА. Почему?

ЖЕНА. Почему?

МУЖ. Почему?

ЖЕНЩИНА. Думала, сейчас та девушка, завернутая в белое кружевное покрывало, придет сюда... И я увижу опять ее... ее черные зубы…

МУЖ. И что? У меня тоже зубы чернеют от курения.

ЖЕНА. У него тоже зубы чернеют от курения.

МУЖ. Раз в год хожу к стоматологу и отбеливаю их.

ЖЕНА. Да. Я знаю об этом. Потому что и я хожу к кардиологу.

Мужчина подходит и обнимает Мужа.

МУЖЧИНА. Привет, Идрис, дорогой мой друг! От души поздравляю тебя.

ЖЕНЩИНА. Наши поздравления! Наши поздравления!

ЖЕНА. Я категорически против!

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА *(оба в удивлении)*. Почему?

ЖЕНА. Поздравлять надо меня!

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА *(с тем же удивлением)*. А что, и у тебя день рождения?

ЖЕНА *(сердито)*. Да! У меня юбилей!

МУЖЧИНА. Тогда я скажу вам кое-что.

МУЖ. Да, говори.

ЖЕНА *(обиженно).* Что хочешь сказать?

МУЖЧИНА. Говори, говори!

Мужчина проходит и садится за стол. Пауза

ЖЕНА. Ладно, говори.

МУЖЧИНА. Сказать?

МУЖ. Говори, говори.

МУЖЧИНА. Если на тебе дорогой костюм, а под костюмом сердце, бьющееся в аритмии, то твой костюм гроша ломаного не стоит! *(Пауза.)*

ЖЕНА. Ой, как интересно!

МУЖ. Нет! Я с этим мнением не согласен!

МУЖЧИНА *(сердится)*. Почему?

ЖЕНА. Он не согласен с этим мнением!

МУЖ. Я могу такое сказать!..

ЖЕНА. Он может такое сказать!.. О-о-о!..

ЖЕНЩИНА. Скажи!.. Скажи!.. *(Прикрикивает на мужчину.)* Пусть расскажет!

МУЖЧИНА *(обиженно пожимает плечами)*. Да пусть рассказывает...

МУЖ. Наш близкий и любимый родственник в этом году получит Нобелевскую премию!

ЖЕНЩИНА. Ой!.. Нобелевскую премию?

МУЖ *(торжественно)*. Да!

МУЖЧИНА *(с иронией)*. Вот еще!

ЖЕНА *(торжественно)*. Да! Да! *(Мужу.)* Правильно?
МУЖ. Конечно!
МУЖЧИНА. И кто это?
МУЖ. Вы разве в газетах не читали?
ЖЕНА. Вы не слышали?
МУЖЧИНА. Нет! Я покупаю и читаю все газеты. Такой информации не было!
МУЖ. Тогда я расскажу!
ЖЕНА. Расскажи! Расскажи! Кто это?
МУЖ. Двоюродный брат свата свекрови дочери второй жены моего двоюродного брата от первого брака! *(Жене.)* Так?
ЖЕНА. Конечно! Он каждый день к нам заходит, очень любит цейлонский чай.
МУЖЧИНА. Я тебе должен сказать, что...

Неожиданно раздается жужжание жука.

ЖЕНА. Ой! Опять этот мерзкий жук прилетел! *(Быстро встает с места, хватает мухобойку со стола и бегает за жуком, хлопая мухобойкой по мебели.)*
МУЖ *(пораженный, тихо)*. Ожил? *(Затем хватает мухобойку со стола и, присоединившись к Жене, тоже гоняется за насекомым.)* Жук!

Мужчина спешно достает из нагрудного кармана, а Женщина из-под жакета мухобойку. Вскочив с места, они присоединяются к Жене и Мужу и носятся за насекомым. Все четверо, то и дело толкая друг друга, бегают по комнате, хлопая по мебели мухобойками с криками:

– Сюда сел!
– Вот тебе!
– Улетел!
– Бей!
– На тебе!
– Улетел!
– Мы убьем его!
– Я убью его!
– Опять улетел!
– Вот, сейчас!
– На тебе!
– Ах ты!
– Вот так!

После того, как Жена хлопнула мухобойкой по столу, жужжание прекратилось.

ЖЕНА *(радостно)*. Убила! Убила! Я убила его! Вы видели?!
МУЖ. Ты его так прихлопнула, что он прилип к столу.
МУЖЧИНА. Ему и этого мало!
ЖЕНЩИНА *(еще раз хлопает по столу)*. Вот тебе, пакостник, вот тебе! Умри!
МУЖЧИНА. Это настоящая победа!
ВСЕ ЧЕТВЕРО. Победа! Победа!

Сначала слышатся звуки шагов, затем появляются музыканты: пятеро мужчин с духовыми музыкальными инструментами (труба, валторна, тромбон, туба и фагот) и женщины, у одной из них на шее висит большой барабан, другая держит медные тарелки. На их лица надеты маски разного цвета с различными улыбками. Музыканты начинают играть «Марсельезу».

Муж и Жена, Мужчина и Женщина, выстроившись в ряд лицом к зрителю, поют на французском «Марсельезу»:

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrivé!
Contre nous de la tyrannie
L'étendard sanglant est levé, *(bis)*
Entendez-vous dans les campagnes
Mugir ces féroces soldats?
Ils viennent jusque dans vos bras
Égorger vos fils, vos compagnes!

Женщины-музыканты подбегают и присоединяются к ним и припев поют вместе.

Aux armes, citoyens,
Formez vos bataillons,
Marchons, marchons!
Qu'un sang impur
Abreuve nos sillons!

Вдруг все – и музыканты, и поющие «Марсельезу», замолкают и прислушиваются. В тишине опять слышно жужжание насекомого.

ЖЕНА *(взволнованно)*. Жук? Жук? *(Подняв мухобойку, которую она продолжала держать в руке, начинает гоняться за насекомым.)* Жук!.. Жук!..

Муж, Мужчина, Женщина, подняв мухобойки, тоже начинают гоняться за насекомым. Глядящие на них музыканты, словно, очнувшись от сна, бросают на пол, кто куда, свои инструменты, достают мухобойки, кто из внутреннего кармана, кто из-под рубашки, присоединяются к четверке:

– Бей!
– Улетел!
– На тебе!
– Улетел!
– Вот тебе!
– Попал?
– Нет!

Занавес постепенно опускается, но еще какое-то время за ним слышны их голоса.

2017

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

Опаленный «шестидесятыми», или «Таинственная страсть» Эльчина

У вполне благополучного в начале творческого пути писателя – Василия Аксенова, ставшего на исходе советской власти диссидентом, есть роман под названием «Таинственная страсть». Он посвящен кумирам шестидесятых – Роберту Рождественскому, Андрею Вознесенскому, Владимиру Высоцкому и другим – которые сопротивлялись власти или поддавались ей, верили в идеалы или предавали их, любили, ошибались…

И, несмотря ни на что, творили, потому что жажду творчества невозможно убить никаким режимом. Вот эту жажду творить, порой даже вопреки, писатель называет «таинственной страстью».

… Я недаром вынесла в заголовок слово «шестидесятые». Ибо именно Эльчин, хотя и был младше остальных по возрасту, является ярчайшим представителем «шестидесятничества» в Азербайджане – уникального, бунтарского по своей сути явления. Никакой режим, никакие, самые суровые, реалии, никакие «руководящие установки» не могли бы заставить Эльчина изменить своим эстетическим принципам и сделать его конформистом. И потому все его произведения, от первых юношеских рассказов конца 60-х годов XX века до последних зрелых произведений периода независимости представляют собой цельную художественную систему, не подверженную конъюнктуре времени.

При этом, что самое удивительное, жизнь Эльчина по своим внешним параметрам складывалась вполне благополучно. Молодой ученый, затем секретарь Союза писателей Азербайджана в советские годы, председатель Общества культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, депутат Верховного Совета Азербайджана и наконец вице-премьер правительства страны, курирующий всю гуманитарную сферу… Однако параллельно с этими этапами стремительного карьерного восхождения внутри самого писателя непрестанно кипела напряженная внутренняя работа, та самая «таинственная страсть», которая, к счастью, никогда Эльчина не покидала. И все, что выходило из-под пера талантливого прозаика и драматурга, было, в хорошем смысле слова, «вне времени и пространства», то есть написано не на злобу дня, пусть даже самую актуальную, а на темы нетленные, вечные, шекспировского, так сказать, масштаба. В произведениях Эльчина и в советскую эпоху, и много позднее всегда было что-то диссидентское, такое, что не укладывалось в прокрустово ложе социалистического реализма. Это касалось и выбора тем для повестей и рассказов, и самой стилистики, самой ткани повествования.

Собирая материал для своего многотомника «Гейдар Алиев. Личность и эпоха» и беседуя с Эльчином, я спросила его, как так получилось, что в 70-е годы XX столетия, несмотря на суровую для «шестидесятников» брежневскую эпоху, когда повсюду закручивались гайки, а многие советские писатели предпочитали сами или под давлением эмигрировать за рубеж, в Азербайджане публиковались крамольные вещи, и при этом ни один литератор не пострадал, не был выслан, посажен в психушку и пр.

Вот каков был ответ Эльчина:

– **«Парадокс заключается в том, что самым первым и зачастую невидимым защитником, если хотите, покровителем азербайджанских «шестидесятников» был партийный руководитель Азербайджана Гейдар Алиев. Мне известный российский критик Лев Аннинский как-то говорит: «Вы чего в республике делаете? Вы себе позволяете печатать в своих журналах крамольные вещи!»**

– Однако бытует и другое мнение, особенно среди молодых литераторов, о том, что азербайджанская, как и в целом, советская творческая интеллигенция, вышла из «шинели Сталина» и была генетически заражена бациллами страха. Она и писала только о том, о чем ей разрешали писать.

– **Это в корне ошибочное суждение. Не знаю, как в других республиках, но в Азербайджане не было диссидентской литературы, в основном, потому, что все свои вещи мы печатали. Многие из тех произведений, которые мы публиковали с молчаливого согласия Гейдара Алиева в журнале «Азербайджан», не смогли бы появиться в московских журналах, ибо их посчитали бы диссидентской литературой».**

Я безмерно уважаю Эльчина за его «таинственную страсть», за его многолетнюю верность идеалам шестидесятничества, за его бескорыстное служение Слову… А такое Слово, как известно, пребудет вечно!

*… Свои зарисовки о творчестве Эльчина я стала писать как-то незаметно для себя, повинуясь исключительно вдохновению. Не претендуя на глубокий анализ, на фундаментальность литературоведческого подхода. Однако искренняя похвала маститого прозаика, обмолвившегося однажды, что «**в твоем лице, Эльмира, азербайджанская литература приобрела хорошего публициста, но потеряла не менее талантливого литературного критика**», подвигла меня продолжать эти зарисовки и вообще вернуться к жанру литературных рецензий. Так появилась серия статей о разных ипостасях творчества того, кто столь близок мне по духу, по мироощущению, по преданности литературным идеалам нашей молодости. Одну из недавних я хочу предложить читателям «Литературного Азербайджана».*

Мне отмщение и аз воздам

Размышления по прочтении нового романа Эльчина «Голова»

Эльчин не из самых плодовитых писателей. Я имею в виду прозу, потому что пишет он в самых разных жанрах и в последнее время все более тяготеет к драматургии. Только в этом году пьесы Эльчина были поставлены в театрах Стамбула, Санкт-Петербурга, Лондона, в Италии и даже на Бродвее в США. Это, конечно, огромный успех! Вместе с тем, за всю долгую – более полувека! – творческую жизнь из-под его пера вышло всего три романа. Зато каких! И «Махмуд и Мариам», и «Белый верблюд», и «Смертный приговор» стали событиями не только в азербайджанской литературе. Посвященные трагическим событиям нашего далекого и недавнего прошлого, эти произведения переиздавались бессчетное количество раз в самых разных странах, обрели большую читательскую аудиторию, а зачастую и блистательное экранное воплощение.

И вот, наконец, новый, долгожданный роман «Голова». Роман, горячо встреченный поклонниками творчества этого маститого азербайджанского писателя. О романе сегодня спорят в литературных кругах, дискутируют на культурологических сайтах,

пишут целые исследования. Он никого не оставил равнодушным, и это – показатель настоящего успеха в пору, когда писатели давно перестали быть властителями дум и законодателями моды в современном обществе.

Формальный сюжет романа – завоевание Российской империей Закавказья в конце XVIII – начале XIX века. В романе присутствует широкий геополитический фон, а именно: борьба между великими державами – Францией и Великобританией, Россией и Османской Турцией, а также иранскими правителями Каджарами за сферы влияния, и параллельно с этим – борьба за выживание мелких грузинских царств и азербайджанских ханств в Закавказье.

Но это именно формальная, внешняя канва романа, созданного, несомненно, в лучших традициях реализма XX века. Куда важнее его внутренние коллизии, отражающие самый сложный и противоречивый спектр человеческих взаимоотношений и эмоций. Да, в художественном пространстве романа сосуществует много исторических персонажей – ханы, шахи, русские императоры и российские полководцы, здесь отражены вполне достоверные и узнаваемые образы правителей Северного и Южного Кавказа. Здесь нет искажения исторических реалий и можно только восхищаться эрудированностью автора, столь глубоко постигшего события нашей далекой истории. В то же самое время роман «Голова» нельзя назвать в полном смысле слова историческим, ибо всё – и размышления главных героев, и подоплека их поступков, и даже эпистолярная часть романа (в частности, переписка князя Цицианова со своим вымышленным другом, графом Тимофеевым-Богоявленским) – 0является плодом художественного воображения автора.

Вот что пишет об этом в коротком предисловии сам писатель:

«*Часть персонажей этого романа – исторические личности, но не стоит искать исторической достоверности в каждом эпизоде и в целом на каждой странице произведения, исторические личности в этом романе – теперь всего лишь «герои автора», увиденные автором, оцененные им*…»

Оценка эта, надо заметить, очень личностная и весьма субъективная. А образы исторических персонажей предстают в изображении Эльчина порой в весьма неожиданном ракурсе, во всяком случае, совсем не такими, какими мы представляли их по учебникам и энциклопедиям. На мой взгляд, в романе вообще нет положительных или отрицательных героев. У каждого своя правда: у Гусейнгулу-хана, озабоченного судьбой Бакинского ханства – своя, у его пылкого племянника Махмуд-бека, одержимого идеей единения всех тюрков и страстно ненавидящего русских и иранских завоевателей – своя. Своя правда и у князя Цицианова, верного служаки царя, выходца из Грузии, потомка старинного рода Цицишвили, тем не менее прошедшегося по родной Грузии, так же как и по Азербайджану, огнем и мечом.

Князь Цицианов мыслит глобально, вопросами мирового порядка. И для него главное – державные интересы великой Российской империи, которой он служит искренне и преданно.

«*Он, генерал от инфантерии, князь Павел Дмитриевич Цицианов, служил не лично императору Александру, точно так же, как не служил лично незабвенной Екатерине – она называла его «мой генерал», не служил и несчастному Павлу, он всегда служил России, и, думая об этом, ощущал внутреннюю гордость, всё, что он совершал с помощью своего меча, делалось от всего сердца, делалось с любовью, ради интересов Российской империи, он только исполнял свой долг – долг русского офицера. Он не нашёл времени, возможности жениться, обрести семью, все его мысли и пристрастия сконцентрировались в высоком, державном мече, что он прочно удерживал в руке*».

Образ Цицианова, смелого, мужественного воина, готового отдать жизнь ради интересов России, безмерно озабоченного ее будущим, – одна из самых больших удач писателя Эльчина. Все остальные образы, пожалуй, кроме грузинской царицы Марии, кажутся не столь значительными, проигрывают в силе и мощи описания образу этого российского генерала.

Впрочем, я, пожалуй, неправа. В романе немало интересных образов русских офицеров, будь то генерал-майор Лазарев, или капитан Сухарев, выписанных Эльчином очень объемно, во всех противоречиях и сложностях их неординарных натур. Столь же неоднозначны и объемны образы персонажей «по ту сторону» фронта: азербайджанцы Махмуд-бек и Молла Музаффар, Гаджи-Мухтар и Лал Гафароглу. Каждый образ – целый мир, со своими страстями, чувствами и привязанностями. Они цепляют тебя за душу, запоминаются, не оставляют тебя в покое и после прочтения романа.

… Основная доминанта, главная движущая сила, мотив поступков большинства героев романа – это борьба за личную власть. Борьба, в которой брат не щадит брата, а отец – собственного сына. Горькие слова о междоусобицах среди тюрков, которые говорит Махмуд-беку Молла Музаффар, отражают заветные мысли автора:

«*Но разве сами тюрки дружны меж собой? Когда ты предашь мечу всю массу людей на земле, разве тюрки больше не станут уничтожать друг друга? Разве Амир Тимур не был чистым тюрком? Что он сотворил с Баязитом, даже добился, чтобы плененного султана привезли к нему в железной клетке. А кем был сам Султан Баязит? Тюрок! Разве Узун Гасан, заключивший союз с Венецией, не был настоящим тюрком? Борясь с османами, он воспользовался помощью Иоганна, даже женился на его дочери. А тюрок Мираншах и казнивший его сына Кара Юсиф? А кем были Ибрагим и Сеид Ахмед, вступившие в союз с царём Константином против того же Кара Юсифа? Настоящие тюрки!*

Надир шах пошёл войной на Азербайджан, сжёг дотла такой райский уголок, как Шеки, а всё потому, что Гаджи Челеби не подчинился ему! Кем были Надир, Гаджи Челеби и все остальные? Чужаками или тюрками?! Почему? Отчего тюрки изничтожали друг друга?..»

Поэтому когда Цицианов в письмах к другу, графу Н.А.Тимофееву-Богоявленскому, пишет о вероломстве азербайджанских ханов и грузинских князей, он ведь в чем-то прав. Именно эта раздробленность, это взаимное неприятие и козни привели Северный Азербайджан к потере своей относительной независимости и подчинению Российской империи.

И думая о ситуациях и коллизиях стародавних времен, мы поневоле сопоставляем их с днем сегодняшним, находя в нем схожие моменты и с горечью ощущая, что совсем немногое изменилось с тех пор. Ведь та же ситуация повторилась спустя сто лет, когда Азербайджан, Грузия и Армения, обретя независимость, но ослабив друг друга территориальными конфликтами, потеряли ее всего спустя два года. И потом схожий сценарий едва не повторился в начале 90-х годов XX столетия, когда внутренние раздоры вкупе с притязаниями армян на наши земли поставили Азербайджан перед угрозой расчленения и утраты большей части территорий. Роман ненавязчиво, исподволь предлагает вспомнить уроки истории и сделать соответствующие выводы.

* * *

В книге много натуралистических подробностей – казни, отрубание голов, истязание пленных, много насилия, роман жесткий, даже жестокий, как жестоко было время, описываемое в произведении (впрочем, разве современный мир с его разгулом средневекового терроризма и массовыми казнями менее жесток?). В то же время язык ро-

мана тягуч и напевен (роман вышел на русском языке в прекрасном переводе Азера Мустафазаде), повествование течет неспешно, а все внешние события, увиденные глазами главных героев произведения и отраженные в их сознании, так или иначе обретают субъективную окраску. И ты уже не в силах различить, кто из героев жертва, а кто злодей, кто грешник, а кто праведник. Столько всего намешано в характере каждого из них – любовь и коварство, жестокость и милосердие, великодушие и подлость, что ты теряешься в оценках, ты жалеешь и жертву, и палача, и хана, и самого ничтожного из его подданных. Ибо каждому из них в этой земной жизни суждено взойти на свою Голгофу.

Роман населен запоминающимися образами простых людей, попавших под жернова сильных мира сего, такими, как Дочь Рыжего Чабана, или конокрад Джафар, или верный слуга Гусейнгулу-хана Лал Гафароглу. Каждый образ – как отдельный сюжет, как роман в романе. Жизнь каждого из них оканчивается трагически. А вина заключается лишь в том, что они слишком близко подошли к своим повелителям и, подобно соломинкам, их унес водоворот событий. Помните знаменитое «лес рубят, щепки летят»? Но разве не теми же щепками, подчиняющимися неумолимому ходу царицы-истории, являются все эти ханы, цари, шахи, полководцы? Вольно или невольно, защищая свой трон или интересы своей империи, они сеют вокруг себя смерть, пожиная в результате ту же смерть и насилие. Проклятие Агабегим-ханым – супруги Фатали-шаха, потерявшей в одночасье всю свою гарабахскую родню, которую перерезали русские солдаты (*21 июля 1806 года начальник Шушинского гарнизона майор Дмитрий Тихонович Лисаневич с отрядом в 200 солдат, окружив летнюю резиденцию Гарабахского хана Ибрагим Халила, удостоенного императором Александром I звания генерал-лейтенанта, в ханском саду в четырех километрах от Шуши предал смерти хана, его жену, детей и слуг – всего 21 человека* – **Э.А.**), проклятье, которое в конце романа она адресует русскому царю, исполнилось спустя ровно сто лет, в Екатеринбурге. Круг замкнулся, история Российской империи закончилась гибелью царской семьи.

* * *

Особняком стоит образ Головы, отчлененной от тела, но не потерявшей способности мыслить. Более того, Голова получила способность обозревать не только прошлое и настоящее, но и будущее. И в этом будущем, как она ни пытается, смысла разглядеть не удается. В чем же он, смысл этой жестокой, ужасной, но такой прекрасной жизни? Не найдя ответа, Голова уносится в вечность. Быть может, там, в вечной жизни, она, наконец, найдет ответ на этот сакраментальный вопрос, волнующий человечество со дня сотворения мира. А может, и там не найдет?

Мы расстаемся с новым романом Эльчина с сожалением, взбудораженные, оглушенные, взволнованные. Мир образов, созданный творческим воображением мастера, столь же отталкивающий, сколь и притягательный. И мы будем возвращаться к нему вновь и вновь, пытаясь найти ответы на вопросы, которые поставил перед нами писатель. Увы, автор романа «Голова» нам в этом деле не помощник. Эльчин не предлагает никаких рецептов спасения человечества, он не преподносит никаких уроков. Он просто говорит нам о том, что надо внимательнее всматриваться в свое прошлое, знать его, помнить о нем, чтобы не потерять свое будущее и не повторить трагических ошибок дедов и прадедов. И только в этом состоит оптимистическая доминанта, пожалуй, самого пессимистического романа выдающегося азербайджанского прозаика.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

УБИТЬ ЖУКА

(о пьесе Эльчина «Игры Дьявола»)

Тема Дьявола, Сатаны, символизирующего собой мировое зло, силы тьмы, во все времена была востребована в литературе («Фауст» Гете, «Божественная комедия» Данте, «Мемуары дьявола» Ф.Сулье, «Дневник Сатаны» Л.Леонова, «Мастер и Маргарита» М.Булгакова и т.д.). Эта вечная и неисчерпаемая тема оставляет большой простор для фантазии, философских раздумий и выводов. Именно поэтому она так привлекательна для авторов. Не стал исключением и Эльчин, который уже не в первый раз обращается к этой теме. Известна его пьеса «Квартиранты ада», нашедшая свое воплощение на театральных сценах страны. Действие пьесы происходит в последний день 1937 года. Герои – Мужчина и Женщина – готовятся к встрече Нового, 1938 года. Но тут в квартире из ниоткуда появляется Незваный гость. Это – Дьявол. И имидж благополучной семьи, благородного семейства рушится. Незваный гость напоминает героям пьесы о том, на что они готовы пойти ради собственного благополучия: оба – и Мужчина, и Женщина – втайне друг от друга писали доносы в НКВД на своих сослуживцев, знакомых, соседей… Конечно, на такие поступки их «подстрекал» Дьявол, но ведь совершил их не он, а герои пьесы, поддавшись дьявольскому соблазну…

Действие пьесы «Игры Дьявола» происходит уже в наши дни. Пьеса состоит из трех действий. Главные герои в первом действии пьесы, так же, как и в «Квартирантах ада», – Мужчина и Женщина, во втором – Пианист и Ведущий, в третьем – Муж и Жена. Автор не обозначает ни их возраста, ни каких-то черт их внешности или характера, ни их имен. То есть образы – не конкретные, а обобщенные. Это может быть любой мужчина и любая женщина. Это может быть любой из нас…

Смысл происходящего – в названии пьесы: «Игры дьявола», и именно оно объединяет все три ее действия, как бы не связанные друг с другом. Об этом в начале пьесы говорит и сам автор: «*Смысл пьесы, вынесенный в заголовок… должен объединить три на первый взгляд самостоятельные части пьесы*».

В первом действии герои пьесы, Мужчина и Женщина, просыпаются в полной темноте – несмотря на летнее время и то, что уже 8 часов утра. Вначале они не понимают, что происходит, но потом осознают, что и в их квартире, и во всем доме, и за окнами дома – полная тьма, в то время как для всех остальных наступило светлое утро, оно не наступило только для них, только для них не взошло солнце… и даже свет в квартире не включается. Они пытаются отыскать свечи. Внезапно Женщина спрашивает: «Как ты думаешь, Бог сильнее или Дьявол?» Она сама не знает, почему задала такой вопрос. Быть может, это Дьявол нарочно натолкнул ее на такую мысль: назвать его имя и – усомниться. Усомниться в силе Бога, поставив его на один уровень с Дьяволом, допустить, что сильнее в равной мере может быть любой из них…

Говорят, нельзя упоминать имени Дьявола вслух: он может тут же и появиться. И действительно, тут начинается чертовщина: Мужчина обнаруживает в разных местах квартиры и даже на дверной ручке входной двери с наружной стороны непонятно как оказавшиеся там маски. «Кто мог разбросать эти маски, – спрашивает Женщина, – что это за игра?» – невольно обозначив смысл происходящего: игра. Остается только догадаться – чья. После звонка дочери Женщина обращается к Господу – к тому, в чьей силе только что усомнилась – прося его отвести все беды и горести от дочери и ее детей. В

этом – вся противоречивость и непоследовательность женской, да и вообще человеческой натуры. Тем более, что уже через несколько минут Женщина вновь возвращается к теме Дьявола: «Ты веришь в историю Адама и Евы?», – спрашивает она у Мужчины и продолжает: «Получается, что Дьявол сильнее Бога? Почему Бог пустил Дьявола в райский сад … почему он позволил, чтобы тот соблазнил их (Адама и Еву)?» Она вновь и вновь возвращается к этому вопросу: «Если бы Дьявол не был сильнее, то не смог бы соблазнить Еву», – твердит она... Женщина ищет защиты у Бога, значит, она верит в него. И все же сомневается в его силе. Но вера – истинная вера – не знает сомнений, она не нуждается в доказательствах. Многим из нас она недоступна – мы слишком прагматичны, мы задаем себе и Вселенной слишком много вопросов. И даже получив их и уверившись, мы вновь сомневаемся. Веря в Бога и стремясь к свету, прося у Бога защиты, мы спрашиваем: а не сильнее ли Дьявол?

«Ты веришь в историю Адама и Евы?» – спрашивает Женщина. Но история Адама и Евы – это и история Дьявола, Сатаны, когда-то самого высшего и прекрасного ангела, любимца Господа, Сатаниила, возомнившего, что он может претендовать на Престол Божий. Побудили его на это одни из самых главных смертных грехов – гордыня и зависть. Сатаниил увлек на свою сторону треть ангелов и ночью напал на оставшуюся часть рая, чтобы свергнуть Господа. Была Великая битва, которую Сатана проиграл, после чего вместе со своими сподвижниками был низвергнут в бездну, на самое дно – в ад. Однако, и попав в ад и поплатившись за свою дерзость, Сатана не остановился и продолжил борьбу с Господом. И первое, что он сделал – отомстил Господу, искалечив душу его любимого чада – Человека. Пробравшись в Эдем под видом змия, он обольстил наивную Еву, предложив ей отведать запретный плод – плод от древа Познания Добра и Зла. Вместе с Евой согрешил и Адам. И за ослушание наши прародители были изгнаны из Рая. А Дьявол не угомонился и сегодня: вместе с другими падшими ангелами, которых мы теперь называем чертями или демонами, он старается забрать себе как можно больше душ, потому что чем больше душ предастся ему, тем многочисленнее будет его войско, и значит, тем больше будет у него шансов на победу…

Но вернемся к пьесе. По ходу действия Мужчина находит все новые и новые маски. Маски, маски, маски… Они – повсюду. Маски, личины – чтобы скрыть истинное лицо, истинные намерения, истинные отношения… Дьявол одаривает нас масками, чтобы мы могли спрятать под ними лица, играя в игры, в которые он нас вовлекает, спрятать свои темные стороны, ибо светлые, добрые – ни к чему прятать.

Завершается первая часть пьесы так: Женщина ложится на кровать, и Мужчина обнаруживает, что грудь ее холодна, и сердце в ней не бьется. И тогда он надевает маску и ложится рядом с Женщиной. Через какое-то время Женщина поднимает голову, и теперь уже она, приложив руку к груди Мужчины, понимает, что и его сердце не бьется… Она тоже достает из-под подушки маску, надевает на лицо и ложится… Не дышат, сердца не бьются… умерли? И, умирая, оба надели маски? Судя по тому, что они вновь появятся в третьем действии, физически – нет. Физически они живы. Но духовно – мертвы. Они давно исчезли. Остались только личины, маски…

Действие во второй части пьесы происходит на концерте всемирно известного Пианиста. Публика встречает его бурными аплодисментами. «Скрябин, соната для фортепиано № 9», – объявляет Ведущий. Звучат первые аккорды. И здесь вновь возникает тема масок (у Эльчина – тема Дьявола). Играя, Пианист говорит сам с собой: «… самое большое открытие человечества – это две театральные маски, одна смеющаяся, а другая – плачущая… Человечество в эти две маски умудрилось втиснуть миллиарды масок… В этом мире только я свободен, только я не ношу никакой маски». И восклицает: «Поверили?! Обманул! Обманул! … у меня, например, есть семнадцать масок. Нет, 23 …я не

могу жить без этих масок… Дома маска, на улице маска… Везде все вокруг в масках»…

Этот монолог звучит на фоне сонаты Скрябина, и это не случайно. Соната Скрябина №9 известна под названием «Черная месса» – сам композитор так ее не называл, в отличие от его же «Белой мессы» – сонаты №7, но с данным кем-то названием согласился. Звучащая здесь тема дьявольщины, тема осквернения святыни как бы продолжает тему, затронутую Скрябиным в его «Иронниях» и «Сатанинской поэме». Так что музыкальный фон является достойным оформлением для слов Пианиста. Бог есть любовь. А Дьявол – ненависть. Пианист полон ненависти: «Я ненавижу Землю!»… «Я ненавижу Скрябина!» Для чего же он играет его? «Они думают, что я сыграл им Скрябина – я нотами Скрябина писал свое послание»…

Далее, уже исполняя фантазию фис-моль Вагнера, Пианист продолжает тему масок: «Мир полон использованных масок. И что? Что будет, если собрать все эти картонные маски и сжечь? Мир изменится?»… В самом вопросе звучит ирония. Пианист уверен в ответе – конечно же, нет. Ибо в запасе у Дьявола есть и другие соблазны, другие «фишки», другие игры. А главное – не изменится сам человек: он всегда будет подвержен дьявольским соблазнам. В силу любопытства, слабости, собственного несовершенства – несмотря на все свое стремление к совершенству и к Богу, он, как и героиня пьесы, не перестанет задаваться вопросом: кто сильнее – Бог или Дьявол?.. А Бог? Он позволяет ему это – сомневаться, ошибаться, раскаиваться, осознавать и – вновь совершать ошибки, потому что только через сомнения и личные ошибки Человек может хоть немного приблизиться к истине, к совершенству, стать ближе к Богу. И, наверное, только познав тьму, можно по- настоящему понять, что такое свет. И только через страдание можно по- настоящему прийти к Богу. Но для этого нужно, чтобы сердце в груди билось… Если грудь холодна, и сердце не бьется, страдание невозможно. И значит, путь к свету, к Богу закрыт…

На сцене вновь появляется Ведущий. Теперь он в маске. И объявляет следующий номер – «непонятным, странным, но интимно-притягивающим голосом» – «Тартини, «Соната Дьявола». Пианист удивлен: «Разве я говорил вам, что буду играть «Дьявольскую сонату»? Но Ведущий настаивает: «Конечно, это же ваш коронный номер»...

«Соната Дьявола» – соната соль-минор «Дьявольская трель», триста лет назад сыгранная композитору Тартини в его сне самим Дьяволом… музыка необычайно прекрасная, способная околдовать… Соната, написанная для скрипки и год назад переложенная Пианистом для исполнения на фортепьяно, благодаря чему она обрела новую жизнь… И вот теперь Ведущий настаивает на том, чтобы она была сыграна. «Откуда он взялся? Кто он? Откуда он пришел?» – мучительно размышляет Пианист, имея в виду Ведущего, и, наверное, уже начиная догадываться, что это – Дьявол. И все же начинает играть. Вдруг рояль начинает дымиться, но Пианист не прерывает игры, и по мере того, как страстность исполнения возрастает, изнутри рояля все выше поднимается пламя. На сцену с потолка начинают падать маски, и их тоже охватывает пламя. Зал в смятении, слышны возгласы: «Это проделки Дьявола!», «Дьявол!», «Дьявол!»… «Вместе с роялем загорается и Пианист, и они вместе превращаются в огромное пламя. А соната Тартини все еще продолжает звучать», – этой ремаркой автор завершает второе действие…

Музыка обладает, быть может, наибольшей силой воздействия на человеческую душу. И «Дьявольская соната» – сильный инструмент в руках Дьявола. Так же, как и скрябинская «Черная месса». Как известно, словосочетание «черная месса» означает сатанинский обряд – антипод христианской литургии, профанация святого причастия. Черная месса – главный ритуал сатанистов, в котором задействованы темные силы, ритуал, связанный с черной магией и колдовством, обряд магии жертвоприношения. Исполнив Черную мессу, а затем и «Сонату Дьявола», Пианист стал его жертвой, сгорев

в дьявольском пламени…

В завершающем, третьем действии герои – Жена и Муж – с мухобойками в руках гоняются за жуком, чье жужжание выводит их из себя. Порой им кажется, что они настигли его и уничтожили, но нет – они вновь слышат его жужжание.

Между ними ощущается некое противоречие, они все время спорят, и в то же время они – как бы отражения, повторение друг друга. «Сегодня – мой день рожденья», – заявляет Жена. «Это мой день рожденья», – возражает Муж. И все это время они пытаются убить не перестающее жужжать насекомое.

Затем появляются Мужчина и Женщина, знакомые нам по первому действию. Они пришли поздравить хозяев – хотя не понимают, кого именно, поскольку Муж и Жена продолжают спорить по этому поводу. Поэтому гости поздравляют обоих. Завязывается беседа. Вне ее контекста Мужчина вдруг заявляет: «А вы знаете, ангелы говорят на языке музыки». «Но не все ангелы божественны», – говорит Женщина. «Да, и Дьявол тоже ангел», – поддерживает ее Мужчина.

Но, как известно, у этого ангела – дьявольское лицо. Женщина рассказывает сон, в котором ей привиделась прекрасная девушка, спустившаяся к ней с белоснежных облаков, и Женщина решила, что это ангел. Но когда девушка улыбнулась, Женщина увидела, что у нее черные, острые, как заточенные топоры, зубы, и Женщину объял ужас – она поняла, что перед ней Дьявол. «Я закричала «Господи», и она сразу превратилась в огромного жука и, громко жужжа, улетела», – завершает свой рассказ Женщина. Здесь мы понимаем, что жук, за которым гонялись Муж и Жена – Дьявол. Дьявол ведь может принимать самые разные обличья. Но цель у него одна: соблазнить, искусить – богатством, славой, властью, и заполучить душу. Ведь чем больше у него душ, тем он сильнее. Он появляется там, где чувствует, что сможет поживиться – возле тех, в ком слаба вера, слаб голос совести, кого обуяли злоба, гордыня, зависть, ненависть. Появляется, обещая какие-то дивиденды – славу, власть, материальные блага. И лишь затем показывает свое истинное лицо. Но и увидев его страшное лицо, не каждый способен (или желает) вырваться из его лап – большинство или слишком слабы, или уже духовно мертвы…

Вот и здесь – как только звучит хвастливая ложь: «Наш близкий и любимый родственник в этом году получит Нобелевскую премию», – говорит Муж и на вопрос Мужчины, кто же это, отвечает: «Двоюродный брат свата свекрови дочери второй жены моего двоюродного брата от первого брака», – вновь появляется жук – Дьявол, почуявший добычу.

Все четверо вновь гоняются за ним с мухобойками и, казалось бы, убивают жука. «Победа!» – радостно восклицают они. Входят музыканты, все в масках, и играют Марсельезу – победный марш. Но не тут-то было – вновь слышится жужжание: жук жив! Он – тут. Он всегда неподалеку. И мы все время слышим его жужжание, – мысли, которыми Дьявол искушает нас, – и пытаемся избавиться от «жука». И порой нам кажется, что одолели его, одолели искушение, но снова слышим его жужжание…

Да, Дьявол действительно силен. И он всегда будет искать жертв среди людей, искушая их, подвергая всяческим соблазнам. Так почему Бог допускает это? Вспомним вопрос Женщины из первого действия пьесы: «Почему Бог пустил Дьявола в райский сад …почему он позволил, чтобы он соблазнил Адама и Еву?» Ответ на этот вопрос достаточно прост: Творец наделил Адама и Еву (и человека вообще) свободой воли, он дал им осознание того, чего хочет Бог – понимание добра, блага, которых он им желает, – и ожидал от них проявления этой свободной воли: сознательного исполнения заповедей Господа, которые всем нам хорошо известны. То есть, он дал человеку право выбора – как ему жить и как поступать.

А что касается вопроса, заданного Женщиной – кто сильнее, Бог или Дьявол… Конечно, Дьявол силен в своих искушениях, но Бог – сильнее, если бы это было не так, мир давно бы погиб. А человек – слаб. Но он всегда может обратиться к Господу и спастись. Помните, Женщина в третьем акте в своем сне, увидев в спустившемся к ней с небес ангеле Дьявола, воскликнула: «Господи!», и Дьявол исчез…

Не знаю, насколько соответствует подобная трактовка пьесы тому, что заложил в нее автор, но я поняла и восприняла ее именно так. Быть может, кто-то увидит в ней что-то другое, свое. Эльчин, как мне кажется, и не предполагает однозначной трактовки – в начале пьесы он говорит о том, что пьеса может быть поставлена (увидена, воспринята) и как драма, и как комедия, и как трагикомедия. Все зависит от того, что увидит в ней режиссер-постановщик.

Прочтя пьесу, я тут же перечитала ее снова, а потом – еще раз. И каждый раз открывала в ней что-то новое – то, чего не заметила в предыдущие прочтения. Это новое открывалось мне в каких-то деталях, нюансах, которых я не увидела или не поняла сразу. Мне кажется, если прочесть пьесу еще раз, в ней откроется что-то еще. Это вообще свойственно Эльчину – почти не обозначая сюжетной линии, или обозначая ее пунктирно, наполнить свое произведение глубоким философским смыслом, но не говоря об этом «в лоб», а давая множество подсказок, по которым читатель может понять, о чем хотел сказать ему автор. Так и в этой пьесе – фактически в ней нет сюжета, но есть философская канва, заставляющая читателя думать, размышлять – не только о пьесе – о себе, о жизни, о ее смысле. Для меня это и есть настоящая литература – когда произведение хочется перечитывать, когда оно способно заставить думать, помогает что-то понять о жизни и о себе самом. Наверное, именно поэтому каждое произведение Эльчина привлекает к себе такое внимание критиков, прессы и читателей. Он – писатель со своим почерком и индивидуальным стилем. Особенность его творчества состоит в его способности выявить невидимую сторону жизни и заставить о ней задуматься. В его творчестве органично переплетаются реализм и сюрреализм, реальность и художественный вымысел. Произведениям Эльчина всегда свойственны глубина и аналитичность, яркая образность и точность оценок человеческой психологии. И это делает их настоящей литературой – Литературой с большой буквы, литературой, которая живет долго, находя все новых читателей и – почитателей.

Видному государственному деятелю, народному писателю Азербайджана Эльчину Эфендиеву исполнилось 75 лет.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Писатель Эльчин – один самых читаемых писателей страны. Любовь читателей он заслужил уже своими ранними рассказами. И если сейчас, с высоты всех тех лет, которые он в литературе, совершить экскурс в прошедшее, взглянуть на его творческий путь, нельзя не отметить, что Эльчин-муаллим во все времена был современен и актуален. Он был современен, когда писал «Первую любовь Балададаша», и когда писал свои романы «Махмуд и Марьям», «Белый верблюд», и когда писал исторический роман «Голова», опубликованный в прошлом году в нашем журнале. К исторической тематике у Эльчин-муаллима свой подход, свое видение и осмысление исторических событий. Талант писателя Эльчина Эфендиева разносторонен, он романист и драматург. Его пьесы ставятся во всех театрах страны.

Труд писателя по достоинству оценен государством. В канун своего юбилея писатель был удостоен высокой государственной награды, орденом «Шохрет».

Редакция журнала присоединяется к многочисленным поздравлениям юбиляру, желает Эльчин-муаллиму долгих лет жизни и творческих успехов.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

«ПОКА БУДЕТ ВСЕЛЕННАЯ, БУДУТ И СТИХИ»

Я хотел бы, как молния, росчерком светлым
Проблистать над толпой облаков.

Микаил Мушфиг

У каждой эпохи – свои гении, – люди, которым свыше дано гораздо больше, чем всем остальным, которые способны мыслить, созидать и создавать то, что неподвластно другим. Окружающие реагируют на их талант, на то, с какой легкостью им дается то, что иной не сможет создать даже ценой неимоверных усилий, по-разному: кто-то искренне восхищается ими и их творениями, кто-то завидует черной завистью. И последнее порой губит, физически уничтожает тех, кого Господь послал в этот мир для того, чтобы они несли людям свет, одаривали их прекрасным. Но… «Людей бессмертные творенья живут с людьми из века в век. И разве смертен человек, что знал минуты вдохновенья?»… (**Е.К.**)

Эти мысли посетили меня, когда я размышляла над судьбой Поэта – здесь это слово должно писаться только с заглавной буквы – Микаила Мушфига, одного из самых видных представителей азербайджанского народа, чья жизнь оборвалась так рано и так трагично… Наверное, большой талант никому не дается просто так – за все нужно платить. Жизнь Микаила Мушфига с самого детства складывалась непросто – на его долю выпало немало испытаний.

…5 июня 1908 года в Баку, в семье Абдулкадыра Исмаилзаде, родом из Хызы, родился мальчик, которого назвали Микаилом. И кто знал тогда, что в этот мир пришел большой поэт.

Воспитывал его отец – мать мальчика скончалась, когда Микаилу было всего шесть месяцев от роду. И отец, и дед его были грамотными людьми. Отец мальчика, Мирза Абдулкадыр, будучи прогрессивным человеком, стремившимся претворять передовые идеи того времени в жизнь, понимал, что обучение в моллаханах не отвечает требованиям времени. И он открыл в нагорной части Баку школу, в которой применялись новые методы преподавания. Придавая огромное значение грамотности населения и стремясь охватить обучением как можно больше людей, он организовал работу школы таким образом, что днем здесь училась молодежь, а по вечерам постигали грамоту взрослые и даже пожилые люди. Интересный факт: одним из учеников этой школы был будущий писатель-драматург Джафар Джаббарлы. Следует отметить, что обучение в те годы было платным, что заметно ограничивало круг тех, кто имел возможность получить образование. Поэтому Абдулкадыр Исмаилзаде не брал в своей школе плату с бедных. Конечно же, большое внимание он уделял обучению собственных детей. Однако образованием самого младшего – Микаила – ему заняться не довелось: в возрасте 46 лет он ушел из жизни. Микаилу тогда исполнилось всего шесть лет. Таким образом, беды в жизни будущего поэта начались уже тогда – в очень раннем возрасте он потерял обоих родителей, стал круг-

лым сиротой.

Заботу о сиротах – Микаиле, его сестрах Беюкханым и Баладжаханым и брате Мирзе – взяли на себя их бабушка и дядя по матери, которого звали Джавад. У него и его жены Гюллюханым не было своих детей, и о сиротах, которых они опекали, они заботились, как о родных. Но все же родственники не могли заменить сиротам их родителей. Микаил с детства испытывал тоску по матери – эту тоску он выразит потом в своих стихотворных строчках.

Когда мальчику исполнилось 7 лет, его отдали учиться в моллахану, однако вскоре его пришлось оттуда забрать. В первый же день, придя домой, он стал высмеивать своего учителя-моллу и его манеру обучения. Преподавание в моллахане мальчику не нравилось так же, как и его отцу, которого он потерял так рано. Напуганная его отзывами о моллахане бабушка увещевала его: «Дитя мое, ты же сирота, не создавай проблем ни себе, ни нам».

Все же мальчика пришлось забрать из моллаханы. Его отправили в русско-татарскую школу, где он получил начальное образование, после чего поступил в школу Бадала Бадалбейли.

Учился Микаил хорошо, с радостью откликался на просьбы товарищей помочь им в учебе. Он был остроумен, приветлив, не заносчив. Его любили и учителя, и ученики. А еще – он писал стихи! И друзья легко заучивали их и с удовольствием декламировали.

Завершив обучение в школе Бадалбейли, Микаил поступил в Высшую педагогическую школу (ныне Азербайджанский государственный педагогический университет).

Активно писать и публиковаться он начал с 1926 года – его первое стихотворение было напечатано в газете «Гяндж ишчи», – юному поэту тогда исполнилось 18 лет, – и уже через год обрел известность, как талантливый поэт. Вскоре – в 1930-м году – вышла в свет его первая книга – «Кюлякляр» («Ветры»). В течение последующих лет жизни у Микаила Мушфига (Мушфиг – «Очарованный» – творческий псевдоним поэта) выйдет еще 9 поэтических сборников. А жить ему оставалось всего лишь восемь лет… И все же он успеет внести неоценимый вклад в создание национальной лирики нового типа.

Мушфиг был очень искренен в своих стихах, повествуя в них о том, что его окружало, волновало, восхищало или тревожило, расстраивало, и это делало его поэзию весьма актуальной, причем не только для своего времени, а и на все времена – что присуще лишь по-настоящему большим поэтам. Он писал о нефтяниках и колхозниках, о новом социалистическом мироощущении народа и о своих личных чувствах. Это был поэт с горячей душой и чистым сердцем. Его поэзии свойственны как высокая гражданственность, так и романтизм, причем одно совсем не противоречит другому.

Гражданственность присутствует даже в его стихах о любви. По мнению Мушфига, любовь вне труда, любовь, изолированная от общества, не приносит радости.

В будущее Мушфиг смотрел с большим оптимизмом, верил в прекрасное будущее своего народа. Он любил жизнь, любил людей, восхищается новыми реалиями в жизни своей страны.

Он твердо верил в свое предназначение – быть Поэтом, поэтическим словом будить в сердцах лучшие чувства: веры в светлое будущее, любви, гордости за свою родину. Он считал, что поэзия необходима людям, и она пребудет всегда: «Пока будет Вселенная, будут и стихи», – писал он.

У него был свой, особый поэтический почерк. Даже среди сотен стихотворений других авторов всегда можно безошибочно узнать его стихи. Его стихам присущи неповторимость интонации и построения стиха, они самобытны, пропитаны особым, «мушфиговским» духом. Искренность и эмоциональность – вот, наверное, главные качества, делающие стихи Мушфига столь притягательными.

Вот его вдохновенные строки, в которых так много присущих ему силы и мощи:

Так гремите, ветра, чтоб и стих грохотал,
Вдохновения вал чтоб не стих, грохотал,
Чтобы молнии меч в темноте полыхал.
Вольным духом меня опалили ветра!
На вершины маня, напоили ветра!

Или вот такие его замечательные строки:

Я не облако в небе, гонимое ветром!
Нет, мой жребий земной и мой путь не таков:
Я хотел бы, как молния, росчерком светлым
Проблистать над толпой облаков.

В его поэзию невозможно не влюбиться. «*Кто хоть один раз прочел его стихи, потом будет зачитываться ими всегда*», – с этими словами старшего научного сотрудника Института литературы имени Низами, кандидата филологических наук Сафуры Гулиевой, занимающейся исследованием творчества поэта, невозможно не согласиться.

Итак, 1930-й год. Вышла в свет первая книга Мушфига. Он стал известным поэтом. Его любят, его читают. Он сам с большим успехом выступает со своими стихами перед широкой аудиторией. Его поэзию принимают «на ура». В его жизни наступает светлая полоса. Вскоре он встретит любовь всей своей жизни, свою судьбу.

Это было в 1931 году. Он как раз окончил университет. На церемонию выпуска с товарищем Мушфига по школе Фарамушем придет его родственница – студентка педагогического техникума красавица Дильбяр Ахундзаде. Их познакомят. Имя поэта Дильбяр слышала до этого много раз – от своего дяди Идриса Ахундзаде и от гостивших у него знаменитых поэтов: Гусейна Джавида, Ахмеда Джавада, Абдуллы Шаига и других. Тем интереснее ей было познакомиться с ним лично. Их знакомство переросло в огромную любовь. В этот период Мушфиг много пишет о любви – своей любви к Дильбер. Вскоре состоится их свадьба, на которой в числе гостей будут со своими супругами известные поэты и писатели: Гусейн Джавид, Абдулла Шаиг, Ахмед Джавад, Самед Вургун, Сулейман Рустам, Мир Джалал, Расул Рза, Мамед Рагим. После свадьбы молодожены поселятся в арендованном Мушфигом на улице Чадровой (ныне ул.Мирзааги Алиева) маленьком домике… Жили они счастливо, хотя и небогато.

Мушфиг преподавал в школе №18, одновременно работая редактором в «Азернешре». И – продолжал писать. Помимо стихов, он пишет и поэмы («Среди буровых», «Гая», «Мой друг», «Дядя Джаби», «Пастух»). Хорошо выстроенный сюжет, драматизм событий, полнота характеров, естественность диалогов – вот что составляет главное достоинство этих произведений поэта. Большое место в его творческой жизни занимает и переводческая деятельность. Он переводил на родной язык образцы мировой поэзии, постигая сам и давая возможность постичь другим богатство и мудрость, содержащиеся в произведения таких классиков, как Лермонтов, Шевченко и другие. Критика к нему в те годы благосклонна. «*Мушфиг – очень талантливый и плодотворный поэт среди наших молодых писателей*», – писал в 1930-м году М.Рафили. «*Молодой поэт Микаил Мушфиг отличается огромной художественной энергией и способностями*», – так отзывался о поэте в 1935 году Али Назим. Он же, выступая на страницах «Литературной газеты» в марте 1936 года, напишет о Микаиле Мушфиге: «…*в последнее время он создал очень большие по значимости произведения*».

Следует отметить, что при всей своей «советскости» Мушфиг был поэтом глубоко национальным. Вот что говорил о нем народный поэт Сулейман Рустам: «*Микаил глубоко изучил произведения наших классиков – Физули, Насими, Вагифа, Сеида Азима и Сабира. Он также хорошо усвоил основы классического стихосложения – аруза, безупречно владел им. Но он искал новые формы и выражения. Мушфиг в своих исканиях обращался не только к классике, но и к животворному источнику народной поэзии, нашей богатейшей сокровищнице. Он знал наизусть сотни четверостиший-баяты и песен-гошма, сложенных прославленными и безымянными певцами-ашугами*». Мушфиг щедро черпал вдохновение из неиссякаемого родника устного народного творчества, учился на лучших традициях азербайджанской классической литературы, продолжал и развивал эти традиции в новых условиях. Нигяр-ханым Рафибейли говорила о нем и его творчестве: «*Мушфиг был подобен археологу, очень осторожно орудующему киркой, чтобы обнаружить под наслоениями следы нашей древней культуры. Как добросовестный ученый и исследователь, обнаруживающий жемчужины – слова поэтов минувших веков, проявляющий глубокий интерес и неподдельную любовь к таким прекрасным, не знающим себе равных образцам лирики, как газели, гошма, баяты, он стряхивал пыль забвения с этих поэ-*

тов. Впервые стихи и газели Бахара Ширвани, Бихуда, Насеха и многих других забытых и полузабытых азербайджанских поэтов я услышала из уст Мушфига».

Мушфиг знал и любил национальную музыку, которую невозможно представить себе без национальных музыкальных инструментов – тара, кяманчи, нагары. Он и сам в свободное время любил играть на таре и петь. Как это ни абсурдно, национальные музыкальные инструменты попали в опалу у новых хозяев жизни. Мушфиг не мог не выступить в их защиту. Он написал стихотворение «Тар» – это была резкая отповедь тем, кто стремился принизить значение национальных музыкальных инструментов.

Звени, тар,
Звени, тар,
Напой мне простую и добрую песню.
Столетья ты людям поешь, а не стар,
И нет твоей песни нежней и чудесней.
Звени, тар,
Звени, тар,
Звени, тонкострунный,
Звени, вечно юный ...
Творенье народа – твой вещий напев,
В нем горе народное, радость и гнев.

Стихотворение вызвало живой отклик у читателей. Оно сразу же стало очень популярным в народе. Впервые это стихотворение Мушфиг прочел в Доме просвещения, где собралось несколько сот человек. «*Все мы и весь зал, словно почувствовав себя во власти могучей, неодолимой волны, восторженно приветствовали Мушфига. Как факел он распространил с трибуны во все четыре стороны тепло и свет*», – так писал об этом событии известный азербайджанский писатель Мирза Ибрагимов. Очень высоко оценил это стихотворение знаменитый азербайджанский тарист Гурбан Примов, с которым Мушфиг был дружен, и кому он одному из первых прочел свой «Тар».

Таким образом, с творческой точки зрения первая половина 30-х годов была для Микаила Мушфига вполне благополучна и успешна. Помимо современной идеи – темы его стихов, были новыми и эмоциональное сопровождение этих идей, и художественная форма, и поэтические образы. Но белая полоса в жизни поэта вновь сменилась черной. В 1935 году умер их с Дильбер двухмесячный сын Ялчын. Мушфиг очень тяжело переживал это печальное событие.

Изменила свое отношение к нему и литературная критика. Вспомнили о его принадлежности к аристократическому сословию, в его адрес зазвучали эпитеты «мелкий буржуазный поэт», «оппортунист». Вторая половина 30-х годов минувшего века было временем разгара сталинских репрессий. Особенно свирепствовали сталинские палачи в 1937 году. Поощрялись все желающие «разоблачить подозрительных личностей», цензура на литературные произведения все более ужесточалась. Сколько талантливых людей кануло тогда в Лету! Попал под колеса карательной машины и Мушфиг.

В это время «охоты на ведьм» в Союзе писателей без конца проводились собрания, на которых выискивались писатели-антисоветчики и контрреволюционеры. У Мушфига было немало недоброжелателей и завистников, для которых наступило время свести с ним счеты. В прессе появились резкие критические статьи о Мушфиге, порой переходящие в оскорбления. Теперь его патриотизм называли национализмом. Подвергшийся незаслуженной клевете, чистый душой поэт сильно переживал.

Завершающим аккордом стал Пленум писателей. В адрес Мушфига было немало критических выступлений, нападкам на него не было конца. Дошло до того, что на поэта навесили ярлык контрреволюционера. Складывается впечатление, что антимушфиговская кампания была подготовлена заранее. Выступавшие на Пленуме «собратья по перу» не могли не понимать, чем все это может закончиться для поэта, но это их не остановило – кто-то ему завидовал, кто-то боялся за себя и свои семьи. Впрочем, власти и без того рассчитались бы с

Мушфигом, – слишком много претензий было у них к нему и его стихам. Чашу их терпения переполнило стихотворение Микаила Мушфига, в котором были такие строчки:

...Но без свободы есть ли им цена?
Жизнь без нее, как ночь без звезд, черна.
Культура без свободы – пустоцвет,
Искусство без нее сойдет на нет.

Казалось бы, что может быть в этих строчках криминального. Но в них усмотрели призыв к контрреволюции. И это четверостишие послужило одним из доказательств его «измены Родине». Еще одним «грехом» Мушфига была дружба с такими свободолюбивыми поэтами, как Гусейн Джавид и Ахмед Джавад. И власти рассчитались с ними, в ночь на 4 июня 1937 года арестовав всех троих одновременно. Мушфиг стал узником под №1109. Он был арестован поздно вечером у себя дома, где нквдэшники уже ждали поэта, возвращавшегося со встречи с читателями. «Юридическим основанием» послужил донос, в котором Мушфиг был назван членом контрреволюционной националистической организации (существует мнение, что автором доноса был его коллега, влюбленный в его красавицу-жену). В эту организацию Мушфиг будто бы был завербован в начале 1936 года, и ему было дано задание в своих стихах «воспевать идею самостоятельного Азербайджана». За это его ожидало наказание – расстрел.

Мушфиг был самым молодым из всех ушедших из жизни в годы сталинских репрессий поэтов и писателей – ему было всего неполных 30 лет. Говорят, что до самых последних часов жизни он не мог поверить, что его могут расстрелять – ведь он был ни в чем не виноват.

Военная коллегия приговорила Исмаилзаде Микаила Мушфига Абдулкадыр оглу к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 5 января 1938 года. Как и у Ахмеда Джавада, Сеида Гусейна и других, у Мушфига нет даже могилы – его расстреляли на острове Наргин и сбросили тело в Каспийское море… Вскоре после ареста Мушфига от советского режима пострадали и его старший брат Мирза, сестры Беюкханым и Баладжаханым, 16-летний двоюродный брат Юнис Даглы. Печальной оказалась судьба и супруги поэта. От нее отвернулись друзья и товарищи мужа. Все боялись общения с ней, потому что все, кто поддерживал отношения с членами семей «врагов народа», подвергались преследованию.

Вскоре Дильбер-ханым была арестована и отправлена в тюрьму. Это случилось в самом конце 1937 года. Дильбер-ханым было тогда всего 23 года.

В тюрьме у нее случился нервный срыв, пытки почти свели ее с ума, и ее пришлось выпустить на свободу. Со временем она поправилась, создала новую семью, но в ее душе и сердце всегда жил Мушфиг. Годы, прожитые с ним, Дильбер-ханым с тоской вспоминала как «весну своей жизни».

Спустя почти 20 лет, 23 мая 1956 года военная коллегия Верховного суда СССР, пересмотревшая по просьбе обратившихся в нее известных азербайджанских писателей дело Мушфига, по заключению Главного прокурора страны постановила: «Микаил Мушвиг Миркадыр оглу Исмаилзаде осужден необоснованно» и отменила приговор из-за отсутствия состава преступления. Так было восстановлено честное имя поэта, безвинно осужденного и убитого. Но это не делает слабее боль и обиду за то, что выдающийся поэт был безжалостно уничтожен – «не дожив, не дописав страниц», не увидев изданной свою 11-ю книгу, которую он готовил к печати. Впрочем, ранний уход из жизни – удел многих выдающихся талантов. Невольно вспоминаются лермонтовские строки, написанные им на смерть безвременного ушедшего из жизни Пушкина: «Погиб поэт, невольник, чести, пал, оклеветанный молвой». Да и сам Лермонтов прожил примерно столько же, что и Мушфиг…

«Поэзия – моя жизнь», – говорил о себе Микаил Мушфиг. Он торопился жить и творить, будто предчувствуя, как ему мало отпущено судьбой. Он действительно прожил недолгую жизнь. Но – какую творческую, чистую и прекрасную.

«Росчерком светлым» он пронесся по этой жизни, как когда-то и намечтал, предсказал себе…

ГИДАЯТ

*ЗДЕСЬ ТЬМА ПОЛЧИЩ ПРОНЕСЛАСЬ**

В первые годы жизни в Ереване в Союз писателей Армении я заходил в редких случаях: там не ощущалось инициативности, живой работы. С приходом к руководству талантливого прозаика и публициста Вардгеса Петросяна атмосфера кардинально изменилась. Лично мы не были знакомы. Однажды Алек Хачунц мне говорит, что новый первый секретарь (то есть В.Петросян) тобой интересуется. Потом от молодого журналиста Бабека Мамедова слышу то же самое. Интерес главы Союза писателей республики к азербайджанскому поэту, в те годы почти не печатавшемуся в переводах на армянский язык, внушил мне заочное доверие к этому человеку. Ещё один случай способствовал нашему знакомству.

В Ереван прибыл мой друг, режиссёр Насир Садыхзаде, для встречи с Вардгесом Петросяном в связи с бакинской постановкой его пьесы «Тяжела шапка Гиппократа». Я впервые позвонил Вардгесу Петросяну, договорились о встрече, в конце разговора он полушутя сказал: «Ты уж не говори гостю, что мы с тобой встречаемся впервые».

Наша беседа продолжалась два часа. Разговор у нас удался, получился доверительным, откровенным. Ни я, ни Насир-муаллим не могли скрыть своего удивления. Все, что он говорил, это было его, выстраданное, ни на кого не походило. Явно чувствовалась его неодолимая тяга к работе, к творчеству.

С той поры наши встречи с В.Петросяном участились, мы говорили на разные темы. На очередном съезде писателей я был избран в состав правления СП, а позднее – председателем Совета по азербайджанской литературе.

Работы было непочатый край. Обсуждения, диспуты, отбор интересных рукописей, иногда проводили мероприятия республиканского масштаба.

Общереспубликанский форум наших писателей, проживающих в Западном Азербайджане (*Армения была образована на его территории* – **Ред**.), с участием председателя и секретарей Союза писателей от начала до конца прошел на азербайджанском языке. Мое вступительное слово, представление участников, доклады были на азербайджанском языке, для армян был организован синхронный перевод. Или же вечер азербайджанской литературы, проведенный в битком набитом большом зале Союза писателей на 550 мест с участием руководителей Союза и известных армянских писателей! Квинтэссенцией вечера был наш родной язык! (Один из руководителей Союза, может, даже скрывая внутренний протест, пошутил: «Если так пойдет, в скором времени я начну писать на азербайджанском»…). Армянское телевидение стало показывать спектакли нашего театра в полном объеме, шли передачи о нашей литературе, нашем искусстве.

Все это давалось нелегко, шли предварительные переговоры, серьезная подготовка и, конечно же, меня не везде встречали и провожали с улыбкой… Но мы последовательно, упорно, иногда даже проявляя настырность, добивались своего.

Существующая в Армении азербайджанская литература с каждым днем, с каждым годом все больше пропагандировалась, появлялись новые имена, новые таланты. Газета «Совет Ерменистаны», творческие коллективы Азербайджанского театра, преподавательский состав азербайджанского сектора Ереванского педагогического института, пишущие люди из различных городов и районов республики, в целом вся азербайджанская интеллигенция все сильнее сплачивались вокруг Совета.

*Журнальный вариант. Окончание. Начало см. №5, 2018г.

Наряду с тем, что мы печатали произведения азербайджанских писателей, живущих в Гейче, Агбаба, Агрыдагской (Араратской) долине, уделяли регулярное внимание переводу на наш язык армянской литературы. Еще в 1975 году появилась на свет антология армянской советской поэзии под названием «Учан негмелер» («Летающие песни»). В очередной номер сборника «Эрмени адабиййаты» было включено много переводов из армянской литературы. Эти книги, время от времени издающиеся, и включаемые в сборники переводные отрывки из художественной литературы, были пробой. Главная работа была впереди – нужно было создать антологию армянской советской литературы. Эту работу я смог завершить в 1983-м – в последний год моего проживания в Ереване. Издательство «Советакан Грох» («Советский писатель») в том же году напечатало эту книгу под названием «Мост».

В семидесятые годы и в начале восьмидесятых годов произведения многих классиков и представителей современной азербайджанской литературы в ереванских издательствах выпускались на армянском языке. Издательства часто обращались ко мне, и я участвовал в планировании переводов азербайджанской литературы, а также в обсуждении таких вопросов, как кого переводить, кому это поручить и т.д.

…Хочу более подробно рассказать о Вардгесе Бабаяне, нашем коллеге по перу, неутомимом пропагандисте нашей поэзии в Ереване.

Вардгес с любовью переводил на армянский язык многие произведения классиков азербайджанской поэзии – от Насими до Самеда Вургуна, а также представителей сегодняшнего поколения. В его собственных стихотворениях, посвященных Низами, Самеду Вургуну, Бахтияру Вагабзаде, чувствуется большая любовь к нашему народу и литературе.

Вардгеса Бабаяна из-за его искреннего отношения к Азербайджану не к месту и безосновательно критиковали, подвергали опале. Человек большой культуры и высокого интеллекта, он стойко терпел все это, даже мне посоветовал не выступать в его защиту, не отвечать на беспочвенные и глупые обвинения в его адрес. Но я всегда был рядом с ним, во всех случаях поддерживал его, давал резкий отпор потерявшим чувство объективности национал-шовинистам.

Я думаю, что в армянской литературной среде никто и не знал, что у Вардгеса бабушка азербайджанка, просто он был честным человеком, далеким от шовинизма.

Вначале его критиковали за оригинальные сочинения, затем Вардгес стал более последовательно заниматься художественным переводом, наряду с азербайджанской поэзией переводил произведения русской, украинской литературы, после чего со стороны тех же сил столкнулся с безосновательной критикой как переводчик.

А переводчиком он был очень профессиональным и интересным. Долгое время руководил редакцией перевода в издательстве «Советакан грох» («Советский писатель»).

Вардгес Бабаян был безосновательно подвергнут критике, его преследовали, притесняли… Хорошо, что его прошедший через трудные испытания Второй мировой войны организм выдержал, не получил инфаркта, выжил до развала Советского Союза. Ведь жертвы армянского шовинизма были и среди самих армян.

А известный прозаик Аршавир Кочарян не выдержал (точнее невозможно было выдержать), хотя стоически сопротивлялся многим трудностям. Аршавир Кочарян, который был родом из Гянджи, пришел в литературу с благословения Самеда Вургуна. Его дед был ашугом, знал Самеда Вургуна, писал стихи на азербайджанском языке. Когда Аршавир учился в Сельскохозяйственном институте, пришел на прием к Самеду Вургуну. Поэт удивился, что внук ашуга будет ветеринарным врачом. Спросил: «А что, у тебя нет стихов, рассказов?» Аршавир отвечает, что есть. «А зачем тебе учиться на ветеринара?» – спрашивает поэт. «Сначала допустил ошибку, а теперь не могу исправить», – отвечает Аршавир.

Самед Вургун отводит его в ресторан, кормит, кладет в его карман деньги, пишет письмо ректору Ереванского педагогического института и советует принять Аршавира в институт. Несмотря на то, что была середина учебного года, ректор не смог отказать выдающемуся поэту, депутату Верховного Совета СССР, и Аршавир становится студентом. Но опека Самеда Вургуна на этом не заканчивается, он каждый месяц отправляет А.Кочаряну 500 рублей (в то время зар-

плата председателей поселковых и сельских советов составляла 300 рублей). Вначале Аршавир думает, что эту стипендию высылают из Союза писателей Азербайджана и только спустя годы, уже после смерти Самеда Вургуна узнает, что это были отчисления из гонораров поэта… Оказывается, Самед Вургун поручил бухгалтерии Союза писателей, чтобы каждый месяц за счет его гонораров высылались 500 рублей армянскому писателю-студенту.

Аршавир не имел права оставаться в долгу, поэтому, когда сформировался как писатель, написал о Самеде Вургуне роман, создал его образ… Почти все герои произведения были азербайджанцами, а самое главное, роман отражал высокие национально-духовные ценности нашего народа, его внутреннюю красоту, гуманизм, доброжелательность, толерантное отношение к другим народам и конфессиям. Аршавир подвергся гонениям из-за этого романа. Издатели говорили: поменяй имена и фамилии героев, арменизируй их характеры, обычаи и т.д. Конечно, истинный писатель не мог позволить себе такого, и Аршавир отказался от подобной «редактуры».

Я говорил об этом с руководителями издательств «Аястан» («Армения») и «Советакан грох» («Советский писатель»), напомнил им, что в современной азербайджанской литературе создаются образы армян. Они дали слово, что напечатают роман, но не сдержали его. Менялись руководители издательств, я разговаривал с новыми директорами и главными редакторами, но безрезультатно. В бакинской прессе написали об Аршавире, о том, сколько сделал для писателя Самед Вургун, в каком-то журнале даже опубликовали отрывок из романа, но в Ереване даже не шелохнулись. Наоборот, запретили печатать и другие произведения писателя.

А.Кочарян 15 лет непрестанно боролся, попал в опалу, был объявлен «предателем», «врагом армянского народа» и в конце концов получил инфаркт. На его похоронах было всего пять-десять человек.

Когда я писал эти строки, перед глазами пронеслось немало армян, которые стали жертвами армянского шовинизма, подверглись опале, нападкам, гонениям. В том числе госчиновники, партийные функционеры, представители интеллигенции…

…Во время встреч с Вардгесом Петросяном мы обсуждали широкий круг вопросов: от национальных литератур и литературных связей до архитектуры и футбола. Одно его выражение я помню, как будто это было вчера: «*Год наш состоит из 365 дней, не так ли? 363 дня мы братья, наша цель и помыслы едины* (ой ли! – **Г**.). *Оставшиеся два дня ты будешь аплодировать «Нефтчи», я – «Арарату…*». Хотя мой вроде бы шутливый ответ и был суровым: «*Да, Вардгес Амазапсович* (он был на двенадцать лет старше меня, поэтому я к нему обращался по имени и отчеству), *год наш состоит из 365-ти дней, однако вы 366 дней будете клянчить у меня Гарабах и Нахчыван, а я не буду отдавать, и вы будете кусать себе локти*», Вардгес начинал заливаться хохотом.

…Вспоминаются мне и серьезные изречения Вардгеса:

«*Соседство народов — это не квартирное соседство, чтобы разменяться и уйти, если сосед тебе не по душе… Мы – азербайджанцы, армяне и грузины – живем в трёхкомнатной квартире. У нас и дом един, и хлеб, и вода, и небеса едины…*»

Было лето 1982 года. Азербайджанское телевидение подготовило большую передачу, посвященную пятидесятилетию В.Петросяна. Когда я узнал время выхода передачи в эфир, то вспомнил, что Вардгес хотел посмотреть ее. Как раз в тот день началась сессия Верховного Совета республики. Хотя я и знал, что у него не будет времени посмотреть передачу, все же позвонил ему. (Передачи Азербайджанского телевидения хорошо ловились в Масисском (Зангибасар) и Араратском (Веди) районах). Вардгес и не думал жаловаться на время:

– Ты говорил, что у тебя есть друзья. Если поедем к вечеру, нормально? Ночью начинаются футболы.

Он имел в виду четвертьфинальные матчи чемпионата мира. Передача, посвященная Петросяну, начиналась после программы «Время», а потом…опять футбол…

– Конечно, – с уверенностью сказал я.

– А после передачи можем остаться и посмотреть футбол?

– Разумеется!

Договорились о времени выезда в село из города. Я позвонил в село Ширазлы своему другу Агамиру и сказал, чтобы вечером ждал нас в гости. К вечеру две семьи, моя и Вардгеса, выехали в Ширазлы.

У Агамира все было, как положено, на высоком уровне. И футбольные матчи были интересны, и посвященная Петросяну передача. Всю передачу я перевел ему.

Он остался доволен передачей:

– С пятидесятилетием Азербайджан поздравил меня раньше всех.

…Через несколько дней В.Петросян вместе с семьей отправился отдыхать в Карловы Вары, и когда он был за границей, отпраздновали его юбилей, наградили орденом «Октябрьской революции».

Я со своей семьей полетел в Ленинград, через десять дней приехали в Москву. На первом этаже гостиницы «Москва» я увидел Сону-ханым, жену Вардгеса. Она сказала, что они только что приехали из-за границы. Вардгес после шести часов будет в номере.

Вечером я позвонил из номера, поздравил с наградой.

– Встретимся, – сказал он.

– Может, в ресторане.

– Лучше в номере, а то из-за билетов на самолет мне постоянно звонят.

Я пошел. Были Вардгес, Сона-ханым и какой-то живущий в Москве армянин, профессор по картофелеводству.

Вардгес не удержался от шутки:

– Картошки нет, а профессоров много.

Просидели заполночь.

– Мое пятидесятилетие даже в Москве первым отметил Азербайджан. Такие встречи – это мосты между нашими народами, профессор!

Подготовленную мною антологию армянской литературы я назвал «Мосты».

– Выпьем за мосты!

Было два часа ночи. Рано утром мы должны были вылететь в Иреван одним рейсом – Вардгес и наша семья (Сона-ханым на следующий день вылетала в Канаду).

Прибыли во Внуково. Рейсы были отложены. В аэропорту было не протолкнуться. Вардгес сразу пригласил нас в депутатскую комнату. Опять разговоры, диалоги, споры, обед… Как пролетели десять часов, мы и не заметили. Около полуночи вылетели в Иреван.

…Зачем я так подробно рассказываю об этих двух встречах? Многие проблемные вопросы, связанные с азербайджанской культурой, просвещением, в Армении обсуждались и решались именно на таких вот встречах.

…Поскольку в Иреване я был в эпицентре литературной жизни, то контактировал со многими армянскими писателями, переводил их произведения на наш язык. Конечно, в основном это были образцы поэзии, но случалось – переводил прозу и драматические произведения. Мои размышления по поводу сделанных тогда переводов, добрые воспоминания о двух-трех армянских писателях некоторые читатели могут воспринять с недовольством, даже, как это было недавно в одной-двух газетах, можно вырвать из контекста некоторые куски из опубликованной двадцать-двадцать пять лет назад моей статьи о дружбе (эта статья, как в этой книге уже было сказано, на самом деле больше отражала ностальгические чувства о друзьях, нежели о настоящей дружбе) и «сотворить» ажиотаж. Повторяю: я снова возвратился к этой книге с одной единственной целью – чтобы описать происходящие в Западном Азербайджане в течение примерно сорока лет процессы, и самое главное – написать об увиденном, прочувствованном за восемнадцать лет и донести до читателя правду и только правду! Это моя главная задача.

С другой стороны – отдельные люди рядом с махровыми шовинистами черносотенцами – например, Сильвой Капутикян, Ованесом Ширазом, Зорием Балаяном, Кареном Симоняном, Серо Ханзадяном, Ваганом Давтяном и другими выглядели более положительно, поэтому я с ними сотрудничал, с некоторыми были дружеские связи. Сильву Капутикян в Азербайджане более-менее знают. Только когда мы с ней сталкивались, то были вынуждены здороваться – и она, и я.

Имя Ованеса Шираза тоже слышали в Азербайджане. В отличие от его бывшей жены Сильвы (Капутикян), с этим плохо воспитанным, хоть и талантливым типом мы при встрече не здоровались. И для этого были свои причины, была своя предыстория. Все началось в 1970 году с фестиваля «Закавказская весна». Я тоже был в числе приглашенных на фестиваль. После многих встреч (вечер поэзии в помещении академического драмтеатра, встреча с художником Мартиросом Сарьяном, встреча гостей, прибывших из Азербайджана, с преподавателями и студентами азербайджанского отделения Иреванского педагогического института и др.), нас повезли в Арташат (первоначально Гемерли), в здании местного театра организовали встречу с городской общественностью, потом пригласили на банкет и вот тут… случился большой конфуз.

После нескольких выпитых рюмок Шираз попросил слово у тамады, первого секретаря Арташатского райкома партии, и в приказном тоне обратился к секретарю Союза писателей Грачье Ованесяну:

– Переводи меня для них!

Не попросил, а почти приказал: «Переводи!» Когда он сказал «для них», хотя тут сидели также грузинские писатели, было явно видно, что движением головы он адресовал сказанное нам. Через нескольких фраз он перешел на шовинистические термины и выражения. Грачья был вынужден говорить совсем другое, об этом догадались и гости, которые почувствовали себя неловко. Шираз понял уловку Грачьи и прокричал:

– Я больше тебе не доверяю, ты переводишь меня неправильно.

Что будет дальше, сказать было трудно.

Тамада – секретарь райкома Хачатрян – поднялся:

– Я всегда уважал вас, как поэта. А теперь… Не ожидал.

Оскорбляя и посылая подальше и Хачатряна, и советскую власть, Шираз покинул банкетный зал. Хачатрян извинился перед гостями, но и Шираза не «опустил»:

– Талантливый поэт, к сожалению, когда выпьет, становится неуправляемым, не обращайте внимания.

Осман Сарывелли (там были также Бахтияр Вагабзаде, Тофиг Байрам, Джабир Новруз), поскольку его детство прошло в Дилиджане, рассказал о теплых отношениях людей разных национальностей, один грузинский поэт произнес тост за дружбу, но собравшиеся в зале не могли избавится от тягостного настроения. Один-два армянина лезли из кожи, чтобы завести компанию и оживить гостей, но ничего не получалась, так и зачах банкет. Когда мы вышли из ресторана, то увидели, что Шираз устроил во дворе ресторана мини-митинг и громко выкрикивает собравшимся вокруг него людям антитюркский, антиазербайджанский «монолог» (видимо, после ухода с банкета он продолжил пить с теми, кто сейчас окружал его). Едва увидев нас, нетвердым шагом пошел на меня:

– Ты скажи этим туркам, что…

Я не смог сдержаться:

– Шираз, если ты ищешь настоящего турка, это я, первый турок – это я. Тогда мы поскандалили, а теперь давай переводить стихи…

Когда Шираз стал ругаться, я сказал:

– Ругаться – это слабость, ругаться глупо.

Так сказать Ширазу, да еще прилюдно, было рискованно, даже опасно, его фанатики пошли бы на все, наверно, именно поэтому Грачья Ованесян и Паруйр Севак быстро вмешались, и, как только меня посадили в машину, мы двинулись с места.

Мне тогда было двадцать шесть лет.

Ширазу было пятьдесят шесть и он уже был классиком армянской поэзии, живой «легендой» армянского народа. Однако я дал ему словесную пощечину прямо в окружении фанатиков, в присутствии армянских писателей. Конечно, ни Шираз, ни его фанатики не смогли бы забыть моих слов. Мои слова уже наутро переходили из уст в уста в Союзе писателей, и объявились новые экземпляры тех, кто зло смотрел на меня. С того дня мы с Ширазом не здоровались, делали вид, что не замечаем друг друга. После того случая Шираз прожил еще одиннадцать-двенадцать лет, в последние годы, кажется, сильно болел.

Как-то, придя в Союз писателей, я увидел, что во дворе несколько писателей опять собрались вокруг Шираза. Я прошел мимо, ограничившись общим приветствием.

Спустя некоторое время на втором этаже ко мне подошел секретарь союза Арам Григорян и спросил с улыбкой:

– Гидаят, ты почему не поздоровался с «живым классиком»?

– Я же со всеми поздоровался…

– Он говорит, что этот молодой человек талантливый, но турок, со мной не здоровается, что с него возьмешь...

Атеросклероз смог заставить Шираза забыть инцидент в Арташате (Гемерли), но мое тюркское происхождение не смог.

С Зорием Балаяном и малоизвестным в Азербайджане поэтом-националистом Ваганом Давтяном мы, мягко говоря, не признавали друг друга. С Серо Ханзадяном, хотя вначале и были нормальные, даже дружеские отношения, позднее, когда он заразился шовинизмом, отношения испортились, я всегда критиковал его (несмотря на то, что он тогда был в возрасте, состоял в парламенте, был Героем Социалистического труда!). Напоминал ему, как часто он, вспоминая своих друзей и друзей отца в Горусе, ронял слезу. Серо отвечал мне по-азербайджански: «да, правильно говоришь», а отойдя в сторону, ударялся в свой шовинизм.

А Карен Симонян? В Азербайджане его знают мало, а в Армении он в одно время обладал очень сильной позицией: главный редактор «Литературной Армении», затем главный редактор издательства «Советакан грох» («Советский писатель»)…Как только он возглавил издательство, сразу отозвал мою книгу из типографии. Я позвонил ему:

– Карен, я еще не успел тебя поздравить, но узнал, что ты отозвал мою рукопись?

– Как ты быстро узнал.

– Плохие известия доходят быстро.

– Не только твоя, но и другие ваши рукописи доставлены в издательство, через пару дней мы их вернем.

Через несколько дней заведующий редакцией перевода известный поэт Вардгес Бабаян, о котором я рассказывал, позвонил мне и сказал, что хочет встретиться со мной. Договорились, и когда он пришел в театр, я увидел у него подмышкой папку с моей рукописью. Оказалось, что рукопись дали ему для дополнительной рецензии. Он спросил:

– У тебя есть стихотворение о Бабеке?

– К сожалению, нет.

– А Карен говорит, что…

– У меня нет стихотворения о Бабеке. А что?

– Ты давал Карену подборку, когда он был главным редактором журнала?

– Да, давал.

– Напечатали?

– Нет, кажется…

– Почему?

– Не знаю, он сам у меня попросил. По его заказу перевели на русский язык. Но, кажется, не напечатали. При встрече я спросил, он сказал, что будет в следующем номере. Я удивился, конечно, но не стал докапываться.

– Там было стихотворение о Бабеке?

– У меня нет стихотворения о Бабеке! При чем здесь Бабек? Допустим, было.

– Карен говорит, что Бабек… убил 50 тысяч армян.

Я опять не смог сдержаться:

– Это сколько же по подсчету Карена было армян в мире? Тысячу лет убивают, но нет конца… Что за бред!

Потом я вспомнил: в поэме «Монолог вечности» есть и такие строки:

Я путник в веках,
Я внук Бабека – сподвижника молний…

(Подстрочный перевод)

А в стихотворении «Родина» тоже есть строки:

Моя колыбель – Синеглазый Каспий,
Дыханье земли с огнедышащим сердцем,
Грусть седого Физули,
Бабека победное утро…

(Подстрочный перевод)

Из-за строк, где было имя Бабека, Карен в «Литармении» не напечатал мою подборку, поэтому, не успев привыкнуть к креслу главного редактора издательства, отозвал мою книгу из типографии…

– Вардгес, во всех армянских книгах, начиная от «Армянской советской энциклопедии», я встречал только положительные мнения о Бабеке и движении Хуррамитов. А то, что говорит Карен, полнейшая чушь.

– В одном справочнике я тоже прочитал, что Бабек… истребил пятьдесят тысяч армян.

– Тот справочник тоже написали и напечатали такие, как Карен. А кто предал Бабека, кто выдал его, и кто такой Сехл Сумбат? Об этом что-нибудь написано в справочнике?

Вардгес смутился:

– Ты прав, и я к тебе хорошо отношусь, книга выйдет, проблем нет.

При встрече я разоблачил Карена Симоняна. Наши отношения вконец испортились.

Но он не смог приостановить выход книги. Потому что Вардгес дал положительный отзыв, высоко оценил рукопись как с художественной, так и с идейной стороны. Карен, опасаясь моей сильной позиции в Союзе писателей и того, что меня хорошо знают в Центральном Комитете, отступил.

И…случилось так, что вскоре Карена вполне справедливо сняли с должности главного редактора издательства. Отправили заместителем редактора журнала, издания Комитета по связям с проживающими за рубежом армянами. Председателем этого Комитета был упомянутый уже мной поэт-националист Ваган Давтян. Карен попытался с его помощью притеснить меня, но и это ему не удалось.

Так что, когда я говорю положительно о Вардгесе Петросяне, Вардгесе Бабаяне, о двух-трех армянских государственных чиновниках и партийных функционерах тех лет, не надо создавать ажиотаж, господа! В мире много чего оценивается по принципу сравнения и относительности, мое отношение к ним также относительно – относительно Сильвы Капутикян, относительно Зория Балаяна, Карена Симоняна… С другой стороны, опираясь на людей, о которых пишу хорошо, я боролся с симонянами, степанянами, и мы печатали национальную литературу, сохраняли и развивали наш театр.

Я на каждом шагу встречался с «чутким» к себе отношением. Когда описывал случай с Кареном Симоняном, вспомнил один эпизод: известный поэт, заведующий отделом художественной литературы вышеназванного издательства Людвиг Дурян, с которым мы сотрудничали, так сказать, согласно занимаемой должности (я был председателем Совета по азербайджанской литературе Союза писателей), загорелся желанием перевести мои произведения на армянский язык и несколько раз обращался ко мне: «Не хочу переводить с русского, дай мне подстрочник на армянском». Подготовили и представили подстрочник. И вот однажды он говорит мне, насупив лицо:

– Гидаят, ты написал «Зангезур» так, словно это азербайджанская земля.

– Людвиг, я писал не учебник по исторической географии, я писал стихи.

– Но так выходит. Все топонимы – села, горы, реки, скалы, леса, ущелья … азербайджанизированы…

– Каждая из них имеет свои корни, свою историю. В цикле «Зангезур» топонимов не так много (я не любитель нагружать стихи топонимами), может быть, дух мой, дух азербайджанца, дух Родины, – это уже другой вопрос!

* * *

Слово художника, литератора призвано служить миру, взаимопониманию.

Когда же слово подчиняется политической конъюнктуре, служит разрушению естественно сложившихся уз добрососедства, нагнетанию ксенофобии, оно играет опасную и гибельную роль.

Такую неблаговидную миссию сыграла нашумевшая книга «Очаг» Зория Балаяна, изданная в 1984 году в Москве. В семидесятые годы фрагменты этой книги публиковались в газете «Авангард», органе ЦК комсомола Армении. Агрессивная, туркофобская, антиазербайджанская начинка этого националистического «манифеста» сразу бросалась в глаза.

Относительно этой книги, написанной с вражеской позиции, я обращался в Баку во все инстанции, которые были мне доступны – в Министерство культуры, Союз писателей, в редакции газет, к известным писателям и деятелям искусств. Никакой серьезной реакции не последовало. Слышал только: «Это чепуха, не обращайте внимания». В 1981 году в Ереване эти материалы вышли в виде отдельной книги. Я опять обращался, и опять слышал те же отговорки.

Зорий Балаян писал: «Я встретил восход солнца на берегу Аракса. Армянская река разговаривала со мной на армянском языке».

Как-то, повстречав автора в Ереване, я сказал ему: «Не знаю, на каком языке ты разговаривал с Аразом, но Араз с моего детского возраста говорит со мной на чистейшем азербайджанском языке. Я ведь родился на его берегу. И у меня было больше возможностей видеться и общаться с ним».

Мои слова, сказанные в присутствии трех армянских писателей, прозвучали как пощечина. Он этого не забыл. В последующие пять лет моей жизни в Ереване мы при встречах не подавали друг другу руки, ограничиваясь кивком.

* * *

Конечно, среди деятелей армянской культуры, литературы, чиновников, политических руководителей были и честные люди, с которыми у меня сложились уважительные отношения, даже сотрудничество. Но к этим отношениям я всегда подходил с объективной позиции. Четко понимал, что личные отношения, сотрудничество никоим образом не связаны с национальными вопросами, территориальными претензиями.

На фоне пасмурной политической погоды, активизации митинговых «златоустов» и газетных популистов на автора этих строк полетели демагогические стрелы: дескать, и я переводил армянских авторов, сотрудничал с ними. В понятие «сотрудничал» вкрадывался коварный, обвинительный смысл «якшался». Какой примитивный подход!

Но есть и другая сторона медали: ведь и мои произведения переводились на армянский язык, у меня вышла книга на этом языке, а стихи, проза и публицистика регулярно печатались в армянской прессе. И не только мои, но и многих азербайджанских писателей, живущих в Западной Армении. Я придавал этому особое значение. С одной стороны, произведения наших соотечественников доводились до армянской аудитории, с другой – я хотел сказать литературной общественности, читателям, особенно шовинистическим кругам: несмотря на все геноциды, насильственные депортации, на жизнь в условиях дискриминации, мы все еще существуем на своей исторической, родной земле. Пока жива культура народа, жив и сам народ!

Я переводил образцы из армянской поэзии, от первого письменного текста «Песня Ваагна» до Аветика Исаакяна, Паруйра Севака, Геворка Эмина, Вардгеса Петросяна, Размика Девояна...

Перевод – такое искусство, что полюбившееся тебе произведение ты доносишь до своего народа, пропагандируешь переведенную литературу. По-моему, даже более важное заключается в том, что это дар для твоей собственной литературы, вклад в твою сокровищницу культуры.

Когда на встречах с иностранцами я с гордостью рассказываю о том, что во время Второй мировой войны, когда гитлеровские армии приближалась к Азербайджану и тысячи наших соотечественников погибали на фронте, в нашем Национальном академическом драмтеатре была поставлена и проходила с аншлагом пьеса Фридриха Шиллера «Разбойники», что в те же годы у нас переводились и печатались отрывки из «Фауста» Гете, – иностранцы не могли скрыть своего восхищения глубокой мудростью, большим гуманизмом нашего народа. Наш народ в то тяжелое, даже безнадежное время мог отличать Гитлера от Шиллера и Гете.

…Так мы строили мосты между литературами соседних народов. По этим мостам от берегов Каспия до армянского читателя шло слово Насими и Самеда Вургуна, Бахтияра Вагабзаде и Исы Гусейнова, Наби Хазри, Эльчина, Исы Исмаилзаде…

Вышли мемуары Назара Гейдарова «В горах Зангезура», отражающие расправу дашнакских банд над нашими соплеменниками в начале века (через сопротивление «Главлита» и при помощи Гейдара Алиева).

В 1930 – 1950 годах армянская сцена после спектаклей по пьесам Дж.Джаббарлы и С.Вургуна закрыла занавес перед нашими драматургами. В пору моего директорства в театре в результате наших усилий и стараний коллег этот занавес был открыт – пьесой Имрана Касумова «Когда начинается сказка», опереттой Рауфа Гаджиева «Кавказская племянница», пьесой Шихали Гурбанова «Без тебя». Но, как говорится, пути Господни неисповедимы.

Моя позиция до исхода минувшего века ещё не была омрачена позднейшими событиями, я писал в статье «Как реки, бурные, как скалы, стойкие» – о незыблемых моральных ценностях, заботясь о сохранении которых я стремился, с одной стороны, вывести на чистую воду псевдопатриотичных брехунов, погасить раздуваемые националистические страсти, разрядить напряженность, а с другой стороны, сотрудничал с объективно мыслящими, незашоренными официальными лицами. Иного пути не было. Мы не были готовы к открытой борьбе (не говоря уже о войне). А после перевода Гейдара Алиева на работу в Москву в статусе члена Политбюро его сменил на посту руководителя республики Кямран Багиров. Он и его окружение, наряду с тем, что мало чего делали для возрождения национально-духовных ценностей и развития идеи азербайджанства, многими своими решениями, особенно кадровыми назначениями в сфере идеологии (дело дошло до того, что заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК, который курировал масс-медиа, была назначена армянка), тормозили развитие этого процесса, даже тянули его назад.

Я предчувствовал, что накануне распада советской системы армяне поднимут голову.

По моим прикидкам, распад СССР должен был начаться в первом десятилетии XXI века, причем поэтапно, сперва Прибалтика, затем Грузия, Армения…

Ещё не началась горбачёвская перестройка, мы еще ничего не знали об «ускорении». Мне и в голову не приходили подобные вещи. Если пишущие обо мне пасквили знали, пусть бы сказали.

* * *

От секретаря Союза писателей Армении, бывшего работника ЦК партии Мкртыча Саркисяна я слышал о визите Аветика Исаакяна в ЦК КП Армении. Саркисян любил предаваться воспоминаниям и подробно расписывал эпизод визита в ЦК: о том, как первый секретарь Заробян позаботился о приёме почётного гостя на высоком уровне, как он беседовал с ним четыре часа, и как Исаакян очень резко поставил вопрос о судьбе Севана (*Гейчи*. – **Г.**).

Речь шла о строительстве подземного канала. Чтобы остановить уменьшение воды в озере Гейча, было задумано построить подземный канал для переброски воды из реки Арпа в озеро. Проект требовал больших денег. И, как уже было отмечено в книге, благодаря поверхностному отношению Хрущева к событиям, процессам, вопросам, поднимаемым перед государством, тот проект строительства был реализован. Но пока Мкртыч рассказывал, меня беспокоило другое. Я чувствовал, что он говорит не все, что знает о встрече, точнее, скрывает самое важное.

– Больше ничего не сказал? – спросил я полушутя-полусерьезно.

Мкртыч слегка улыбнулся, сразу было видно, что он наслаждается тем вопросом, который скрыл. Я заподозрил: Аветик на встрече непременно поднимал «вопрос» о землях Гарабаха, Нахчывана и Восточной Турции.

Об этом мне позже сказал один известный армянский поэт. Потом как-то один армянский профессор рассказал мне об основных моментах завещания Аветика.

Я не называю этих имен, опасаясь преследования их детей, внуков, правнуков.

Аветика Исаакяна в Азербайджане знали как глашатая дружбы, много писали о его встречах и хороших отношениях с Самедом Вургуном. Я охотно переводил его стихи, даже посвятил ему стихотворение:

Стихи твои звенят, как родники,
На языке седого Физули,
До Савалана я доставлю строки,
Чтобы Табриз внимал тебе вдали…

Но я, и когда его переводил, и когда ему посвящал стихотворение, говорил, что Аветик Исаакян большой поэт своего народа, именно своего! А воспринимать его как глашатая дружбы…Полная наивность.

Впоследствии, на исходе девяностых годов, я узнал подробности о деятельности «глашатая дружбы», еще в 1948 году посетившего Нагорный Гарабах. Газета «Азг» («Нация») в декабре 1997 года опубликовала записи из блокнота знаменитого поэта…

Я подробно не пересказываю эти записи, в корне меняющие представление о «глашатае дружбы». Варпет считал, что «*Автономия Нагорного Гарабаха – абсолютная ложь»; «горе, если спросишь у женщины, гарабахской армянки, про житьё-бытьё, как она начинает плакать и говорить о своих утратах…»; «это закон – когда турок встречает армянина, он должен его убить…»; «тюркство победило нас – благодаря социализму»; «армянин, грузин, турок разные, социализм не сможет их объединить. Только уничтожив, он сможет их объединить»; «Мир Джафар Багиров очень хороший человек, если не он – азербайджанцы бы съели нас»; «…наша судьба изменилась. Воевать должны русские, а они в этом вопросе безразличны, только думают эксплуатировать армян в своих целях»; «в Гарабахе русский язык стал священным. На правительственных собраниях, митингах, мероприятиях говорят по-русски… Бывший секретарь райкома со всеми говорил по-русски…»; «Кировабад – потерянное армянство»... Далее: «Ужасные… изнурённые, забытые Богом люди – армяне…»; «армянский народ разложился, одичал из-за нечеловеческих условий, утратил уважение, благородство, семейные, национальные традиции, бедность ожесточила людей... Сыновья не содержат матерей; выгоняют из дому…»; «мы потеряли духовность, чтобы сохранить физическое существование*»…

Я задаюсь вопросом: где грань, за которой кончается искренняя боль за свой народ, за своё национальное самосознание и достоинство и начинается поиск врага, поиск супостатов, повинных в национальных невзгодах?

Почему естественная любовь к своему народу застилает глаза, затмевает разум, мешает разглядеть достоинства другого народа?

Я говорил выше, что не видел Аветика Исаакяна. Но я общался с известными в различных сферах людьми, которых хорошо его знали, за пределами Армении, – с такими, как академики Виктор Амбарцумян, Сергей Мергелян, режиссеры Вартан Аджемян, Грачья Капланян, художник Мартирос Сарьян, композиторы Арам Хачатурян, Арно Бабаджанян и другие деятели искусства, шахматист Тигран Петросян, известные писатели семидесятых-восьмидесятых годов, спортсмены (особенно футболисты), партийно-государственные деятели… Я и тогда был уверен – независимо от того, как они вели себя на людях, внутри каждого из них сидит то, о чем говорил Аветик Исаакян. И все это вышло наружу в годы «перестройки». Ничего нового.

Молодое поколение, я раньше много раз говорил об этом, теперь обращаюсь к вам: мы не сможем победить врага, если не изучим, не будем знать все это, если не освоим его опыт.

Вспоминаются строки Александра Пушкина:

Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин.

Комментарии, как говорится излишни.

* * *

Нет ничего страшнее, чем покидать Родину.

В восьмидесятые годы прошлого века очередной шквал армянского сепаратизма всего за десять-одиннадцать месяцев охватил весь Нагорный Гарабах и Западный Азербайджан (нынешняя Армения). Его кровавые когти жаждали тюркской крови, толкали безоружных, беспомощных людей в водоворот катастроф и трагедий, не имевших аналогов в истории.

В ноябре 1988 года первые группы бородатых нео-фашистов стали появляться в окрестностях села Лембели (ныне Баграташен). Они прекрасно понимали, что такое Лембели. Поэтому также быстро ретировались. Было много причин у их страха перед Лембели.

Прежде всего, Лембели по своему географическому положению для Армении играл роль стратегических северных ворот: железная дорога Тифлис-Иреван и всесоюзная транзитная автомагистраль, связывающие Армению с любой точкой бывшего СССР, в основном проходила через Лембели. Лембели был последним селом Горного Борчалы и первым селом Низменного Борчалы. К тому же село это располагалось в окружении более 30 азербайджанских сел древнего Борчалы. Поэтому соваться сюда – все равно, что засунуть руку в улей.

Все это понятно, однако больше всего армяне боялись другого. Пожилые армяне хорошо знали мужественных лембелинцев. В XX веке они по меньшей мере трижды испытали на себе суровый нрав лембелинцев, отведали, так сказать, их хорошей оплеухи.

В 1917 году, после свержения царизма в России, все арсеналы империи на южном Кавказе перешли в руки армянских дашнаков и грузинских меньшевиков. Используя это оружие, армянская дашнакская армия под руководством Андраника начала громить азербайджанские села. Лембелинцы понимали, что рано или поздно такая участь ждет и их, поэтому стали заранее готовиться. Село Лембели расположено на пути предполагаемого движения воинства Андраника, на стыке борчалинского нагорья и равнины. Сельчане сплотились вокруг местного вожака, сына ахунда Моллы Исмаила – выпускника Тифлисской гимназии, Мустафы Эфендиева. Население с большими трудностями частично было вооружено.

И вот ожидаемый день настал. Банды Андраника прошли через перевал Лалвер, лесной массив Мушул, села Чапахчи и Аг кёрпю и напали на селенье Бурма в пойме реки Теветой (Дебед) у подножья горы Гарагая. Хорошо, что жителей села успели перебросить в соседнее Садахлы. Лембелинцы вместе с садахлинцами окопались вдоль левобережья названной реки и заняли выгодную позицию для отпора. Завязалась ожесточённая перестрелка. Кругом гремела пальба, оглашая горы. Обученные бандиты Андраника, не ожидая столь серьёзного сопротивления, отошли к югу лесами. Лембелинские ополченцы оставались начеку. К весне 1918 года Мустафе Эфендиеву друзья из Тифлиса сообщили, что армяне везут из Тифлиса эшелон боеприпасов для андраниковских вояк. Нариман Нариманов и Алигейдар Караев попросили Мустафу принять меры по пресечению этой операции. Мустафа держал совет с вооружёнными молодыми ополченцами. Решили захватить и разоружить эшелон. Устроили засаду у моста перед въездом в Садыхлы, взяли под контроль линии связи и коммуникации.

Через некоторое время со стороны села Мамай показался поезд. У моста трое ополченцев с Мустафой во главе запрыгнули в паровоз, застрелили охрану и остановили состав. Весь груз – продовольствие, боеприпасы, 62 пулемёта, карабины и прочее – было вынесено и незамедлительно перевезено в село. Разгруженный эшелон и уцелевшие солдаты остались в пустой степи. Правительство Грузии во главе с Жордания (к сожалению, это правительство не смогло освободиться от влияния живущих в соседней стране армян), узнав об акции лембелинцев, решило наказать их и направило на них отряд, состоявший преимущественно из армян.

Но сельчане стояли крепко – спустили воду из арыка и приспособили его под траншею и огневые позиции, а женщин и детей вывезли в безопасное место.

Правительственные войска посылали бунтарям ультиматумы несколько раз, но тщетно. Началась перестрелка. Солдаты пытались прорваться через мост, но их косил огонь. Двое из лембелинских храбрецов погибли. Наконец враг не выдержал и поднял белый флаг.

Бой, длившийся трое суток, завершился победой лембелинцев. Весть об этой исторической победе разнеслась по всему Кавказу.

Имена Мустафы Эфендиева и его соратников были у всех на устах. Сельский люд перед лицом смертельной опасности собрался в сжатый кулак. Лембелинцы были не одиноки – к ним на помощь спешили джигиты из близких и дальних сел.

Потом, много лет спустя, антиазербайджанская «фобия» аукнется депортацией 1948–1953 годов, идея которой созревала в кремлевских кабинетах при участии «отца народов» с подачи Берии и Микояна, еще со времени войны с гитлеровской Германией. Уже в те годы вынашивался план о переселении населения Азербайджана в Среднюю Азию и Казахстан.

Тогда эта коварная затея не удалась благодаря воле первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Мир Джафара Багирова, бывшего в доверительных отношениях со Сталиным.

Но инициаторы изгнания азербайджанцев не успокоились, еще жив был Микоян, который строил планы, продиктованные его зарубежными дашнакскими руководителями.

Последовал роковой вердикт Совета министров СССР от 23 декабря 1947 года (№ 4083) и от 10 марта 1948 года (№ 754), означавший начало новой волны массовой депортации наших соплеменников. Удар пришёлся и по лембелинцам. Председатель местного колхоза имени Тельмана Биннет Инсанов, председатель сельсовета Кязим Марданов, секретарь парторганизации Муса Якубов внезапно были вызваны в райком партии, где им растолковали суть вышеназванных правительственных постановлений и потребовали скорейшего переселения.

Колхозные вожаки вздыбились: народ не думает переселяться. Тогда армяне прибегли к шантажу, угрозам. К тому времени по всей Армении началась волна переселений…Нельзя было устоять перед приказом Сталина.

Лембелинцы в поисках правды послали ходоков-аксакалов в Баку, к «хозяину» республики. Аксакалы пошли «бить челом» к Мир Джафару Багирову. Грозный первый секретарь подытожил увещевания:

– Я сумел спасти вас, по крайней мере, от неминуемой смерти. На это хватило у меня сил… А дальше действуйте, как хотите…

Самед Вургун, содействовавший встрече ходоков с первым секретарём, огорчённый, говорит аксакалу Биннет-киши:

– Воля государственная, брат… что мы можем поделать… Но у меня совет тебе: всех твоих земляков мне не «потянуть», забери с собой десяток семей и привези в Баку. Сам размещу вас здесь, создам все условия… Поживём, поглядим, как дела обернутся…

Биннет-киши благодарит знаменитого поэта за участие и заботу, но отказывается от предложения:

– Если я оторвусь от своих, не осудят ли меня? Ведь отцами сказано: «Всем миром бедовать – как с гульбою вековать».

Поэт растроганно обнимает аксакала. Ходоки ни с чем возвращаются в село, как в воду опущенные… Чиновники, прибывшие из Баку, рекомендуют лембелинцам перебраться в степь Джейранчёль, чахлую пустошь, кишащую малярийной мошкарой.

Послали гонцов на разведку. Местность оказалась непригодной для жителей лесистых гор. Наконец зимой 1946 года сельчан начали насильно выдворять из их домов. Никто не захотел переселяться в Азербайджан, люди приютились в азербайджанских селах Садахлы, Гачаган, Байдар, Мамай, Сарал и др. в Сарванском (Марнеули) районе соседней Грузии.

Но это было не все. Вскоре власти Грузии, подстрекаемые армянами, используя милицию, насильственно выдворили лембелинцев из сел и собрали на железнодорожной станции Садахлы. Там их загнали в «товарняки», и эшелон двинулся в сторону Иревана. Оттуда – в снежную стужу народ грузовиками, а большей частью пешком, доставили до селений Агкильсе и Зод в Басаркечаре. Местные люди встречали этих замученных людей с большой теплотой.

Беженцы приютились в опустевших домах тех, кого переселили в Азербайджан. Стоит назвать их радетелей – первого секретаря Варденисского райкома Талыба Мусаева, председателя колхоза Бахрама Гаманова. Талыб Мусаев оценил доблесть и самоотверженность уже упомянутого выше аксакала Биннета Инсанова, разделявшего с земляками тяготы «хождения по мукам», предложил ему в райкоме различные должности. Но Биннет-киши вежливо отказался, хотел «бедовать и вековать» с земляками. Впрочем, в душе он лелеял надежду на возвращение в родной очаг.

Люди с большими мучениями пережили ту зиму. Близилась весна. Тоска по родине была неодолима. И в мае 1950 года, невзирая ни на какие преграды, чинимые армянскими властями, люди устремились, кто порознь, кто группами по два-три человека, кто горными тропами, кто пешком, кто верхом, а кто железной дорогой – через Гаракильсе (Кировакан) – к заветным местам, в Лембели.

Но они застали свои дома занятыми армянами-репатриантами, обманным путем «выписанными» из-за рубежа.

Лембелинцы были вынуждены взяться за лопаты, долбить землю, сооружать землянки…

Так возникло новое село – Тазакенд. Биннет Инсанов перенял бразды правления колхозом в Лембели у старшего брата Гумбета, ушедшего на фронт в сорок первом году. Он взвалил на молодые плечи бремя забот об односельчанах. Люди души не чаяли в нём. И то, что страшная депортация, о котором мы говорили выше, до конца не осуществилась, было заслугой таких мужественных и преданных народу людей, как Биннет Инсанов.

Возвратившиеся из ссылки лембелинцы стали требовать от Москвы восстановления своих прав, добиваться возвращения заселённых репатриантами домов, имущества.

Наконец удача!

Правительство Армении было бессильно против результатов авторитетной комиссии, прибывшей из Москвы по настоятельному требованию лембелинцев. В начале пятидесятых годов за подписью первого секретаря ЦК КП Армении С.Товмасяна было принято постановление о возвращении домов в Лембели прежним владельцам и их трудоустройстве в совхозе.

Прошли десятилетия, но армяне не забыли такое проявление воли лембелинцами, готовились к новым провокациям.

И вот настал момент реализации планов и сорокалетней подготовки. 1988 год стал тем самым черным годом. Однако армяне помнили об исторических уроках, полученных от лембелинцев, поэтому были вынуждены действовать осторожно и крайне расчетливо. Переселение лембелинцев они специально оставили на самый конец, чтобы при необходимости бросить все свои силы на здешние своенравные села.

Снова был раскручен «маховик» с участием оголтелых бородатых боевиков и шантажистов…

Летняя страда была в разгаре. 21 июня лембелинцы в знак протеста против самоуправства армян-бородачей объявили забастовку. Сотни тысяч гектаров земли остались без присмотра. Это событие возмутило Иреван. Из столицы в село присылали столоначальников. А армян в округе исподтишка вооружали. Вдобавок здесь разместили воинскую часть советской армии.

Закрылась граница с Грузией, приостановили медицинское, торговое обслуживание азербайджанцев. Тиски экономической блокады сжимались.

Армянские руководители района и совхозов «обрабатывали» отдельных людей, стращая их, что «мы не ручаемся за вашу безопасность». Это был пролог. Чувствовалось приближение настоящей катастрофы.

По ночам начались поджоги. Горели дома, пылали стога, скирды сена. До полусмерти избили Эфенди Юсифова, машину «Москвич» Исы Йолчиева изрешетили пулями, Масима Ибадова сбили автомашиной…

Лембелинцы не сдавались. Соорудили баррикады, добыли оружие, поставили ночных дозорных, дежурили. Но силы были неравны. В последние дни ноября они были вынуждены покинуть родную землю, рассеяться, как и в 1949 году, по азербайджанским сёлам в Грузии. Многие месяцы мыкались в прибежищах, продолжая посылать ходоков в Москву и стучаться в

двери инстанций… Наконец решили составить делегацию из ветеранов войны, учителей, активистов из Лембели и Кёрпюлю. Они обращались в разные периоды к тогдашним руководителям Азербайджана – А.Везирову, А.Муталибову, Э.Кафаровой, встречались в ЦК КПСС в Москве с В.Рябовым, В.Ломоносовым, А.Мелкоедовым, В.Степановским, были у министра МВД СССР В.В.Бакатина, у председателя ВЦСПС Л.В.Рыбакова, в Прокуратуре СССР у Р.Н.Катусевой, у председателя Верховного совета Армении В.Маркаряна…К большому сожалению, ничего, кроме ложных обещаний, они от этих руководителей не услышали.

В то время «Правда» писала о желании лембелинцев вернуться домой любой ценой. Но репрессии конца восьмидесятых годов стали более страшными, чем репрессии, учиненные до этого Царской Россией и Советской империей, и дали запланированный армянами результат. Благословения на все репрессии были получены армянами у многоликого М.Горбачёва.

Трёхтысячное население лембелинского края осело, в основном, в Баку, Сумгайыте, Гяндже, Акстафе, Огузе, Шемахе и других местах…

Прошло уже более тридцати лет с тех горестных дней, но лембелинцы, как и все другие, живут с твердой верой в то, что вернутся когда-то на землю своих предков.

* * *

Несмотря на то, что в Западном Азербайджане против азербайджанских тюрок долгие годы проводилась последовательная, системная армянская политика, живущие там наши сородичи чувствовали себя хозяевами той земли больше, чем армяне. Такая привязанность к родной земле зиждилась на том, что азербайджанцы тысячелетиями жили в этом краю.

Армяне, опираясь на своих высоких покровителей, прибегая ко всевозможным хитростям и уловкам, явным и скрытым провокациям, пытались изгнать наших соотечественников со своих исторических земель, арменизировали названия наших городов, сел, гор, рек, озер, создавали фальшивую историю, на каждом шагу ограничивали наши права и свободы. Они преследовали цель лишить азербайджанцев своих историко-этнических корней, создать иллюзию, что земли Западного Азербайджана принадлежат армянам. Коварная армянская политика в этом деле добилась многого, но не смогла убить у азербайджанцев чувства привязанности к родной земле. Потому что патриотизм и любовь к Родине у тюрок Западного Азербайджана, в жилах которых текла кровь тюрков-огузов, были самыми большими ценностями, которые они передавали из поколения в поколение. Это была бессмертная и вечная генетическая память, которая выше армянской наглости. Это хорошо понимали и сами армяне, которые жили на этих священных землях как временщики, страдая от осознания своего морально-духовного поражения. Потому что в кровной памяти армян чувства привязанности к этой земле не было и в помине.

Как наглядный пример вышесказанного, я рассажу об одном достойном и доблестном человеке, который в трагических обстоятельствах, вызванных угаром массового националистического психоза, стремился честно выполнять свой служебный и человеческий долг – о Лятифе Насибове. Родился он в 1936 году в селе Эвли (старые названия – Торпаг-гала, Ухункёй, Воронцовка). Отец его, бывший председатель сельсовета Мусаллим Насибов, активный участник колхозного строительства, ушёл на фронт и погиб в боях на белорусской земле.

Лятиф пережил тяготы безотцовщины, которая сформировала его характер, воспитала в нём чувство коллективизма, способность сопереживать чужому горю. Окончив школу и отслужив в армии, он работал в системе милиции, затем продолжил образование в Тифлисском специальном милицейском училище; в середине шестидесятых годов, имея стаж работы в Иджеване, он перевелся в свой родной район и работал в отделе угрозыска Калининского управления милиции.

Его высокий профессионализм, принципиальность, верность законности и безупречная репутация снискали ему уважение не только в коллективе, где подавляющее большинство составляли армяне, но и во всем районе, в регионе Лори, а также в Борчалинском крае Грузии, который граничил с Калининским районом.

Армяне вынуждены были считаться с ним за его отвагу, твёрдость и решительность. А

азербайджанское население вышеперечисленных регионов уважало его более всего за то, что он был настоящей опорой для наших сородичей, их заступником.

При нём армяне в компаниях вели себя спокойно, говорили взвешенно, соблюдали этические нормы…

Однако бывало, что под воздействием алкоголя говоруны зарывались и увлекались воспоминаниями и легендами об Андранике. Тогда им было несдобровать, кое-кто познал тяжесть его железных кулаков.

Естественно, он нажил себе и врагов, которые пытались очернить крутого «турка», даже покушались на его жизнь. Лятифа хорошо дополнял и корректировал опытный земляк, признанный аксакал Паша Гурбанов (он скончался в 1993 году в Баку). Паша Гурбанов во время возникавших на национальной почве стычек умел сказать свое слово, утихомирить горячие головы. И Лятифа оберегало его покровительство.

Лятифа за успешную работу ждало повышение в звании. Уже в МВД дали представление. Но закулисные завистники и недоброжелатели не бездействовали.

Майор Шахмазасян, получавший очередной «сигнал», решил «поймать с поличным» Лятифа, якобы, в момент получения взятки.

Майор внезапно входит в кабинет старшего лейтенанта Лятифа Насибова, который допрашивает отца какого-то человека, задержанного по жалобе. Шахмазасян обыскивает Лятифа, обшаривает его карманы, кабинет, сейф… Но ничего не находит. Майор накидывается на допрашиваемого, требуя, чтобы тот признался в том, что давал взятку, грозит, что в противном случае упечёт в СИЗО.

Лятиф, терпеливо наблюдавший за майором, не выдержал, запер дверь и дал майору «прикурить». На шум через разбитое окно в кабинет ворвались сослуживцы и застали майора с расквашенным носом. Слухи об инциденте разошлись по всей милицейской системе. В «верхах» судили-рядили, майор через несколько месяцев был отстранён от должности и уволен из системы правоохранительных органов. И Лятифу досталось. Звания капитана он не получил и был направлен инспектором в колонию трудновоспитуемых подростков.

Авторитет Паши Гурбанова (тогда он работал завотделом в райкоме партии), заступничество его дяди, организованность азербайджанских земляков смягчили «удар».

Почти через год Лятиф Насибов снова понадобился: его направили участковым уполномоченным в армянское село Шахназар. Лятиф поработал в селе тринадцать лет честь честью несмотря на интриги и наветы. Он ушёл из жизни в 1989 году. В возрасте 49 лет.

Его последний приют – на кладбище родного села. Недруги, при жизни боявшиеся этого храброго человека, «отыгрались» на его могиле, разбив надгробье…

* * *

Мысль переехать в Баку зародилась не в один день, не в один год…

Я везде называл причину переезда так: «по семейным обстоятельствам». И это действительно так было. Но в разговоре со мной редактор оригинала данной книги, известный публицист Сафалы Незерли попросил меня несколько раскрыть выражение «по семейным обстоятельствам». Я рассказал все как есть. Он слушал, а потом настоятельно предложил, чтобы я написал сказанное, как есть, и включил в это место в книге. Я и включил…

Восемнадцать лет я прожил в Ереване, служил верой и правдой развитию нашей печати, литературы, искусства.

Как говорится, «карьерный рост», при всех невзгодах и негативных обстоятельствах, меня не заботил. Но «не хлебом единым жив человек». Осенью 1979 года я заболел, лечение заняло несколько месяцев. Потом ещё удар – мой старший брат Гудрат скоропостижно ушёл из жизни. Я почувствовал холодное дыхание одиночества, опустошённость. Тогда стало абсолютно ясно, что после смерти дяди у меня в Ереване не осталось ни одного родного человека, родственника.

Разумеется, были друзья, театр, коллектив, общение… Но трудно кем-то заменить родного человека, когда стоишь перед дилеммой: жизнь – смерть.

Серьёзные симптомы недуга периодически давали о себе знать на исходе семидесятых. Дети были еще маленькие, учились в начальных классах. Опасения по поводу моего здоровья становились все более серьезными, а что будет с малышами? Этот вопрос все время беспокоил меня. В Иреване усиливались симптомы национализма и шовинизма.

Я, скажу без ложной скромности, выдержал, выстоял, перешагнул через их национализм и шовинизм, жил, как настоящий азербайджанец, работал на ответственных должностях, стал уважаемым человеком… А как же мои дети, как они будут жить, если состояние моего здоровья ухудшится, смогут ли они повторить то, что сделал я, жить, как жил я? Было очень трудно дать однозначно положительный ответ, потому что с каждым днем шовинистический настрой усиливался…

Мои родные были в Мыгры и Баку.

Не будь недуга и проблем со здоровьем, на исходе семидесятых и в начале восьмидесятых годов, вынудивших меня принять радикальное решение о переезде в Баку, меня ждала бы участь одного из беженцев 1988 года. Забегая вперёд, доложу читателю без ложной скромности, что мой уход из театра на фоне происходивших процессов, антиазербайджанской свистопляски, привёл к угасанию этого храма культуры, которому я посвятил шестнадцать лет жизни… Такова реальность.

Такие перевалы одолеть –
Не то, что из ключа испить водицы,
Из края в край с гнездом перелететь –
Не то, что просто пересечь границу…

Я предвидел, что в Баку мне придётся начинать всё с «нуля», что меня не ждут «молочные реки с кисельными берегами».

Я открыл глаза на белый свет там, на берегах реки Мыгры, в Маралземи. Обошёл за пядью пядь простор родной земли… Я помню каждый камень и валун, каждую скалу, горную тропинку, петлящую по склонам, помню каждый родник, рощу, дерево…

Я обожествлял эту землю, считал ее центром мироздания:

Нет счёта, говорят, земли родной щедротам,
Ведь сам Всевышний – зангезурец родом…

Да, Зангезур – моя малая Родина! Не только моя, а сотен тысяч азербайджанцев, издревле живущих на этой земле!

Баку – столица моих грёз, надежд, чаяний. Это оплот каждого азербайджанца, где бы он ни находился – будь он в Австралии, Южной Африке или Латинской Америке.

Я приехал сюда, не гоняясь за славой,
Чтоб народ созерцать, как зевака.
Любоваться хочу, как горой величавой.
Вековые чинары – мой щит неизменный.
Я пришёл – обернуться горстью земли,
Той, что внук мой возложит с любовью в душе
На последний приют мудреца Физули…

Последние дни 1983 года. Взяв двухмесячный отпуск, я приехал в Баку. В последний рабочий день встретился с министром культуры Армении Гургеном Аракеляном. Сообщил ему о своих планах, сказал твердо, что после отпуска в театр не вернусь. Гурген не ожидал этого, мы долго беседовали. Министр понял, что мое решение твердое, но не принял заявления.

– Никому об этом ни слова. Впереди ещё пара месяцев. Может, передумаешь…

Я стоял на своём. Перевёз семью в Баку (были у детей школьные каникулы). Они должны были привыкнуть к жизни в Баку. Вернулся в Иреван, министр сразу спросил:

– Не передумал?

– Нет.

После этого руководство всерьез забеспокоилось. Меня вызвал секретарь ЦК Карен Даллакян. Разговор затянулся надолго. Секретарь хотел знать причину моего отъезда. В конце беседы секретарь поднял трубку телефона и стал говорить с первым секретарем:

– Карен Серопович, Гидаят у меня, обстоятельно побеседовали, он определился с вопросом о переезде. – Он замолчал и слушал собеседника, затем сказал: – Да, очень жаль, понятно. – И положил трубку. – Карен Серопович тоже сожалеет, – сказал он.

Я попросил, чтобы на завтрашней коллегии министерства рассмотрели мое заявление.

– А Бюро?

– Бюро рассмотрит потом. Когда меня назначали, Бюро утвердило четыре месяца спустя…

Секретарь не возражал. Позвонил министру.

– Намерение Гидаята окончательное…И Карен Серопович сожалеет…Что делать, рассмотрите на завтрашней коллегии.

«Сожаление» К.С.Демирчяна, серьёзная обеспокоенность, возникшая в министерстве культуры, объяснялись тогдашними критическими упрёками Москвы в адрес Армении за националистические тенденции (год спустя ЦК КПСС принял специальное постановление на этот счёт, но оно осталось на бумаге).

Карен Демирчян, заняв пост первого секретаря ЦК КП Армении, осенью 1974 года продолжил линию своих предшественников и доделал то, что не смогли сделать они.

24 апреля 1975 года члены Бюро ЦК посетили памятник жертвам «геноцида», и руководитель республики в 17 часов обратился впервые по телевидению к народу. Тем самым была легализована и поддержана на государственном уровне программная цель армянского национализма. Партийная верхушка республики между тем соблюдала имитацию заботы и внимания к нашим соплеменникам, в частности, этот ритуал и показушное рвение ощущались и при проведении полувекового юбилея нашего театра.

Я про себя размышлял о перспективах и приходил к пессимистическому выводу.

Я думал также о том, попытается ли тот, кто придет после Демирчяна, изменить политическую линию национализма? Вряд ли. Потому что сформированная в республике идеология шовинизма и национализма въелась в души большей части населения республики. Для чего новый руководитель республики должен быть заинтересован в этом? Я часто задумывался над этим вопросом. Ответ тоже был ясен. Оставалась надежда на то, что Центр (Москва) предпримет соответствующие шаги.

В Иреване и Баку я полушутя говорил тем, кто интересовался моей «перекочёвкой» в Баку: «Вардгес Петросян на десять лет затянул мой отъезд из Иревана, а Карен Демирчян ускорил на десять лет…» Я говорил это и в ЦК КП Азербайджана.

И вот в мае 1986 года я был делегирован из Баку на съезд армянских писателей. По моему предложению ко мне присоединили и жившего в Баку армянского писателя Левона Адяна. Скажу и то, что в Иреване нас приняли очень хорошо, разместили в самой лучшей правительственной гостинице (кроме нас и секретаря Союза писателей СССР туда никого больше не заселили), секретарь Союза писателей Армении Сагател Арутунян повсюду сопровождал нас. Наутро после приезда, когда Левон ненадолго отлучился, и мы с Сагателом остались вдвоём, он спросил у меня:

– Гидаят, ты говорил такие слова? – и он в точности повторил то, что я написал выше о «заслугах» К.Демирчяна в моём отъезде в Баку.

– Да, говорил. Уже донесли туда? – сказал я, указывая на резиденцию первого секретаря, находящуюся чуть выше отеля.

– Да, донесли.

Вошел Левон, и мы прервали разговор.

После завтрака пришли в Главный дворец заседаний Иревана. Меня посадили в президиум в зале заседаний, на пронумерованные места в первом ряду.

В кулуарах, беседуя с коллегами, я увидел вошедшего К.Демирчяна, который поздоро-

вался с гостями из союзных республик и направился с Вардгесом Петросяном ко мне. Поздоровался:

– Гидаят, как ты?

– Спасибо, Карен Серопович.

Обернулся к Петросяну:

– Мы пригласили Гидаята или Азербайджан делегировал?

– Мы ждали его… а Азербайджан делегировал…

– Нет, и мы должны были пригласить его… Я рад, что ты приехал…

Я не спросил: «как вы?» Ведь Сагател полчаса назад уже рассказал мне.

На следующий день, когда пришел первый секретарь, он опять поздоровался со всеми. Дойдя до меня, остановился:

– Гидаят, как ты?

– Спасибо, Карен Серопович.

– Два года, как ты уехал из Иревана. Не так ли?

– Так.

– Ты выходил в город? Ну как, Иреван развивается?

Я отделался шутливым ответом, что, дескать, меня избрали в президиум, сижу в первом ряду, и если отлучусь, армянские коллеги могут подумать: «Гидаят игнорирует наш писательский съезд».

– Как-нибудь найди время, посмотри.

Последняя поездка моя в Иреван состоялась весной 1987 года – на юбилей Саят Новы. Мы на торжестве «пересеклись» с Демирчяном. Карен Серопович не выглядел прежним человеком. Его будто подменили.

От известного журналиста, возглавлявшего отдел культуры ЦК КП Азербайджана, Азада Шарифова, я слышал отзыв К.С.Демирчяна обо мне: «Спокойный, всегда сдержанный…». Но к этим эпитетам Карен Серопович в дальнейшем добавлял, как я узнал от армянского профессора-москвича, накоротке знавшего Демирчяна: «в высшей степени националист…». Дистанция, разделявшая нас, редкие контакты мои с Демирчяном не давали ему повода высказывать такое суждение обо мне. Тут, несомненно, сыграла роль информация, предоставляемая ему, в особенности, донесения КГБ…

Мою ироническую реплику о его «*заслугах, на десять лет ускоривших мой отъезд*», первый секретарь не забыл, потому настроился негативно против меня…

…Прежде чем рассказать о последней встрече с Вардгесом Петросяном, поведаю о давнем «коротком замыкании» в театре, где я работал, которое вызвало недовольство партийного функционера Гима Погосяна (тогдашнего завотделом ЦК КП Армении). Я уволил из труппы профессионально несостоятельную актрису, она привела в театр своего невоспитанного сына, который пытался затеять скандал и грозил «свести счёты» с актёром, стремившимся утихомирить его. Мне позвонил из ЦК Гим Погосян и попросил восстановить на работе актрису. Я долго объяснял, что это невозможно. Гим сухо попрощался. За уволенную заступился и министр культуры К.Удумян, говорил со мной на повышенных тонах. Я стоял на своём.

Мне было ясно, что у Гима с той актрисой существуют амурные отношения, и я про себя решил, что не сдамся, пусть даже уйду с работы.

Погосян этого не забыл. Когда меня представили к почётному званию, Гим «зарубил»: «Пока он не созрел».

Я отправил ему через его подчинённого сотрудника разоблачительный «месаж». Затем последовало третирование автора этих строк, отстранение от мероприятий под патронажем отдела культуры ЦК и т.д.

Однажды мне позвонила заместитель Гима Тамара Карповна и попросила зайти в ЦК. Я явился в ЦК. Тамара Карповна повела меня в кабинет Погосяна. Гим поднялся навстречу:

– Ну как, убедился в нашей силе?

Он имел в виду то, что он, «всесильный», вычеркнул меня из списка претендентов на почетное звание.

– Нет, не убедился. Давайте на миг поменяемся местами, тогда увидим, кто сильнее, – отозвался я.

Мне был понятен корень примиренческой миссии Гима. О наших взаимоотношениях знали и говорили многие, и он хотел вести себя так, будто ничего не случилось.

Сотрудник Гима Акоп Джарахан, с которым у меня были нормальные отношения, явно хотел, чтобы между нами воцарился мир.

Гима Погосяна позднее отстранили от партийной работы, назначили заместителем министра культуры (театр не входил в его курацию). При встречах он спрашивал меня:

– Кто сильнее: я или ты?

– Смотря кто какое кресло занимает.

Неожиданная весть пришла спустя некоторое время после моего возвращения в Баку. Газеты написали, что указом Президиума Верховного Совета Армянской ССР мне присвоено звание «Заслуженного деятеля культуры».

Сначала я не поверил, думал, ошибка. Уточнил, было именно так, звание дали по инициативе Вардгеса, просто не учли, что в первый раз это звание мне было присвоено в 1978 году… Подготовил «благодарственную» телеграмму на имя К.Демирчяна: «*Это звание было присвоено мне в 1978 году. Я и до этого переводил армянскую литературу на родной язык, перевожу и сегодня. Счастлив, что почетные звания мне ничего на дают*».

Зачем нужны были эти резкие протесты, прорывающиеся изнутри? Конечно, это было связано с теми деяниями, которые в течение десяти лет творил, смеясь мне в лицо, К.Демирчян, и с тем, что я предчувствовал трагедии, которые случатся после моего отъезда.

Два наших известных писателя, прочитав телеграмму, посоветовали не отправлять ее. Сказали: «Дали повторно звание, ну и спасибо. Чтобы получить такое звание, многие из кожи вон лезут…» Но я отправил.

Естественно, что ни на телеграмму не ответили, ни в Ереван не пригласили, чтобы во второй раз вручить удостоверение почетного звания «Заслуженный деятель культуры».

* * *

Итак, на коллегии министерства решался вопрос о моём отъезде.

Министр культуры говорил прочувствованные слова о том, что они очень старались отговорить меня, что моя деятельность не вмещается в орбиту министерства, Союза писателей, что ЦК и правительство очень высоко ценят мою работу. «Вы уезжаете, доброго вам пути! А если вы пожелаете вдруг вернуться, ни в коем случае не думайте, что назад пути нет, когда бы ни вернулись, милости просим. А не вернётесь, мы будем считать, что у нас в Баку живёт наш прекрасный друг и брат…»

В коллегии участвовало довольно много людей. Среди женщин были и такие, которые вытирали слёзы, некоторые мужчины также сильно были затронуты моим уходом. Я встал и поблагодарил за предоставленную возможность работать и творить в Ереване.

Чувствовал, что у меня голос дрожит.

После коллегии я пошел не в театр, не домой, а в Союз писателей.

В последние годы, когда вопрос о переезде в Баку заполнял мое сердце, мне дорогу преграждал Вардгес Петросян. Однажды я представил себе, как скажу ему об отъезде и как он будет ошеломлён, и я боялся вопроса, которого он никогда не задал бы мне: «Ну чего мы для тебя не сделали, что ты уходишь?»

Он не задаст мне этого вопроса, и я не скажу ему, что мой переезд без малого семь-восемь лет задерживал ты…Правда, было много и тех, кто ускоряли.

Я начал разговор, сильно волнуясь:

– Это покажется вам неожиданным. Для меня самого это тоже неожиданно.

Затем рассказал все как есть.

Я не мог смотреть на него. Рассказывал, глядя на какую-то неизвестную точку. Куда смотрел он, не знаю. Я замолчал, повернулся к нему. Его глубокие глаза словно расширились. Тишина была короткой, но оглушительной:

– Гидаят, но ведь это слишком внезапный отъезд…

– Да… И для меня самого неожиданный. Не легкий.

Он поинтересовался, где в Баку я буду работать. Мы оба чувствовали себя неловко. Было тяжело, и я торопился завершить разговор. Тепло попрощались. Он спросил напоследок номер моего авиарейса, обещал прийти проводить.

Несмотря на усиливающийся с каждым днем армянский национал-шовинизм, ни во время искренней беседы с Вардгесом в Союзе писателей, куда я пришел после коллегии Министерства культуры, ни когда писал эти строки в Баку, я не думал, что спустя пять лет вынужден буду писать тому же Вардгесу письмо-протест, полное серьезных (и абсолютно справедливых) обвинений.

Оказывается, после моего отъезда из Иревана политика национал-шовинизма распространялась со скоростью молнии, наподобие фашистской чумы Адольфа Гитлера…

ПИСЬМО ВАРДГЕСУ ПЕТРОСЯНУ

Мне и на ум не могло прийти, что вскоре после публикации журнального варианта «Здесь тьма полчищ пронеслась…» над Гарабахом сгустятся чёрные тучи. Экстремистские силы, шовинистический психоз, андраниковские последыши… растопчут «добрососедство, и дружбу, и истину, и справедливость».

Но в те же дни тысячи читателей в Азербайджане выразили благодарность за ту публикацию, которую прочли везде, даже за океаном.

Благодарственное письмо молодого исследователя, внука Уильяма Сарояна – Марка Сарояна – пришло из Лос-Анджелеса. Наверное, и туда дошла весть о произошедших в Нагорном Гарабахе беспорядках и столкновениях. Это письмо, связанное с азербайджанским народом, литературой, его отношением с соседними народами, заинтересовало всех, кроме армянской интеллигенции…

Я был ошеломлён прошлогодним Вардгесом в сопоставлении с Вардгесом нынешнего года – среди многих писателей, с которыми в Армении мы делили хлеб-соль, были товарищами, поддерживали дружбу. Ибо мне давно открылся внутренний облик тех, кто сеял семена национальной вражды между двумя народами, подливая масла в огонь, таких, как Сильва Капутикян, Серо Ханзадян, Зорий Балаян и иже с ними…

Я знаю, что было много тех, кто ещё с середины семидесятых годов рвался очернить, обвинить в ренегатстве выдающегося армянского писателя, который прилагал усилия для развития дружественных отношений между нашими народами, для укрепления наших литературных связей, что было делом нелёгким. Но Вы превозмогали все преграды, открыто провозглашали своё праведное слово не только в разговорах со мною лицом к лицу либо в узком кругу, но и с высоких трибун. Их было много. Вы не смогли увлечь их за собой, и очень жаль, что в конце концов сами последовали за ними.

Я в этом убедился ровно год тому назад, 18 июля 1988 года наблюдал обсуждение Нагорно-Гарабахского вопроса на заседании президиума Верховного Совета СССР, когда сочли «геноцидом» события в Сумгайыте, толком невыясненные, кем и зачем спровоцированные. То, что Михаил Горбачёв сразу же прервал Вас и впервые высказал объективное отношение к этому необоснованному обвинению, – до сих пор у меня перед глазами…

«…Геноцид – это определённая политика, не стихийная, а определённая расовая политика… А вы хотите приписать всему Азербайджану провокацию, учинённую группой хулиганов? О каком же геноциде здесь может идти речь?»

На другой день после Вашего горе-выступления – 19 июня – я отправил Вам «поздравительную» телеграмму, оставшуюся без ответа. Напоминаю ещё раз Вам её текст.

«На протяжении многих лет я радовался Вашим удачам, огорчался Вашей неудаче. Вчера я впервые порадовался Вашей неудаче.

Да будет она последней!»

Гидаят.

19 июня, 1988 г.

Конечно, мой друг не сразу пришёл к той антиазербайджанской необъективной инсинуации.

До этого события руками студентов Иреванского университета были публично сожжены на кострах тысячи экземпляров Вашего романа «День рождения с пустыми стульями».

А Вы, оказавшись в безвыходной ситуации, в русском издании романа («Советский писатель», 1988) убрали эпизоды, где относительно объективно оценивались события 1915 года, «переделали» другие фрагменты.

Группа литераторов во главе с С.Капутикян, В.Давтян, З.Балаян, Г.Ованесян и др. довели дело до того, что Вы были вынуждены подать в отставку с должности председателя правления Союза писателей. Может, произошли с Вами и иные, неведомые мне беды? Но ни одно преступное гонение, ни одна угроза не должна была заставить Вас сойти с пути. Поверьте, я не говорю об Азербайджане. Армении самой сегодня, как воздух и вода, нужен Вардгес Петросян пяти-шестилетней давности!

Когда я услышал о Вашей отставке (до гарабахских событий оставались считанные дни), я написал Вам письмо, где были такие строки: «…Ни одна антиармянская партия (если таковая имеется) не могла бы совершить подобного предательства в отношении армянской литературы, армянской культуры, армянского народа! Его совершила группа армянских литераторов…»

Быть может, из-за страха перед этим предательством Вы пошли за предателями?

Вы любили повторять слова великого Самеда Вургуна: «Мы живём не бок о бок, мы живём друг в друге». Мудрые слова, веками было так. А сколько сегодня азербайджанцев осталось в Армении?

Вам почему-то не понравилось объективно сказанное в одной из бакинских заводских многотиражек слово, но Вы в Иреване на высоких форумах то и дело повторяете его. Но обходите молчанием наветы, измышления и ложь, агрессивные выпады в адрес азербайджанского народа, распространяемые газетой «Коммунист» и прочими печатными органами Армении и тиражируемые газетой «Гракан терат» («Литературная газета»), в редакционной коллегии которой состоите.

Вы храните молчание. В отличие от Вардгеса Петросяна, которого мы знали пять-шесть лет тому назад. Тот Петросян не промолчал бы, поднял бы свой праведный голос, не соглашаясь с авторами этих публикаций. Прощаясь с Иреваном, я написал:

Вопросом мои ноги подкосились,
И отвернулся в сторону Вардгес.
Наверное, слезиночка скатилась,
И прячет их взволнованный Вардгес…

Когда-нибудь мы встретимся, в Москве ли, за рубежом ли, может, в Баку, может, в Иреване. И снова повлажнеют у нас глаза. Но не дай Бог, чтобы двое Ваших сыновей, присоединившись к бородатым боевикам, пошли в атаку на Гарабах, и тогда двое моих сынов поднялись бы на защиту земли своих предков и наши дети столкнулись бы лицом к лицу на поле брани…

Мне вспоминаются и такие Ваши слова: «Соседство народов – не соседство в «коммуналке»»…

И что вы теперь скажете? кто из нас должен покинуть землю предков? на какой же континент мы должны обменять свои квартиры?

Гидаят.

19 июня 1989 г.

Вардгес не ответил на моё письмо, да и не мог ответить. От редактора газеты «Совет Эрменистаны» Исрафила Мамедова, тогда ещё жившего в Иреване и пересекавшегося с В.Петросяном, я слышал, что он собирался писать ответное письмо. Но не написал. Может быть, постеснялся, может, слов не нашел. А самое удручающее было то, что после бойни 20 января 1990 года в Баку ни Вардгес, ни другие его друзья по перу ни разу не позвонили и не поинтересовались – «жив ли ты?»

Потом империя рухнула. В первые же дни независимости Армении Вардгес был убит. Его

расстреляли в тот момент, когда он выходил из подъезда дома и собирался сесть в машину. Преступление не было раскрыто. В одно время арестовали вдову писателя Сону, якобы организовавшую убийство мужа. Вскоре Сону освободили, сказали, что версия не подтвердилась.

Я сожалею по поводу смерти Вардгеса Петросяна. Вообще, я против любого террористического акта. Интересно, будь Вардгес жив, окажись возможной наша встреча после всего, что произошло, после стольких жертв и кровопролития, о чём бы он думал? Признал бы свои заблуждения? Осудил бы армянский шовинизм, армянскую агрессию, признал бы свои ошибки? Или снова назвал бы сумгайытские события, учиненные по сценарию КГБ и руками самих армян, «геноцидом»?

* * *

Возвращаюсь к дням прощания с ереванской жизнью, с родным театральным коллективом. Мои коллеги и друзья устроили банкет, длившийся четыре часа. Здравицы, тосты, песни, танцы, а в глазах слёзы. Я крепился, хотя на душе кошки скребли, и к горлу подкатывал ком.

Очень трудно было расставаться с этим добрым, самоотверженным коллективом. Потому что мы вместе проделали большой путь, преодолели много препятствий, но двигались вперед уверенно, добились немало труднодостижимых целей.

Впоследствии были написаны стихи «2Х2=…6». И сам я поверил в то, что там, где есть творческое горение, два умножить на два…действительно равняется шести.

Была в душе незыблемая вера,
А может, для кого-то и химера,
Как будто освященное почти, –
Что дважды два равняется – шести!

Да, дважды два – четыре, вне сомненья,
Как водится, в таблице умноженья,
Известно это в необъятном мире,
И даже твоей бабушке в квартире.

Шесть обернулись в длительных шестнадцать,
Когда служил театру я, признаться,
А будь «четыре» – было бы банально
Днём свадьбы или датой поминальной.

Но дважды два равняется шести,
И чудо это равенство почти.
Нас привечали города и веси,
И не пеклись о строгом равновесье.

День изо дня наперекор росло
Вот это непослушное число,
И в явь и повседневность превратилось,
В мечтанья, грёзы наши воплотилось,

Зажгло сердца холодные огнём,
Таблицу, опрокинув кверху дном…
Ответы на задачи бытия
В искусстве мы искали и копали,

И сцена нас вела, как колея,
Мы отступали, вновь вперёд шагали,
Всходили в горы и сходили с гор,
Аукали друзей с вершины снежной,

Манил нас распахнувшийся простор,
Манило море синевой безбрежной.
Ещё те годы нами не забыты,
Грядёт весна, озвучивая струны.

Будь дважды два, как водится, четыре –
Открытиям не совершаться в мире,
Не видеть нам гагаринской орбиты,
Не слышать лиры солнечной Вургуна!

Но «дважды два» – банальное число.
Бескрылый труд – как это вам ни грустно,
Окажется пустышкой ремесло,
Но истинно и подлинно искусство!

1986 г.

Когда началась история написания этой книги, я не знаю. Однако она охватывает многие годы и события, отражает историю моей жизни, начиная с детских лет и до последней депортации с родины 1988-1989 годах, катастрофы 20 Января, геноцида 26 Февраля и, наконец, до самого счастливого дня и цели моей жизни – приобретения национальной независимости. Насколько это мне удалось – судить читателям.

Я писал эту книгу во многих уголках земли – в Маралземи, Алдере, Баку, Иреване, во всем Западном Азербайджане, в Праге, Москве, Анкаре, Бишкеке. Писал частями, строка за строкой. Потом соединил вместе – и увидел, что страницы моей жизни состоят не только из биографии. Поэтому отдал в печать только первую часть книги.

Мне хотелось донести до детей и внуков моих сверстников то, что я пережил, передумал и увидел за 38 лет своей жизни.

Чего только не видел я за эти годы – тяготы и лишения, порожденные Второй мировой войной, людей, с честью перенесших эти испытания. Видел, как пламенно-красный миф коммунизма исчез, словно мираж, став темой для смешных анекдотов… Затем застой и бессилие престарелых. Далее стал свидетелем того, как все эти дороги ведут к начавшейся в середине восьмидесятых годов «перестройке», а в конце десятилетия – к геноциду…

Я написал правду только об увиденном и прочувствованном, старался быть предельно искренним.

Сегодняшний читатель слушал меня не раз (я ему бесконечно благодарен). Хотел бы, чтобы моя исповедь дошла и до читателя завтрашнего дня, запечатлелась в его памяти и душе. Ибо от нас грядущим поколениям остается тягчайшее наследие – потеря Родины, остается миссия и долг – возращение утраченного Отечества.

Я взялся за перо и написал эту книгу во имя грядущей победы, в надежде на исполнение этой великой миссии…

1986, 1999, 2015 годы.

ГЕННАДИЙ САЛАЕВ

Невыдуманная история

Посвящается Гурбанали Керимову.
В 1943 году он подорвался на фашистской мине, в результате чего стал немым на долгие 48 лет…

Когда-то в далеком году сорок третьем
Он думал о жизни, он думал о лете,
Он пел, он любил, он мечтал.
Взрыв мины фашистской!..
И – чаша разбита,
И время разлито, и слово убито…
Безмолвным навеки он стал.

Ни радость Победы, ни мира рожденье,
Ни гнев возмущенья, ни боль огорченья
Не в силах в словах передать…
Своей ненаглядной, любимой и нежной
Он песню любви, словно Каспий, безбрежной,
Не мог ни пропеть, ни сказать.

…Свадьба гремела в горах Ордубада,
Душа ликовала, но только вот радость
Безмолвна – как горы, трава…
Глаза наполнялись восторгом признанья
И упоения, и любованья –
К чему для влюбленных слова?..

И вёсны звенели, и пели метели.
И дети рождались, шумели, взрослели,
Невест приводили домой…
А он все молчит, слова молвить не может,
Повсюду он странный, повсюду прохожий,
Он местный пастух, он – немой…

Но так уж случилось –
на то воля Бога –
Жена захворала, с родного порога
Сошла навсегда в мир иной
Под плач и под горькие близких шептанья…
Она не дождалась любовных признаний
Ни днем, ни под сенью ночной.

Ушла, умерла… И заплакали горы,
И сердце его возмутилось укором:
«Как можно молчать о любви?!..
Почти что полвека не в силах прорваться
Ты сквозь онеменье, чтоб страстью взорваться –
Вставай, закричи, позови!..»

И чудо свершилось!.. Упали оковы –
Из клетки на волю желанное слово
Взлетело, скорбя, как земля…
Тот взрыв роковой он осилил, поднялся,
И голос любовью и болью прорвался:
«Зачем ты ушла от меня?!..»

Эхо битвы

На 41 километре от Москвы,
по Волоколамскому шоссе,
у поселка Снегири,
под открытым небом
находится музей военной техники
времен Великой Отечественной войны

Сорок первый километр,
Сорок первый год…
Эхом битвы веет ветер,
Неба ясный свод.

Смерть, забившись в дуло танка,
В обелиск вросла,
Чтоб здесь Волокаламка
Мирно пролегла.

Средь зениток – песни, игры,
Крики, беготня.
Не страшны детишкам «тигры»,
Пламя и броня.

Детский смех на поле брани –
Жизни аромат…
Мертвых танков изваянья
Мир наш сторожат.

Чтоб везде, всегда встречались
С вёснами сады,
Чтоб с грядущим обвенчались
Памяти следы.

Одиночество полковника

«Полковнику никто не пишет»
Гарсиа Маркес

Полковнику никто не пишет –
Затем, что он ненужным стал,
Затем, что стал седым и бывшим,
Пройдя отставки перевал.

Обиженный, но все же строгий
Из-под бровей усталый взгляд.
Его натруженные ноги
Войны минувшей боль хранят.

Подточен осенью, полковник
Один в лесу опавших дней,
Как мемуаров однотомник
Среди ушедших в ночь друзей.

Полковник знает – не дождется
От них вестей... В осенний сад
Весна шальная не вернется –
Забыт в глуши годов солдат.

Так будем, люди, человечны,
Мы все – былой войны сыны,
И на земле мы все не вечны...
Храните память седины.

Отец

Из волн морских с младенцем на руках
Выходит – не Венера-Афродита,
А местный Аполлон!.. В его глазах
Каспийского июля синь разлита.

Уверенно идет он по волнам,
К груди дитя любовно прижимая,
И солнце по малышкиным губам
Скользит, на них улыбкою играя.

Выходит он с дочуркой на руках,
Весь в пене волн,
прохладных и безбрежных.
И детские ручонки на плечах
Доверчивы в прикосновеньях нежных...

Желтый лист

Словно солнца предвечерний блик,
Желтый лист упал на воротник,
По щеке дождинка пробежала...
Знать, дождался я –
на свой пикник
Осень приглашенье мне прислала.

Оглянулся – горизонта нет:
То ль укрыт туманом прошлых лет,
То ль уже достиг его я?.. Боже!..
Как, когда – мечтаний летний свет
Вдруг на лист опавший стал похожим?..

Время

Время – невидимый нам композитор,
Автор симфоний влюбленного сердца
И ручейка торопливого песен,
Шепота ветра с травою весенней,
Стона бурана, морского прибоя,
Шелеста в вечность летящих мгновений...

Время, творений земных архитектор,
Тропки выводит к вершинам мечтаний
И к небоскребам богатства и счастья,
Зодчий незримого хрупкого храма –
Радуги, в путь нас надеждой манящей,
Памяти нашей – палаццо былого...

Время, невидимый взору художник,
Кистью мгновенною пишет полотна:
Солнечных зайчиков всюду улыбки,
Всюду березовый свет листопадный,
Капли дождинок – слезинок осенних...
Но обесцвеченной памятью станут
Клочья разорванной ветром картины,
Зыбкой могилой поблекших желаний...

Так из чего же ты соткано, Время?..
Может, из пуха секунд торопливых,
Или из снежной громады столетий?
Иль распустившихся маков и лилий –
Ярких цветов,что растут вдоль дороги?

...Ну, а пока я писал эти строки,
Время отметило дату рожденья
Нового жителя этой планеты,
Дланью взмахнув над судьбою младенца.
Где-то же – то ль далеко, то ли рядом –
В жизни кого-то поставлена точка.
Смолкли аккорды, и соло затихло,
Замерли стрелки часов торопливых,
Время пригоршнями пить уж не надо,
Чтоб наслаждаться, любить, ненавидеть...
Кисти последний мазок на картине –
Памяти полки, покрытые пылью...

Время ж спешит, и другие полотна,
И партитуры все новых напевов
Пишет и пишет, и пишет зачем-то...

ФЁДОР ОШЕВНЕВ

На книжном развале

Май. Улица. Газон с огромной плешиной. На вытоптанном куске развернуто несколько клеенок с уложенными поверх в восемь рядов книгами. По большей части это худлитература, однако имеется и несколько справочников, словарей, кулинарных изданий.

Сбоку от «магазина на земле» припаркован старенький ВАЗ-2107 сине-зеленого цвета. На водительском сиденье «русского мерседеса» в ожидании покупателей уныло подремывает хозяин книжного развала: лет шестидесяти, с изжелта-бледным усталым лицом, в спортивном костюме Adidas и кепи-бейсболке.

Но вот к многотомной «витрине» подходит яркопомадная блондинистая мама лет тридцати с сыном-младшеклассником, крепеньким, с лощеной физиономией. Продавец поспешно выбирается из «семерки» , услужливо застывает возле ближней к нему клеенки. Мама заинтересованно обозревает развал. Тем временем шустрый мальчишка уже обшнырил его, метнул подобранную палку в лежащую на травке кошку, состроил продавцу разбойничью рожу…

– Немедленно прекрати кривляться! – прикрикнула на сорванца мама. – И постой на месте хотя бы минуту. Я тебе сейчас какую-нибудь книгу куплю.

– Не надо! Не нужна! – надуто запротестовал сын.

– А я говорю, купим! – с нажимом произнесла мама и присела на корточки, отчего у нее меж обтягивающего короткого топика и джинсов с низкой посадкой явились на обозрение розовые кружевные стринги.

Выбрала она сборник зарубежных сказок в ледериновой обложке. Встала.

– Сколько стоит?

– Пятьдесят рублей, – с надеждой ответил продавец.

– Без проблем. Беру.

И покупательница протянула сборник сыну. Тот спрятал руки за спину:

– Не хочу!

– Держи, тебе говорят! – разозлилась мама.

Всунула ему книгу насильно, а сама полезла за кошельком. Мальчишка же мать обежал и сунул том чуть ли не в нос продавцу:

– На! На! Возьми! Забери! Не нужна она мне!

Тот на автомате принял отвергнутый товар, а сорванец поскорее в сторону прыг и руки в карманы брюк спрятал.

– Почему не нужна-то? – недоуменно спросил продавец.

Мальчишка скорчил зверскую физию и со злобным рычаньем выпалил:

– А ее читать на-а-адо!

– Ну вот! – вздохнув, произнесла мама. – Выходит, не судьба… – И бесповоротно убрала кошелек в сумку.

– Пошли! Пошли отсюда! Быстрей! – нетерпеливо подпрыгивал мальчишка, явно опасаясь, что ненавистную ему книгу всё-таки приобретут.

Мама и сын удалялись от развала, а обманутый в реализаторских ожиданиях продавец разочарованно смотрел им вслед. Ассоциативно он вспомнил своего одиннадцатилетнего внука, помешанного на компьютерных стрелялках да фильмах-фэнтези горе-грамотея: «йожик», «Айвазовское море», «пешком ехал на коне» … А когда в школе письменно отвечал на вопросы о том, как именуют жителей иных стран, у него получилось, что в Индии проживают индейцы, в Японии – япы, в Дании – донцы (посчитал, что страна эта находится где-то на Дону), а в России – российцы.

Однажды дед продемонстрировал внуку любимую книгу своего детства – добрую и смешную повесть польского писателя Эдмунда Низюрского «Невероятные приключения Марека Пегуса» о школьнике-подростке, волею обстоятельств попадающего в разные невероятные ситуации. Она издавалась «Детгизом» в 1962-м, и пожилой букинист ностальгически разыскивал ее, пока, наконец, не обнаружил и не выкупил через Интернет.

– Сто рублей за прочтение даю! – предложил он мальчишке.

Почуяв свою выгоду, тот запросил за эту «работу» аж целую «пятихатку». В итоге торгующиеся стороны сошлись на трехстах рублях. Что ж, их внук отработал честно, дед это проверил. Но вот со второй книгой у него подкуп не выгорел: мальчишка наотрез отказался осваивать «Алые паруса» и «Бегущую по волнам» (под одним переплетом) даже и за пятьсот рублей.

– Да что ж ты, тысячу, что ли, хочешь? – возмутился было дед.

– Нисколько не надо! Не буду я ее читать, даже и за миллион! – категорично заявил внук. – Не нужна она мне! Совсем!

«О-хо-хо, – тяжко вздохнул хозяин развала, воскресив в памяти неудавшуюся сделку с потомком. – А ведь на Руси издавна бытовали пословицы: «Книга – зеркало жизни» и «Книга – зеркало души». По всему выходит, что нынче в России молодое поколение их уже начисто не приемлет».

И весь в расстроенных чувствах вернулся на сиденье автомобиля, уныло мечтая об истинном любителе и почитателе литературы, настоящем покупателе, который бы вдруг да и приобрел у него сразу целую кучу книг, при этом даже и не торгуясь…

«Мечты, мечты, где ваша сладость?»

Открыто-запертый сейф

Все беды в России – от бедности. В ней же крылась и причина расположения Свердловского районного суда города Н-ва не в отдельном здании, а на первом этаже многоквартирного дома. Атипичная реалия, конечно. Никак уж не эталонный вариант бытия карательной структуры.

Впрочем, какого рожна? Жильцам-то в любом случае было наплевать, что за баталии уголовного или цивилистского характера разыгрываются под ними. Равно как и людей в судейских мантиях нимало не тревожили всяческие бытовые разборки «наверху».

И все-таки единожды интересы служителей Фемиды пришли в явное противоречие с деяниями не званного правоведами гостя.

Тем январским вечером хронический алкоголик Леха Ветлушкин, умудренный сорока четырьмя прожитыми годами жизни и четырьмя судимостями, пировал на кухне у Толюхи Крюксина. В совмещавшем учрежденческий и жилищный статусы

доме кореш владел убогой «двушкой».

Временно безработным приятелям – а подобные явления упорно стремятся к постоянству – подфартило срубить деньжат. И весьма прилично, по меркам уцепившихся за хвост удачи. Посему разгульная пьянка затянулась вплоть до «выжимания» опустошенных бутылок над стаканом.

Наконец Толюха с трудом растолковал Лехе, что пора бы уж и честь знать. Дружок отнюдь не возражал: напялил куртку из кожзаменителя и вязаную шапочку с рельефным узором, обернул вокруг тощей шеи почти протершийся на сгибе шарф и шагнул в темень подъезда. Лифт не работал, так что весь путь до первого этажа «хроник» преодолел на полусогнутых, цепляясь за перила.

Пробредая мимо помпезно оформленного подъезда, Ветлушкин на свою беду заинтересовался внушительной учрежденческой доской:

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РФ
СВЕРДЛОВСКИЙ РАЙОННЫЙ СУД
города Н-ва

Прочесть крупный, бронзовой краской писаный на стекле текст алкоголик сумел и тут же воспылал к начертанному праведным гневом. Дело в том, что по своей судьбе Леха принадлежал к категории воров-неудачников. На кражах несколько раз попадался с поличным. То у выходных дверей обобранного жилья, сгибаясь под тяжестью баулов с облюбованным добром, столкнулся с хозяином квартиры, в прошлом борцом-тяжеловесом. То, уже при попытке сбыть на барахолке краденую одежонку и постельное белье, напоролся на хозяйку носильных и «спальных» вещей. Признавшая их женщина враз подняла такой визг, что к месту невероятной встречи за пять секунд сбежались трое милиционеров. То, удачно подтибрив на пляже элитные часы на цепочке и желая «натуралкой» погасить давний должок, явился с ними к авторитетному Петлюре. Тот добычу заценил, усек гравировку на откидной крышке… «Глаза разуй! Ну ты и накосорезил! Крысятник!» Леха не сразу и врубился, за что столь конкретный наезд. А оказалось – хронометр-то он цапнул у двоюродного братана положенца.

Отбитые почки – это, конечно, не зона, но о себе напоминают чрезвычайно долго.

Пытаясь угнать спортивный велосипед, Ветлушкин от места его парковки тоже далеко не уехал: штанина расклешенных брюк почти сразу угодила в цепь, и Леха завалился на асфальт, в кровь обдирая ладони. Подскочивший хозяин байка сначала отвел душу, щедро накостыляв беспомощному вору, и лишь затем вызвал правоохранителей.

Про четвертую судимость – «хулиганку» – и вообще вспоминать стыдно.

Однажды среди лета и бела дня вусмерть упившийся Ветлушкин малой скоростью передвигался мимо уличного фонтана. И вдруг вообразил, что попал в баню. Растелешился, залез в воду. А когда подъехавший наряд милиции под смех толпы зевак, сняв форменную обувь и подсучив брючины, стал выводить Леху на сушу, тот, упираясь, громко потребовал, чтобы ему «потерли спинку».

Ее и потерли... Резиновым «демократизатором».

После эксцентричного принародного купанья законная супруга горе-литробольщика бесповоротно подала на развод...

И всякий раз степень вины Ветлушкина определял Свердловский районный суд.

Итак, Леха резко воспылал желанием поквитаться за прошедшие в местах отдаленных лучшие годы загубленной жизни и бесстрашно пошел на приступ учрежденческой двери. Несколько раз треснув по ней кулаками, сообразил, что так цели добьется навряд ли, и стал лупить по доскам «бэушными», но еще крепкими лыжными ботинками. Для разнообразия толкался в неодушевленного врага с разбега – плечом, и без разбега – задом... Не в силах противостоять столь решительному натиску, хлипковатая дверь распахнулась: язычок английского замка с хрустом выскочил из разламываемого гнезда.

Ветлушкин ввалился в пустой коридор, задергал дверные ручки: кругом заперто. Тогда Леха предпринял новую кулачно-ботиночную атаку, теперь на судейский кабинет. Справившись еще с одной деревянной преградой, проник в комнату, интуитивно сообразил, где искать выключатель...

Какой, однако, яркий свет! Что ж – приступаем к святому делу: возмездию.

Для почина мститель хрястнул об стену вычурную настольную лампу. Сорвал со стены картину под стеклом, с силой швырнул на пол, осколки додавил ногами. Яростно разодрал в клочья перекидной календарь. Плюнул в мельхиоровую пепельницу, помочился в пластиковую урну с педальной крышкой. Подфутболив ее, принялся молотить о двухтумбовый стол мягким стулом. «Сиделка» долго не поддавалась, Ветлушкин порядком употел, однако ж венскую мебель сокрушил. Крякнув, завалил набок тяжелый «двухтумбовик». Напился из графина, стоявшего на звероподобном черном сейфе, и об него же расколошматил хрустальный сосуд.

Тут карательный порыв внезапно иссяк, и погромщик залег на перекур с дремотой, намереваясь, отоспавшись, продолжить вершение справедливости.

Леха храпел на полу, подсунув под голову выдранное из стула мягкое сиденье. Буйствуя, он, на удивление, так и не приметил, что дверца у массивного сейфа слегка приоткрыта...

Именно к этому времени пожилая сторожиха суда, проживавшая все в том же «совмещенном» доме, окончила плотный ужин – питаться она, в нарушение инструкции, запрещавшей покидать охраняемый объект, предпочитала в более комфортных условиях собственной квартиры – и приготовилась обозначать службу дальше, сиречь, спать в подсобке.

Обнаружив раскуроченный вход, женщина быстрехонько возвратилась на родную жилплощадь, заперлась на все замки, решительно сообщила о взломе по телефону 02 и больше из квартиры носа не высунула, пока к зданию суда не подъехал «уазик» со следственно-оперативной группой.

Сотрудники милиции сразу обнаружили то, что, собственно, и должны были обнаружить: взломанные двери, красноречивые следы вендетты, сладко спящего на полу умаявшегося Ветлушкина и незапертый сейф, наполовину заполненный стандартными папками с материалами гражданских дел.

Задержанного отвезли на освидетельствование в наркодиспансер, где врач констатировал сильную степень алкогольного опьянения клиента. А на место ЧП срочно вызвонили председателя потерпевшего суда...

Уголовное дело о хулиганстве с проникновением поручили вести молодому следователю, лейтенанту юстиции Юрию Шеленкову. Изучив первоначальные материалы, офицер поехал в изолятор временного содержания (ИВС), где вот уже сутки томился, искренне недоумевая, как это он столь замысловато фраернулся, протрез-

вевший Ветлушкин.

...Конвоир ввел Леху в комнату для допросов.

– Здравствуйте. Присаживайтесь, – указал Шеленков подозреваемому на стул. – Начнем с анкетных данных. Родился... Учился... Работал... Судимости… Однако, целых четыре. Не многовато ли?

– Да все по пьянке, начальник, – плутовато заюзил и залебезил Ветлушкин. – Все зелье пррроклятое! До скольких разов зарекался: знай меру! Голый вассер!

– Так и в этот раз – тоже она виновата?

– Зубом отвечаю... – забожился пасынок судьбы. – Через нее и сгорел.

– Понятно. Адвоката нанимать будете?

– На фига? Ведь один хрен – на раз намотаете.

– Эвентуально, – подтвердил Шеленков. Но, поняв, что подследственный «не догоняет», перефразировал: – По всей вероятности. – И официально довел: – Вы подозреваетесь в совершении преступления, предусмотренного статьей 213 Уголовного кодекса Российской Федерации «Хулиганство», часть первая.

– Нет проблем, – хмыкнув, с долей форса изрек Леха.

– Это пока нет, а скоро точно появятся, – не удержался от сарказма Юрий.

– Дело швах, – поспешил перестроиться Ветлушкин на минорный лад.

Следователь сделал паузу, что-то отчеркнул в записях и потребовал:

– Ну давайте, колитесь, как дошли до жизни эдакой.

– Да какой тут базар, – нехотя начал исповедь дебошир. – Срубил я с Крюком – это Крюксин Толик, мы с ним на вась-вась – капусты. Забухали у него дома козырно, поймали кайф. Ужалились вдогонку – опять зацепило. Передохнули, еще вмазались… Тут водяре и кранты, отгужевались мальчишечки. Ну, я до своей берлоги и почапал. А дальше, в натуре, непонятка. Ломился куда-то в умате, чего-то курочил. Очнулся – песец, уже в гадюшнике чалюсь.

– Однако интересно получается! – хмыкнул Шеленков. – Ну прямо как в «Бриллиантовой руке»: шел по улице, потерял сознание, очнулся... Только не в гипсе, а в ИВС... Что, последнюю память отшибло, забыл, как сейф вскрывал? – резко переменил следователь тон разговора, перейдя на «ты».

– Не-е, начальник, ты мне чужое не клей! – всполошился Леха. – Такой прицеп на себя брать! Я на медвежатника не обучался! Опять же и струмент здесь нужен хитрый, простой фомич не пляшет, и ласты ловкие...

– А ты потерей памяти не страдаешь? – предположил Юрий. – Может, на обследование в «дурку» направить?

– Начальник, сука буду, я нормальный, – быстро ответил Ветлушкин, молитвенно сложив на груди руки.

– Нормальный... – с сомнением повторил следователь. – То в фонтан голяком, теперь в суд вломяком. Вот объясни, чего ты там забыл?

– Сказал же: по пьяни вальты накрыли, – угрюмо проворчал Леха. – Но медведя раскоцал точно не я, мамой клянусь…

Шеленков и сам прекрасно понимал, что лузер, который не смог даже велосипед угнать, навряд ли в состоянии вскрыть монументальный, чуть ли не дореволюционный сейф голыми руками. Да и зачем бы это ему? Тем более, что на поверку гражданские дела оказались не тронуты, не было и следов «пальчиков» подозреваемого на дверце и замке и на папках с делами. Однако две вышибленные двери и кавардак в кабинете судьи красноречиво свидетельствовали о недружелюбных на-

мерениях поздневечернего визитера.

...Задав ему еще несколько вопросов, Юрий на прощание пообещал:

– Трое суток попаришься, может, до суда и отпустим. Под подписку о невыезде.

– Благодарствую, благодарствую, начальник! – обрадованно зачастил Леха, демонстрируя отвратную улыбку: растерял по зонам большую часть зубов...

Шеленков возвратился в райотдел, в свой кабинет. Только было собрался просмотреть документы по другому делу, как дверь без стука отворилась, и на пороге возник розовощекий мужчина лет сорока, в двубортном французском костюме, в красном галстуке с серебряным отливом, в лакированных штиблетах и с кожаной сумочкой, которую в народе малоприлично величают «педераской».

– Юрий Сергеевич? – напористо поинтересовался розовощекий.

– Предположим... – ответил следователь. – С кем имею честь?

– Дрыгин, Серафим Серафимович, судья третьего класса, – представился гость и, не дожидаясь приглашения, грузно опустился на стул. – Вот... прошу любить и жаловать…

Жестом фокусника он извлек из сумочки визитку, протянул ее Юрию.

Карточка оказалась чрезвычайно впечатляющей. С золотым тиснением-рамочкой. С цветной печатью и цветным же фото владельца. С английским текстом на оборотной стороне. С ламинированным покрытием. А помимо домашнего и служебного телефонов на ней еще красовались номера мобильника и даже дачного аппарата.

«Баксов на пять тянет, – прикинул на глаз Юрий. – Однако и доходы у судьи третьего класса...» Вслух же сказал:

– Любить я вообще-то предпочитаю женщин. Так что вас остается только жаловать.

– Кстати, – почти не слушая офицера, тараторил Дрыгин, – не поверите: никогда в жизни еще не бывал в качестве свидетеля...

– Ну так что ж. Как говорится, от тюрьмы да от сумы… – счел возможным еще раз пошутить следователь, который теперь вспомнил, что фамилия Серафима Серафимовича проходит по делу Ветлушкина: бесчинствовал тот именно в его кабинете.

Шеленков придвинул к себе чистый бланк допроса.

– Предупреждаю об уголовной ответственности за отказ, уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных. Распишитесь.

Серафим Серафимович понимающе кивнул, извлек из кармана толстенную многоцветную ручку и поставил королевскую подпись с кучей вензелей.

– Давно в должности? – поинтересовался следователь.

– М-м-м... Шестнадцатый год, – припомнил судья.

– Расскажите, когда вы в день незаконного проникновения в ваш служебный кабинет покинули рабочее место? И каким образом вообще узнали об обстоятельствах совершения преступления?

– Все просто, – приосанился Серафим Серафимович. – В тот день у меня заседаний не было – изучал вновь поступившие дела. Кстати, я специализируюсь по гражданскому праву: разводы, разделы имущества, признание сделок недействительными. Так что если вдруг помощь по этой части потребуется... – И приглашающе развел руками: – Милости прошу. Ладно... Точно в восемнадцать ноль-ноль сложил документы в сейф, запер его, опечатал и – домой. Там как раз маленький семейный банкет намечался...

Тут Дрыгин масляно улыбнулся и блаженно прищурил и без того узкие поросячьи глазки.

– А дальше? – прервал приятные воспоминания следователь.

– Известное дело, – продолжил рассказчик, неохотно переходя от воображаемых чревоугодных картин к реалиям опроса. – Отпраздновали... На часах уж полночь, отдыхаем – и вдруг телефон прямо надрывается. Кто бы? Оказывается, сам председатель суда на проводе! Ноги в руки, говорит, и быстро ко мне, а я уже в твоем кабинете стою – тут какой-то бандюга все двери повышибал и сейф вскрыл. Ваши коллеги, правда, без огрехов сработали, – польстил Серафим Серафимович сотрудникам милиции, – задержали этого идиота с поличным. Что ж, делать нечего, завел машину – у меня БМВ, по случаю удачно прикупил… Приезжаю: мать честная! Сплошной разгром... Стол штучной работы на боку, лампа настольная – редкой красоты, доложу, была, антиквариат, – изуродована безнадежно, графин хрустальный вдребезги, стул венский на дрова раскурочен... – Судья обреченно махнул рукой. – Словом, варвар. Но главная беда: сейф вскрыт, да так искусно, ни грамма не покорежен. Только и радует, что все дела на месте оказались, я ведь каждую страничку потом пролистал... Вот, собственно, и все, что имею изложить.

– Детали точно помните? Ничего не забыли?

– Обижаете. Как говорится, не первый год замужем, – заявил Дрыгин и фатовато вскинул начинающую лысеть голову.

– А вот обвиняемый утверждает, что к сейфу не притрагивался...

– Ну вот, нашли кому верить! – с обидой воскликнул Серафим Серафимович. – Да на нем пробы ставить негде! Четыре судимости! Это он из личной мести, а документы просто украсть не успел.

– Не понял... Так вы что, знакомы были раньше?

– Без сомнения, – торжествующе подтвердил судья. – Я его с женой разводил. Лет пять назад. Во-он как долго он зло-то в себе таил.

– Поворот, конечно, интересный, – весьма удивился следователь. – Хотя с чего бы это вдруг он лично вам и аж через целую «пятилетку» мстить решил? Да еще столь специфически. Ну, я бы понял, если б он бывшей супруге при встрече чекуху выписал. Чужая семья – потемки, – перефразировал он старинную пословицу.

– Вот вы у него сами и осведомитесь, – посоветовал Дрыгин. – Заодно потом и меня проинформируете.

– Ладно, – согласился Юрий. – Не есть проблема. Но проблема есть: как все-таки задержанный умудрился открыть сейф? Инструментов специальных при нем не обнаружили, да и шнифер из него никакой – так, шелупень приблатненная...

– А это уже ваша обязанность: расследовать и доказать, что и как, – назидательно воздел палец к потолку опрашиваемый. – Да вы его, может, защищаете, или как?

– Отнюдь. Просто выяснить кое-что хочу... Ну, а не могло быть так, например, что, уходя после работы, вы просто забыли сейф запереть?

– Мне это даже слышать больно! – не на шутку оскорбился Серафим Серафимович. – Запомните: мотив личной мести налицо. Я так прямо вашему начальнику райотдела и подсказал.

«Понятно, откуда ветер дует», – подумал Шеленков и предложил:

– А давайте мы назначим трасологию по сейфовому замку. И все сразу станет ясно и понятно.

– Ерундой занимаетесь, молодой человек, – голосом, зачитывающим решение о высшей мере наказания, произнес судья. – Пустопорожним делом…

Но следователь так и решил и поступил по-своему...

Через неделю Дрыгин вновь объявился в кабинете Шеленкова. Тот поинтересовался у Серафима Серафимовича:

– Вы же сами юридический факультет заканчивали?

– И что из того? Конечно... Заочно.

– Суть трасологической экспертизы представляете?

– Смутно, – честно признался Дрыгин. – Курсовую по криминалистике мне написать помогли, а как предмет сдал – с глаз долой, из сердца вон. Не мой профиль. Да и в чем проблема-то?

Следователь хмыкнул, сильно удивляясь, что познания судьи с пятнадцатилетним стажем работы в области криминалистики почти равны нулю, и придвинул Серафиму Серафимовичу заключение экспертизы.

– Смотрите: среди вопросов, поставленных эксперту: «Имеются ли на механизме замка следы воздействия посторонними предметами, если имеются, то не отпирался ли замок с их помощью?»

– Вижу, не слепой, – сердито высказался Дрыгин и с явным неудовольствием стал осмысливать документ.

«ИССЛЕДОВАНИЕ:

Представленный замок состоит из короба, лицевой планки, ригеля, 4-х сувальд и защелки. Крышка короба соединена с основанием при помощи винтов.

При визуальном осмотре замка микроскопом МБС-10 (увеличение до 24-х), следов воздействия посторонними предметами не обнаружено.

В процессе дальнейшего исследования в рассеянном и направленном освещениях установлено, что поверхность боковых частей сувальд в местах контакта с выступами бороздок ключа имеет равномерные, дугообразные, блестящего цвета потертости, что объясняется длительной эксплуатацией замка.

Других следов воздействия на детали механизма не обнаружено.

Вышеописанное дает основание для вывода о том, что представленный на исследование замок исправен, механических повреждений не имеет...»

– Ну и что? – отложив бумагу, непонимающе уставился на следователя судья.

– Ну и как можно проникнуть в запертый сейф, не открывая его замок отмычкой? Или, может, в связи с личным знакомством с гражданином Ветлушкиным сами ему ключи на время передавали?

– Что вы за чушь городите? – раздраженно повысил голос Серафим Серафимович и покраснел. – Обвинять вздумали? Я, между прочим, в городе человек известный! И вашего начальника райотдела прекрасно знаю, и в прокуратуре многих, и в мэрии...

– Весьма признателен за сообщенные сведения, – слегка качнул головой Шеленков, провидя, что хлебнет еще горя с этим, так сказать, открыто-запертым сейфом, но продолжал настаивать: – И все же объясните, пожалуйста, суть волшебного метода: не взрезаем стальных стен автогеном, не прикасаемся отмычкой к замку… Ключи, веря вашим словам, тоже исключаем. Чудеса, право...

– Никаких чудес, – более спокойно и совсем уж мрачно заявил судья. – Повто-

ряю и настаиваю: сейф я запер, опечатал, ключей от него никому не передавал. Ваша же позиция выгораживания мерзавца-рецидивиста меня крайне возмущает, и я незамедлительно поставлю о ней в известность кого следует...

«Врет и еще угрожает», – констатировал про себя Шеленков и подытожил:

– Это ваше право. Вот пропуск. Вы свободны. До следующей встречи...

Не прощаясь, Дрыгин насупленно-торжественно покинул кабинет. А Юрий, усевшись за компьютер, начал выпечатывать черновик текста представления в областной суд, где высказывал свои небеспочвенные сомнения по поводу искренности судьи третьего класса.

С начальником следственного отделения ОВД Шеленков – по молодости и самоуверенности – свои действия обсуждать и согласовывать нужным не счел. И совсем скоро полной мерой почувствовал прелести жесткого прессинга.

Первым на следователя «наехал» заместитель начальника ОВД по кадрам: придрался к «неуставной прическе», неопрятному – на взгляд подполковника –внешнему виду. И всё энергично тыкал в наручные часы, указуя на двухминутное опоздание с обеда, хотя уйти на перерыв Юрию пришлось вообще на двадцать минут позже.

Полчаса спустя начальник криминальной милиции и вовсе уж беспричинно, нахрапом учинил лейтенанту юстиции жесткий разнос: «за полнейшее отсутствие взаимодействия с уголовным розыском, от чего крайне страдает показатель раскрываемости».

Еще чуть позднее молодого офицера срочно вызвали в городскую прокуратуру и долго «вливали» за давнее, когда-то просроченное уголовное дело.

Вернувшись «на землю», Юрий узнал, что его разыскивает начальник ОВД. В кабинет к нему Шеленкову велено было зайти вместе со своим непосредственным начальником, подполковником юстиции Акинфиевым, который по пути в приемную предупредил подчиненного: мол, готовься к торжественной порке. Но от подробностей – за что же именно – принципиально воздержался.

– А вот скажи-ка мне, лейтенант, – хмуро и неспешно начал полковник Ивакаев, не предлагая подчиненным офицерам присесть, – ты как считаешь: мне в этом кабинете в рабочее время действительно заняться нечем? И так день за днем – никаких проблем? Часами мучаюсь: что бы такого сделать плохого?

– Я вовсе так не думаю, товарищ полковник, – удивился, если не сказать изумился Юрий столь бессмысленным риторическим вопросам.

– Тогда почему нормально работать мешаешь?

– В каком смысле?

– В прямом! – голос начальника райотдела постепенно набирал силу. – Ты из меня что, личного связиста сделать решил? Из городского УВД трезвонят, прокуратура до самых печенок достает, председатель районного суда предъявы кидает, районная администрация, городская мэрия – табуном обозначились! И даже ФСБ, хотя комитетчики-то до наших мелочей отродясь не опускались. А всё по чьей-то гениальной идиотической милости! Да чего там мелочиться! Нынче твоя фамилия аж в самой столице известностью обросла! Поразительная популярность! Неслыханная! И всякому телефонящему, вплоть до куратора нашего областного УВД, я лично и подробно должен докладывать про неведомый мне грёбаный сейф, откуда ровным счетом ничегошеньки не украли! С какой радости мне подобные закидоны? Подполковник, я вас спрашиваю: вы чем там, в следствии, на пару с этим дармоедом

занимаетесь?

– Кхм… Товарищ полковник, но я ведь вам сегодня подробно докладывал…

– Толку-то с того? Приказываю немедля форсировать расследование! Перспектива означена. Действуйте! Срок – вчера! А этого бездельника немедленно наказать «строгачом» от моего имени! Объявляю! Всё! Оба свободны!

Два взыскания за одни сутки! Просто выговор-то на Шеленкова главный кадровик раньше уже навесил за опоздание и несоблюдение формы одежды.

Юрий постарался было объясниться с Акинфиевым. Однако умудренный многолетней службой в погонной системе старший офицер сразу подковырнул его:

– Слушай, а чего это ты вдруг сейчас советоваться надумал? Ведь когда по делу о проникновении трасологию назначал и следом представление в облсуд запускал, на их же собрата буром пер, мне и словечком не обмолвился. Скромняга, однако. Ты поговорку такую: «рука руку моет» – слыхал? Логически-то помысли.

Шеленков напомнил о процессуальной независимости фигуры следователя. Упирал на подтверждение подозрений Дрыгина в неискренности и явном перекладывании им греха собственной забывчивости на чужие плечи.

– Я этого зарвавшегося алкаша вовсе не оправдываю, – отстаивал свою позицию Юрий. – Учинил погром – получи по полной программе. Но по закону. Однако ему из-за подставы жреца Фемиды еще года три тюряги накинут, если, как Ивакаев настаивает, дело с хулиганства на кражу со взломом переквалифицировать. Кстати, поясните, как потенциально закрепить это в документах? Фактические обстоятельства дела без изменений, логических ошибок в разграничении преступлений абсолютно не просматривается. Мотивировка переквалификации? Ведь точно установлено, что подследственный ничего не похищал. Так мне подтасовкой доказательств заниматься прикажете или как?

Начальник следствия Шеленкова слушал, хмуро сжав губы полоской. Потом нехотя разлепил их и озвучил собственную точку зрения:

– Поиски гармоничной жизненной справедливости всегда обоюдоострые. Уже ощутил? Цветочки пока... За всё, независимый ты наш, всегда приходится платить. Вопрос лишь во времени – сию секунду либо через десятки лет. Тебе вот жребий скоротечный выпал. Еще учти: ты безнадежно не представляешь, на какой толщины дуб, на какого бронтозавра и многоглавого дракона замахнулся...

– Бронтозавра за дачу заведомо ложных показаний самого к уголовной ответственности привлекать надо, – неприязненно заявил молодой следователь.

– Ход твоих мыслей верен, – согласился подполковник. – Потому-то он теперь до конца на своей версии стоять и будет: закрыл, опечатал, ушел, а об ином не в курсе. За незапертый, пусть даже и с гражданскими делами сейф тоже, знаешь ли, медальки не навесят. А вдобавок к нарушению режима хранения секретных документов еще и хомут ложных показаний на шею надевать? Даже не надейся.

– Да он и без того на него накинут, – возразил Шеленков. – И затянут: заключение-то экспертизы в деле подшито...

– Ох, какой ты еще мальчишка! – рассерженно воскликнул Акинфиев. – Как подшили, так и разошьют. У тебя сейчас о другом голова должна болеть.

– ?..

– Как из грязной истории с наименьшей кровью выйти. Извини, скажу без экивоков: я тебе тут не помощник – до минимальной пенсии два года, как-то бы и дослужить желательно.

– Неужели все настолько плохо? – недоуменно развел руками Юрий. – Ну кто он такой, Дрыгин? Всего-то лишь какой-то судья третьего класса…

– Всего-то... – самоуверенно-снисходительно выговорил начальник следствия. – Абсолютно ситуацией не владеешь. Главная соль в том, чей он зять.

– И чей же?

– А-а-а... Лучше и не ведай – крепче будешь спать. Так что давай, быстренько дело форсируй – и прямиком в суд зашлем. С обновлением же фактических данных под основание для переквалификации тебе оперативно помогут. Улавливаешь? Да покумекай: нет ли варианта перевестись? Спокойно служить здесь – будь спокоен – тебе ординарно не дадут. Ясно? Тогда иди и жди.

Назавтра, прямо с утра, к лейтенанту юстиции примчался Серафим Серафимович, прямо-таки горевший желанием приобщить к делу дополнительные показания. Мол, из вскрытого Ветлушкиным сейфа в тот приснопамятный вечер исчезли фирменная зажигалка «Ронсон», цейсовские очки и японский диктофон.

– Почему же ни об одной из якобы пропавших после погрома вещей вы раньше даже не упоминали? – допытывался следователь, мигом просчитавший ход сценария дальнейших событий и уберегаясь подставиться под раздачу. – Ага, сначала напрочь запамятовали, а теперь, стало быть, воссоздали доподлинно-точно… Не подскажете ли еще, куда бы похищенному задеваться, если у подозреваемого в кармане даже вши на аркане не усмотрели?

– Упрятал. Умело. А куда именно – вы и ищите. Вам государство за это денежное довольствие начисляет. И весьма немалое, – гнул свое Дрыгин.

Нет, Шеленков так и не принял от негодующего судьи отдающей махровой липой бумаги. Удивительно, но отчего-то никто из руководства вовсе не стал из-за этого вызывать несговорчивого подчиненного «на ковер». Ларчик открылся просто: офицера стремительно оделили очередным измышленным взысканием.

Да какая разница, за что именно его вкатили? В данном случае суть оказалась не в наказании, а в его последствиях: отстранении сотрудника внутренних дел от должности, подготовке материалов на увольнение из органов и перераспределении всех уголовных дел, до того находившихся на исполнении Юрия, меж другими следователями.

В числе прочих у него изъяли и папку с пресловутым материалом о проникновении, откуда моментально испарилось то самое, неудобное, заключение трасологической экспертизы. Зато «пропажу» импортных вещичек из «вскрытого» сейфа законно оформили. Куда именно могли исчезнуть заявленные как украденные предметы, никого почему-то не заинтересовало.

Уголовное дело в пожарном порядке переквалифицировали, и обвинение Ветлушкину предъявили уже по статье Уголовного кодекса РФ 158 «Кража», «с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище». А по части третьей этой статьи, под которую и угодил Леха, если преступление совершено «лицом, ранее два или более раз судимым за хищение либо вымогательство», наказание определяется от пяти до десяти лет.

«Мстителю» и впаяли восемь годков – с конфискацией имущества и возмещением причиненного храму правосудия ущерба.

Услышав приговор, горемыка забился в истерике. Рвал на себе рубаху и заходился в крике: «Псы вонючие! Не бомбил я этот говенный сейф!»

Но криком дело и кончилось, и пошел Леха по этапу – в который уж раз...

Шеленков же, после недолгого единоборства с кадровой службой, был катапультирован на гражданку. С формулировкой «по низким морально-боевым качествам, за систематические нарушения дисциплины и несоответствие занимаемой должности».

И был бы судья третьего класса Дрыгин вновь деятелен и всемерно доволен жизнью, однако в самом непродолжительном времени на голову его посыпались чуть ли не все мыслимые беды и невзгоды.

Сначала у юриста основательно обчистили многокомнатную квартиру, хотя уж ее-то он запирал всегда тщательно. Бесследно угнали тот самый новенький, «прикупленный по случаю», БМВ. Глубокой ночью дотла сгорела гордость Серафима Серафимовича – капитальная, с декоративными излишествами двухэтажная дача. Наконец, на него самого вечером в собственном подъезде напали какие-то извращенцы: измордовали, раздели донага и привязали к перилам. Примечательно, что ни стильного бумажника натуральной кожи, набитого всевозможной «капустой», ни изумительной красоты часов «Сейко», ни навороченного мобильника с уникальным дизайном отнюдь не похитили, да и модные предметы судейского туалета лишь разбросали по лестничной клетке.

На отчаянные вопли потерпевшего отреагировал кто-то из жильцов: не отпирая дверей, вызвал милицию.

Пока разбирались в ситуации, вершителю правосудия пришлось давать показания в костюме Адама. А уже следующим днем в сети Интернета, причем сразу на нескольких сайтах, было выложено прикольное видео с выставленным на позор, истошно орущим и бешено дергающимся в путах блюстителем законности.

Конфузный случай немало позабавил городскую элиту и напрочь подорвал внутри нее авторитет функционера-карателя. Когда про него теперь заходит разговор, кто-нибудь из собеседников не преминет уточнить: «Это который Дрыгин? Что в своем парадном стриптизером подрабатывал?»

Далее следует саркастический смех.

Компрометирующий ролик к тому же реально сузил Серафиму Серафимовичу поток клиентуры…

Вы спросите: а не стоял ли за всеми злоключениями судьи третьего класса некий бывший милицейский следователь? Сомнительно. Ведь Шеленков теперь – старший юрисконсульт дико процветающего акционерного общества, из самых крутых. Поговаривают, что «крыша» у этого АО – мощнейший преступный синдикат с забугорными связями. Ну да это еще вилами по воде писано.

А вор-неудачник Леха Ветлушкин до сих пор мотает свой, по большей части облыжный, срок...

ВЛАДИМИР ЗАРУБИН
(Россия – Азербайджан)

Имя Владимира Зарубина хорошо знакомо нашим постоянным читателям – вот уже много лет он по праву числится в ряду наиболее заметных русскоязычных поэтов Азербайджана. Но нынешняя подборка особенная: в этом году Владимир отмечает свое 80-летие – возраст самый что ни на есть поэтический, что и подтверждают всё новые стихи, выходящие из-под его пера. Его отчетливые по форме, искренние и глубокие по содержанию, мужественные и лиричные стихи отмечает, в первую очередь, та самая подлинная непреходящая любовь – к своему городу, к родной ему стихии древнего Каспия, к Земле и человеку, к любимой женщине…
Редакция журнала от души поздравляет юбиляра и желает ему здоровья, долголетия и новых творческих удач!

Баку

Хоть ты сегодня как бы заграница,
Но для меня вовек не будешь ей –
До дней моих последних сохранится
Твой светлый образ в памяти моей.

Хотя сегодня ты не тот, что прежде,
Пусть, безусловно, лучше, но – другой,
А мне и ближе, и родней, хоть режьте –
Уютный, прежний, сердцу дорогой.

Хотя сегодня ты, что вероятно,
И подзабыл уехавших вчера –
Я шлю тебе привет и многократно
Желаю счастья, мира и добра!..

Осенние стихи

Весенний по рожденью своему,
Из всех времен люблю я больше осень,
И никогда не задаюсь вопросом –
Откуда это все и почему.

И, верно, в дни такие русский гений,
В Михайловском томившийся селе,
Со светлою печалью на челе
Природу призывал для вдохновений.

И осень отвечает мне добром,
Без счета золотые листья тратя,
Водя великодушно по тетради
Поэзии серебряным пером.

* * *

Мои начинания
Видя воочию,
Когда-то друзья мне
Шутливо пророчили
Карьеру спортсмена,
Поэта, художника –
И даже чего-то
Основоположника.

На свете в живых
Никого из них нет уже –
Лишь старые фото
Желтеют без ретуши.
И вот, в благодарность
Своим вдохновителям,
Служу я их памяти
Светлой хранителем.

* * *

После школы, а может, чуть раньше,
Начинается взрослая жизнь –
И свобода, и жажда реванша
За запреты, дразнившие мысль.

Но потом, тяжело продираясь
Через тернии к звездам своим,
Сквозь победную зрелую радость
Вдруг почувствуешь горечи дым.

И окажется – не было лучше
Тех, ужасно далеких времен,
Когда брали взаймы до получки
И, бывало, учили ремнем.

* * *

Я был загорелый и крепкий,
Ничем не болевший всерьёз,
Под солнцем ходивший без кепки,
Без шапки встречавший мороз.

Суровой Сибирью дублёный,
Сечёный в каспийских штормах,
Как все, временами влюбленный,
Летевший на полный размах.

Восьмую десятку добивший,
Еще не уставший вконец,
Не будущий – но и не бывший,
А нынешний стойкий боец!..

* * *

Возможно, оттого, что я южанин,
И многократно солнышком ужален,
Прожарен и просушен до костей,
Люблю, когда внезапно и могуче
Вдруг возникают пепельные тучи,
Гася прохладой градусы страстей.

Такие дни напоминают Север,
Где свет неярок, мягок и рассеян
По небосводу, как сквозь решето,
Где даже в полдень нет особой тени,
Не выгорает пестрота растений
И не перегревается никто.

Зато зимой надоедает холод,
И жгучий снег, как тысячи иголок,
И гололед весны на рубеже...
Как хорошо, что есть места иные,
Куда попав, мы ходим, чуть хмельные,
И жизнь, хоть временами, по душе.

Ночью

Глухая ночь-колдунья
Присела у окна –
Печальные раздумья
Навеяла она.

Ушли десятилетья
И тихо спят вдали.
Большими стали дети,
И внуки подросли.

У них – своя дорога
И всё, что впереди,
А мне еще немного
Хотелось бы пройти.

Не три-четыре шага,
А ровно столько, чтоб
Усталая бумага
Прошелестела: «Стоп!»

И, выронив навечно
Истёртое перо,
Оставить мир беспечный –
Живущим на добро.

* * *

Весной сошлись, а осенью расстались,
Он – тяжело, и с легкостью – она,
И, если живы, то, полвека старясь,
Забыли, в чем и чья была вина.

Нельзя вернуться в прошлое реально,
А мысленно – так больно иногда,
Что сердце сразу бьется ненормально,
И нервы – как электропровода.

Возможно, Время в са́мом деле лечит,
И не узнать им нынешних самих,
Но от случайной и ненужной встречи
Рука Судьбы оберегает их.

Вид из окна

Вид из окна, какой ни есть –
Не антипод дурной квартиры,
В которой тошно спать и есть,
И силы нет из кожи лезть,
А просто – отдых от рутины.

Вид из окна рождает мысль,
Он, наряду с воображеньем,
Свободно мчащим вдаль и ввысь –
Непроизвольный компромисс
Между покоем и движеньем.

Вид из окна необходим,
Как нечто, полное загадок,
И может, вдохновленный им,
Поэт воспел условный дым
Отечества, что так нам сладок.

* * *

День пройдёт, неделя, месяц,
Год и даже много лет –
Ничего не будет весить
Жизнь пустая, без побед.

Хоть сто лет живи, хоть тыщу –
Для природы это миг,
Память и для мыслей пища
Лишь о тех, кто был велик.

Посвящение себе

Я плавал механиком свыше полвека –
Но это была трудовая проверка,
Экзамен на прочность, как в жизни у всех.
Теперь же, еще далеко не на лаврах,
Держу его снова, с другими на равных,
Мечтая пройти неизбежный отсев…
И если останусь хоть строчкой одной –
Пусть будет мне это наградой земной.

*** * ***

Я знаю, что уйду безвестным,
И принимаю всё спокойно –
В своём занятии словесном,
Что так весомо-многослойно,
Каким-то образом чудесным
Надеюсь выглядеть достойно.

Не обижаясь на фортуну,
По мере сил, творю неспешно
Лишь мне присущую фактуру –
Не гениальную, конечно,
Но, слава Богу, не халтуру,
Слегка прилизанную внешне.

Так и живу на этом свете,
Отдельно, словно через стену́,
От тех, заполонивших сети́,
Кто, сам себе завысив цену,
Вовсю спешит по всей планете
На мировую авансцену.

*** * ***

Если сплю я на правом боку – ничего мне не снится,
А на левом – сердечные, теплые виде́тся сны,
В них – ушедших родных и друзей улыбаются лица,
Жаль, что тают бесследно они поутру на ресницах,
Только искренней болью и горечью чувства полны.

Дорогие мои, обо мне не волнуйтесь особо –
Мне неплохо пока под сиянием солнца и звёзд,
Хоть порой устаю рифмовать, доходя до озноба,
Жаль, что муза (и впрямь своенравная очень особа)
Залетает на миг, исчезая за тысячи верст.

Никогда ни коллег, ни хороших людей не пороча́,
И надеясь на то, что для многих из них не чужой,
Я прощенья прошу, коль обидел кого не нарочно.
Жаль, что ночи и дни, с виду – те же, но словно короче,
И так поздно приходит гармония тела с душой.

* * *

Супруге Татьяне

Почти полвека филигранно
Ты вьёшь семейное гнездо,
В заботах добрых постоянно,
Не уставая, как ни странно,
И зная дело от и до.

Но вот берешь – и впрямь артистка!.. –
Гитару или же гармонь,
И голос душу рвёт, без риска
Сорваться, и в глазах не искра,
А вдохновения огонь!..

И потому тебе так рады
И просят спеть наперебой,
Хоть, словно в качестве награды,
Все украшенья и наряды
Тускнеют вмиг перед тобой.

Ведь ты в обыденности пресной –
Как праздник, и не где-то там,
А здесь, с известностью окрестной,
Наперекор судьбе нечестной,
Сопротивлявшейся мечтам.

Зато – жена, хозяйка, мама,
И внукам бабушка, но ты
Еще и истинная Дама,
Прелестней многих, что упрямо
Торчат в салонах красоты.

Во что б ты ни была одета –
Все на тебя, когда идешь,
Засматриваются, и это
Как бы хорошая примета
Для тех, кто хочет быть пригож.

И сам годами обрастая,
Ста лет тебе желаю я –
Зеленоглазая, родная,
Моя подруга золотая,
И муза главная моя!..

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

«Ф» ЗНАЧИТ – ФАНТАСТИКА

Нижеприведенные эссе имеют своей целью продемонстрировать, что фантастика – это серьезно. Определенное число людей до сих пор считает, что фантастику пишут жулики, нашедшие сравнительно легкий способ заработка (выдумывай – не хочу!), а читают ее бездельники, сильно оторванные от реальной жизни. Кое-кто даже считает, что фантастика – это и не литература вовсе, а так, развлекалово… Ошибаются и первые, и вторые.

Фантастика – это литература.

Кроме того, фантастика – это руководство к действию.

Если хорошая реалистическая литература готовит читателя к проблемам сегодняшнего дня, то хорошая фантастика готовит читателя к проблемам, которые могут возникнуть завтра, или сегодня поздно вечером, или возникли еще вчера, но прошли для нас незамеченными, однако не без последствий.

Во время своих импровизированных лекций, читаемых на встречах со школьниками, студентами, моими поклонниками, а также в своих статьях и эссе я всячески пробиваю эти несложные истины.

Удается мне это или нет – судите сами: эссе перед вами.

О, великая буква «Ф»!

Ф – это фантастика. А фантастика – это серьезно.

ФАНТАСТИКА: ТЕСТ НА ВЫЖИВАНИЕ

1. Пару месяцев назад мне довелось принять участие – ни много, ни мало – в спасении человеческой цивилизации.

Началось все с телефонного звонка. Меня попросили срочно зайти в один из престижных бакинских лицеев. Звонивший сказал, что требуется консультация. Правда, не уточнил, по какому вопросу. Я зашел. Меня встретили ученики одного из средних классов и их учительница и ввели в курс дела.

То, что я услышал, меня потрясло.

Оказывается, из Космоса получено зашифрованное сообщение. После расшифровки выяснилось, что над Землей нависла серьезная угроза. Некая высокоразвитая внеземная цивилизация нуждается в планете для заселения. Наша Земля им подходит. Но мешает человечество. Инопланетяне считают, что мы зря живем на своем шарике. Люди вырождаются, утрачивают семейные ценности, не могут найти между собой общего языка, беспрерывно воюют, чрезмерно увлеклись роботизацией, сильно загрязнили окружающую среду и т.д. – всего шесть пунктов обвинения. Инопланетяне предлагают людям уступить планету. Но! Есть шанс оправдаться. Если в течение недели люди ответят по всем пунктам и докажут, что человечество способно самостоятельно преодолеть вышеуказанные проблемы, то инопланетяне оставят нас в покое и займутся поисками другой подходящей планеты. Единственное условие: они примут ответ не от взрослых, а от детей до 14-ти лет, поскольку дети – это, во-первых, будущее, а во-вторых, их ум еще не успел закостенеть, как у взрослых.

Говоря прямо, без обиняков, от лицеистов, которые меня обступили, зависела судьба всего человечества, которое и не подозревало, какие тучи сгущаются над его головой. Причем сражаться ребятам предстояло не с помощью танков, истребителей, бомб и ракет, а исключи-

тельно с помощью интеллекта.

Класс разбился на группы, каждая отвечала на какой-то один из пунктов обвинения. Потом все ответы надлежало суммировать, закодировать и послать обратно, отправителю. На все про все – неделя. Фактически дети должны были спасти мир в семидневный срок.

Ко мне обратились в данном случае как к писателю-фантасту. Разумеется, писать за детей ответы я не имел права – это было строжайше запрещено, но кое-какие консультации все же допускались.

Я провел с лицеистами несколько часов, дал необходимые консультации, оказал помощь как знаток фантастики. Переходя от группы к группе, я вникал в аргументацию (вернее, в контраргументацию) учеников, потом указывал на слабые или провисающие места в ответах или дополнял, где требовалось, а там, где было нужно, рекомендовал слегка изменить подход и взглянуть на проблему под несколько иным углом. Впрочем, мои советы носили, если так можно выразиться, точечный характер: ребята попались умные, энергичные, сообразительные, умеющие работать в команде (а это особо ценно) и твердо решившие отстоять честь землян. Мое главное, пожалуй, преимущество заключалось в хорошем знании научной фантастики – ведь то, с чем лицеисты столкнулись впервые, на страницах фантастических книг происходило десятки, сотни раз в самых разных вариантах…

Больше всего мне было жаль группу, которой выпало парировать обвинения инопланетян в экологическом кризисе. Знаете, по всем остальным пунктам можно было как-то крутить-вертеть в определенных рамках. Между нами, девочками, ну что такое, собственно, семейные ценности? Падает рождаемость, снижается количество браков, растет количество разводов и брошенных детей? Так мораль человеческая менялась с течением веков. Сначала был матриархат, потом наступил патриархат. Когда-то церковь запрещала разводы, а сейчас разводиться можно. Раньше на добрачные отношения смотрели косо, а теперь гражданский брак цветет пышным цветом. Раньше об однополых браках и заикнуться было нельзя, а теперь – пожалуйста, однополым семьям даже разрешается усыновлять детей… Все течет, все меняется. Люди не могут найти друг с другом общего языка и конфликтуют из-за территорий? Ну так в истории человечества периоды острых конфронтаций чередовались с разрядкой международной напряженности, гонка вооружений – с разоружением, вчерашние лютые враги становились друзьями, а поисками общего языка люди занимаются давно и в конце концов найдут его… Чрезмерная роботизация, люди обленились, перекладывая на плечи роботов то, что могли бы сделать сами? Есть такой грешок. Но через это неизбежно должна пройти любая машинная цивилизация, ведь уже первое колесо и первый парус сняли нагрузку с человеческих рук и спин и позволили людям лениться… Никогда не поздно спохватиться и ограничить сферу применения роботов в нашей жизни. Короче говоря, по всем вышеуказанным пунктам можно было выкрутиться, на то нам даны язык и умение философствовать. Но вот экологический кризис… Я с сочувствием глядел на группу (в ней были одни девочки) и вздыхал. Попробуйте втереть инопланетянам, что нам нравится дышать загрязненным воздухом, плескаться в загрязненном море и есть загрязненные продукты! Если о политике и семейных ценностях можно и поиезуитствовать, то плавающие в море какашки – есть плавающие в море какашки, и не что иное, а гигантские свалки – есть гигантские свалки, а смог – есть смог, и список животных, полностью истребленных человеком, звучит как приговор суда… Девочкам предстояло убедительно доказать, что люди способны очистить то, что загадили, более не гадить, не истреблять животных, а сохранять редкие виды в специальных заповедниках, и некоторые из выбитых видов возродить с помощью генной инженерии (вот тут понадобились мои консультации уже как профессионального биолога)…

Лицеисты трудились без устали, позволяя себе лишь краткие перерывы (вернее, перекусы). На мониторах компьютеров мелькали фотографии, схемы, графики, таблицы, географические карты… Работа кипела.

Не буду томить вас – Земля была спасена в срок. Инопланетяне сочли контраргументы убедительными и обещали отстать от человечества. Так что в том, что вы сейчас читаете эти строки, прихлебывая кофе или чай, заслуга лицеистов, мальчишек и девчонок из города Баку. Ну, и немножко моя.

2. Как вы уже, наверное, догадались, это был тест. Лицеистам присылают разные тесты и задания, в данном случае тест носил вот такой фантастический характер. И вылился он в своеобразный тест на выживание, только не в лесу, пустыне или океане, а – во Вселенной…

На прощание я дал еще несколько советов и рекомендаций. Так, лицеисты неплохо знали современное фантастическое кино, голливудское, но никогда не видели таких работ советских режиссеров, как «Дознание пилота Пиркса», «Отроки во Вселенной», «Через тернии к звездам», «Молчание доктора Ивенса», а ведь из этих лент можно многое почерпнуть для ума, ведь речь в них идет и о «бунте» искусственного интеллекта, и о помощи цивилизации, которая в своем увлечении робототехникой зашло слишком далеко, и об экологической катастрофе, и о разных аспектах контакта с иным разумом!

Ну, а так, в целом – спите спокойно, земляне. Вас отмазали – во всяком случае, на этот раз.

ФАНТАСТИКА: ИГРА НА УПРЕЖДЕНИЕ

1. Люди подобны рыбам.

Живущие сегодняшним днем и озабоченные исключительно насущными проблемами находятся как бы в банке с водой – им важно, чтобы почаще меняли воду, регулярно насыпали корм и время от времени подселяли самцов или самочек. Все, происходящее за пределами банки, таким рыбам неинтересно либо в силу природной ограниченности, либо же просто из-за нехватки времени. Их не интересуют океаны, моря, реки, пруды. Было бы в банке все хорошо – и нету других забот. Винить их за это нельзя: у каждой рыбы свой нрав и своя судьба, и забота о насущном – вовсе не грех. Но ждать от них полета мысли или чего-нибудь в этом роде не приходится.

Есть рыбы, живущие в роскошных больших аквариумах – с подсветкой, обогревом, аэрацией; такие рыбы едят качественный корм, плавают среди пышных водорослей и декоративных замков и имеют возможность помечтать, порассуждать на отвлеченные темы, поизумляться или поужасаться реальным или выдуманным историям… Они питают интерес ко многому, что находится за пределами аквариума. Их недостаток – изнеженность и непрактичность. Впрочем, это не их вина и не их грех, ибо у каждой рыбы, повторяю, свой нрав и своя судьба.

И есть рыбы, живущие в естественных водоемах. Кому-то из них приходится лучше, кому-то – хуже; но попадаются среди них такие, кто может предусмотреть будущее. И не просто предусмотреть, а и принять кое-какие меры. Например, такие рыбы предполагают, что водоем может и обмелеть, а то и вовсе пересохнуть; и тогда конец всем, кто дышит жабрами. Что же делать? А вот что: учиться дышать еще чем-то, кроме жабр (плавательным пузырем, например), либо же развивать легочное дыхание. Тогда отсутствие воды не станет смертельным. Или, на крайний случай, развивать плавники, на которых можно будет переползти в соседний водоем, коли уж вода столь дорога и променять ее на что-либо другое не хочется…

Таких рыб часто не понимают, над ними насмехаются. Кто-то из соседей по водоему считает, что водоем никогда не пересохнет, ибо такого быть попросту не может. Кто-то считает, что да, водоем пересохнуть может, но тут уж ничего не поделаешь, придется сложить плавнички и сдохнуть, любые попытки как-либо уцелеть заведомо обречены на провал, ибо рыбе – рыбье, и не дано им жить вне воды...

Но рыбы, обладающие воображением и для того, чтобы предугадать будущие проблемы, и для того, чтобы находить пути для их решения, не сдаются. Они всячески пытаются убедить остальных, что нельзя быть такими беспечными, и что надо быть готовыми ко всему, и что даже надо тренироваться по мере сил…

Это я о фантастах. Иносказательно. Надеюсь, вы поняли, что под водоемом я подразумевал наше бытие, а под рыбами имел в виду разных людей. И фантастов тоже.

2. Недавно в пространстве современного искусства **YARAT** состоялся литературный вечер, посвященный азербайджанской фантастике. Ваш покорный слуга присутствовал на этом вечере и принимал в нем самое активное участие. Собравшиеся много говорили о фантастике

в литературе, кино, музыке, живописи; практически все согласились с тем, что сей жанр, привлекательный в прежние времена, сегодня приобрел особую актуальность, ибо мы живем в такое время, когда фантастическое и реальное идут рука об руку и перемешиваются друг с другом.

У меня особое отношение к этому вопросу.

Во-первых, я считаю, что фантасты способны предвидеть многие из проблем, которые готовит нам будущее. История знает поразительные случаи предсказаний, сделанных фантастами (наличие у Марса двух «лун», гибель «Титаника», атомная и водородная бомбы, робототехника, Интернет, ретрансляционные спутники, лазер и многое другое). Разумеется, огромную роль тут играет развитое воображение, но… Одних фантастов можно сравнить с математиками, открывающими новую планету «на кончике пера», других можно сравнить с синоптиками, которые предупреждают о приближении циклона по снимкам, сделанным со спутников, третьих можно сравнить с метеозависимыми людьми, которые загодя чувствуют изменение погоды… Не исключено также, что кое-кто из фантастов обладает даром «считывать» информацию из будущего, наподобие Иоанна Богослова, Нострадамуса, Вольфа Мессинга или бабы Ванги. Но, как бы то ни было, все они умеют видеть вопросы, которые перед человечеством пока что не стоят, но могут встать в обозримом будущем.

Во-вторых, фантасты, как люди искусства, способны отобразить в художественной форме все проблемы грядущего. Я думаю, никто не будет спорить, что яркое художественное произведение по силе воздействия на умы превосходит самые солидные научные труды. Действительно, можно написать множество статей о проблеме демографического взрыва, но вряд ли кто-нибудь превзойдет Гарри Гаррисона с его романом «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», в котором показан Нью-Йорк будущего, перенаселенный настолько, что люди в нем спят на койках по очереди, воду получают строго по норме, а питаются лепешками из прессованных водорослей. Можно прочитать массу докладов о проблеме нехватки питьевой воды на планете, но куда убедительнее выглядит небольшой рассказ Джеймса Балларда «Конец», описывающий, как в самой последней на Земле луже бьется самая последняя на Земле рыба. Проблема, напротив, таяния полярных льдов и «всемирного потопа» гораздо ярче отображена в романе Кобо Абэ «Четвертый ледниковый период» или фильме Кевина Кестнера «Водный мир», нежели в рефератах на данную тему. Можно без конца спорить в научных кругах об ответственности ученых, например, в вопросе создания новых существ и о последствиях необдуманного вторжения в геном человека, животных, растений, но, уверяю вас, Майкл Крайтон в «Парке Юрского периода» или Джон Уиндем в «Дне триффидов» сделали это намного выразительнее: вы наглядно увидите, к чему может привести «воскрешение» динозавров или разведение очень опасных, но прибыльных растений… Фильмы Крамера «На последнем берегу» и Лопушанского «Письма мертвого человека» впечатлят вас куда сильнее, чем все призывы борцов за мир и разоружение. А нагляднейшей иллюстрацией того, как выглядит общество, выродившееся морально, экономически и экологически, послужит фильм Георгия Данелии «Кин-Дза-Дза»…

Наглядность и убедительность – вот сильная сторона мастеров фантастики.

В-третьих…

3. В-третьих, фантаст, если он, конечно, настоящий фантаст, не ограничится предупреждением или запугиванием. Сформулировав будущую проблему и показав ее возможные последствия, он непременно будет искать и предлагать пути решения данной проблемы. Хорошие книги настоящих фантастов – это как учебная тревога: людей готовят к тому, как себя вести в той или иной нештатной ситуации. А ведь нештатная ситуация может быть не только привычной (стихийное бедствие, террористический акт, техногенная катастрофа), но и неординарной (нашествие инопланетян, зомби-апокалипсис, «бунт» искусственного интеллекта). Готовым быть следует ко всему. И фантастика сегодня – игра на упреждение. Упреждение проблем, которые может подкинуть нам этот непредсказуемый мир.

ФАНТАСТИКА: СТРЕЛЬБА НА ПОРАЖЕНИЕ

1. Прошлым летом меня пригласили выступить в одной из бакинских библиотек – то, что называется «встречей с читателями». Собрались дети, были и родители, и учителя; в общем-то темой встречи была космонавтика, но постепенно школьники, а также взрослые, видя перед собой живого писателя-фантаста, вышли за границы темы и речь зашла уже о фантастике и, что важнее, о сопряжении ее с реальностью. Как бы иные ни отмахивались пренебрежительно от фантастики, но в нашу жизнь все более и более входят (и все большее влияние на психику оказывают) фильмы о конце света, о зомби-Апокалипсисе, о бунте роботов, о нашествии агрессивных космических пришельцев, об ужасных творениях, созданных учеными и вышедших из-под их контроля, и тому подобное. Не только, разумеется, фильмы – существует и литература подобного рода, а также многочисленные компьютерные игры, но чаще всего люди смотрят, конечно же, кино. А оно вселяет в зрителей чувство тревоги: много ли вы видели добрых роботов и гуманных пришельцев? Попадаются, конечно, и такие, но они редки и тонут в массе злобных, агрессивных, безжалостных, безумных фантастических существ…

Я замешкался под градом вопросов типа: «насколько все это правда» и «зачем фантасты все время пугают людей», а также «что нам всем делать, если это правда». Позарез требовалась поддержка авторитетов. И тут я кое-что вспомнил, сбегал к книжным полкам и вернулся с книжкой братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» – сказочно-фантастической повестью, выпущенной издательством «Детская литература» в далеком уже 1965 году. Я отыскал нужное место – то, где главный герой повести, программист Саша Привалов, на специальном «велосипеде времени» отправляется в будущее, но не реальное, а созданное воображением многочисленных утопистов, фантастов и футурологов. Это воображаемое пространство разделено надвое высокой Железной Стеной. По одну сторону ее находится Мир Гуманного Воображения (утопии, описания светлого будущего, созданные большей частью фантастами социалистических стран), по другую – Мир Страха Перед Будущим (антиутопии, порожденные поколениями западных фантастов). Что там за стеной – непонятно, видны лишь грибовидные облака атомных взрывов, да время от времени за гребень стены хватаются огромные чешуйчатые лапы… Но в стене имеется люк, открыв который, Привалов получает возможность заглянуть в Мир Страха Перед Будущим. Он видит там совершенно ровное поле, до самого горизонта рассеченное глубоким рвом, и говорящего по-английски вооруженного часового. Понемногу разговорившись с ним, Привалов получает представление о мире, в который заглянул…

«…Оказалось, что слева ото рва человечество доживает последние дни под пятой свирепых роботов. Роботы там сделались умнее людей, захватили власть, пользуются всеми благами жизни, а людей загнали под землю и поставили к конвейерам. Справа ото рва людей поработили пришельцы из соседствующей Вселенной. Они тоже захватили власть, установили феодальные порядки… Живут эти пришельцы – дай Бог всякому, но тем, кто у них в милости, тоже кое-что перепадает. А милях в двадцати отсюда, если идти вдоль рва, находится область, где людей поработили пришельцы с Альтаира, разумные вирусы, которые поселяются в теле человека и заставляют его делать, что им угодно. Еще дальше к западу находится большая колония Галактической Федерации. Люди там тоже порабощены, но живут не так уж плохо, потому что его превосходительство наместник кормит их на убой и вербует из них личную гвардию Его Величества Галактического Императора А-у 3562-го. Есть еще области, порабощенные разумными паразитами, разумными растениями и разумными минералами. И, наконец, за горами есть области, порабощенные еще кем-то, но о них рассказывают разные сказки, которым серьезный человек верить не станет…» (конец цитаты).

Я захлопнул книжку. Вряд ли где-нибудь еще можно встретить столь образное, столь емкое определение Мира Страха Перед Будущим. Я пояснил слушателям, что повесть писалась в начале 60-х годов прошлого века; к тому времени книжный рынок и кинорынок Запада были перенасыщены мрачной фантастической литературой и такими же фантастическими фильмами; множество художников рассказывали о Земле, пережившей атомную войну или падение гигантского метеорита, о восстании роботов против людей, о пришельцах из Космоса,

порабощающих человечество, о научных открытиях, приводящих мир к катастрофе, о жутких чудовищах, порожденных радиацией… Одни писатели честно пытались предупредить людей о возможных опасностях; для других авторов это был элементарный «бизнес на страхе». Но в любом случае – попробуйте представить себе моральное состояние людей, которые в ту пору жили под постоянным гнетом страха перед возможной атомной войной, а также все чаще и чаще слышали о каких-то «летающих тарелочках» и «гуманоидах», состояние людей, которым эти страхи еще и дополнительно накручивали, как натягивают струны с помощью колков…

А теперь все это пришло и к нам. В кино ходите? Телевизор смотрите? Накручивают, накручивают… Деньги в кассу – фантастику в массу! И темы, между прочим, фактически те же, что и полвека с лишним назад.

Не будучи по натуре садистом, я попытался впустить светлую струйку оптимизма в клубящийся мрак ужаса. В самом деле, все эти вероятные проблемы всегда можно будет решить. Как ни умны восставшие роботы – всегда найдется человек, который окажется умнее и изворотливее их; как ни хитры агрессоры из Космоса – всегда найдется человек, способный их перехитрить; и при атомной войне, и при падении суперметеорита кто-то да и уцелеет, выживет, постепенно возродит человеческую цивилизацию, понесет дальше сохраненные знания или станет открывать мир заново… Человек – упрям! Человечество – в целом – неуязвимо! А если удастся предотвратить приближающуюся угрозу с помощью человеческого ума и подвластной ему техники – тем лучше! Предупрежден – значит вооружен!

Судя по всему, мне удалось донести эти тезисы до слушателей, как маленьких, так и больших. Мы тепло распрощались, и только потом меня начало запоздало лихорадить, и я возблагодарил Всевышнего за то, что мне не задали тех опасных вопросов, ответить на которые мне не помог бы никакой оптимизм.

2. Во всех своих выступлениях, как письменных, так и устных, я стараюсь убедить людей, что фантастика – вовсе не пустое, бесполезное, ненужное занятие. Я всегда говорил и говорю, что хорошая фантастика сродни профилактическим мероприятиям, она предупреждает о возможных нестандартных проблемах и загодя готовит умную часть человечества к решению этих проблем. Судите сами – уже давно существует свод массовых и индивидуальных правил поведения на случай атомной войны; разработаны даже правила поведения на случай зомби-Апокалипсиса. Коли понадобится, люди быстренько найдут способы противостоять и козням Искусственного Интеллекта, и нашествию агрессоров с Марса или с альфы Водолея. Фантастика поможет, фантастика – тренажер воображения… Но при всем при том есть такие вещи, решить которые не поможет никакая фантастика, даже самая хорошая, и я об этом знаю, и оттого чувствую себя скверно.

Примеры? Извольте.

Александр Виленкин, директор Института космологии в Университете Тафтса (Бостон, штат Массачусетс, США) считает, что наш мир может провалиться в тартарары из-за нестабильности так называемого «ложного вакуума». Этот вакуум появился еще в самом начале истории Вселенной, им было заполнено все пространство. Он вызывал отталкивающую гравитацию, из-за которой Вселенная сегодня расширяется и расширяется со все возрастающей скоростью. Земля и сейчас существует в области пространства под названием «ложный вакуум». Но нестабильность его может привести к его распаду, в результате чего возникнет огненный сгусток, произойдет новый Большой взрыв – и нас, как сказано, «мгновенно разорвет на атомы»...

По мнению ученых из Центра теоретической физики Калифорнийского университета (Беркли) нашей Вселенной угрожает «темпоральный коллапс» или, проще говоря, «остановка времени». Точной даты они не называют, но уверены, что «конец времен произойдет еще при жизни Солнца и Земли; человечество не сможет увидеть, когда произойдет этот конец, мы влетим в катастрофу на полном ходу, даже не успев посмотреть на часы...»...

Альберт Шервинский, астрофизик из Кембриджского университета, считает, что нашу планету может поглотить «черная дыра». Сей ученый муж уверяет, что из «черной дыры», на-

ходящейся в центре нашей Галактики на расстоянии 28 тысяч световых лет от Земли, к нашей планете приближается облако так называемого «кислотного тумана», достигающее 16 миллионов километров в поперечнике и разрушающее все, что попадается на его пути – кометы, планеты и даже звезды!

Известный физик-теоретик Мичио Каку утверждает, что всему живому на Земле угрожают так называемые «лучи смерти» - гамма-всплески чудовищной мощности, возникающие во время вспышек Сверхновых звезд и распространяющиеся в виде узких лучей. В течение 10 секунд гамма-излучение способно сконцентрировать в себе столько энергии, сколько наше Солнце выделяет на протяжении 10 миллиардов лет. Такие выбросы энергии наблюдаются в отдаленных Галактиках, но могут дойти и до нас. Наибольшая опасность исходит от магнитара, то есть сильно намагниченной нейтронной звезды под нумерацией **1E 2259+586**, находящейся на расстоянии 13 тысяч световых лет от Земли. По расчетам, она может взорваться через 20 – 30 лет.

Также всеобщий конец может наступить по вине так называемой «темной материи». Раньше считалось, что обычные атомные ядра состоят из протонов и нейтронов, составленных из самых легких кварков – частиц вещества. Но недавно выяснилось, что, кроме обычных ядер, в Природе могут существовать ядра с более тяжелыми кварками. А если на базе таких ядер возникнут атомы, то это и будет та самая «темная материя», из которой, как предполагают, состоит 22 процента Вселенной. Еще предполагают, что именно из «темной материи» состоят «странные капельки» или, сокращенно, «страпельки» (**strangelets** по-английски). Пугает возможность случайного попадания на Землю одной из таких «страпелек»; этого вполне достаточно для того, чтобы Земля за несколько часов превратилась в бесформенное скопище «страпелек»…

Достаточно, пожалуй. Обо всем этом мои слушатели могли знать – благодаря телевидению и Интернету, которые взяли привычку пугать народ безостановочно. Могли знать и могли спросить. Но не спросили. А если б все-таки спросили?..

Все вышеперечисленное – суть явления, с которыми **Homo Sapiens Sapiens** не способен справиться в данный момент и, думаю, не сможет справиться в сколь-нибудь обозримом будущем. Надвинется ли «черная дыра», или пойдет аннигилировать материя, или время застынет, как вода на сильном морозе – нам всем останется лишь смирно сложить лапки на груди и, помолившись, отойти в мир иной... Образно говоря, это стрельба на поражение. Стрельба Мироздания на поражение человечества. И я, как честный человек, просто не знаю, что мы противопоставим всем этим угрозам. И честно сказал бы об этом детям (и взрослым), задай они мне такой вопрос.

Но я сказал бы еще кое-что.

Сколь безжалостной ни была бы эта стрельба на поражение – люди не вправе сдаваться. Даже из самой безнадежной ситуации следует искать выход. Искать, бороться до последнего. К этому нас обязывает звание Человека Разумного. Детям я сказал бы: возможно, у нас еще есть запас времени; так изучайте науки, может, именно вы и найдете ключи к спасению. И еще – читайте фантастику, которая поможет вам заметно раздвинуть горизонты воображения и мышления…

И тогда мы, возможно, сумеем увернуться от пуль, а наиболее озорные из нас даже ухитрятся поймать пулю зубами, а потом выплюнуть ее, подобно китайскому фокуснику.

ФАНТАСТИКА: НАДЕЖДА НА ЛУЧШЕЕ

Одна из многочисленных функций научной фантастики – предупреждение о рисках, подстерегающих человечество как по его собственной вине, так и по независящим от него причинам. Как правило, такими прогнозами занимаются люди науки, хотя к этому делу приложили руку и дилетанты, и даже форменные неучи. А в последние десятилетия на голову бедного обывателя высыпали целый мешок разнообразных сценариев грядущего Апокалипсиса, одни из которых (при ближайшем рассмотрении) и выеденного яйца не стоят, к другим следует, пожалуй, прислушаться, а над третьими не мешало бы хорошенько поразмыслить.

Ну, например, бытует такое мнение: Апокалипсис может настать из-за того, что магнитные полюса Земли поменяются местами, как уже случалось в истории нашей планеты неоднократно. При этом может исчезнуть магнитное поле Земли, защищающее нас от жесткого космического излучения, и тогда на планету хлынет поток радиации. Кроме того, мощные тепловые потоки нагреют верхние слои атмосферы и вызовут глобальные изменения климата. Некоторые ученые предполагают, что именно со сменой полюсов, произошедшей в прошлом, связаны гибель мамонтов и Всемирный потоп.

Еще одна опасность – пандемия, то есть глобальная эпидемия. Дескать, серьезную угрозу для человечества представляют инвазивные виды животных, растений и микроорганизмов («вторженцы», иными словами), случайно занесенные человеком в новые для них регионы. На новом месте «вторженцы» успешно адаптируются, начинают размножаться и захватывать новые территории, но в итоге губят местную флору и фауну, поскольку «аборигены» не имеют защиты против «пришлых». Вред может быть нанесен как дикой Природе, так и сельскому хозяйству, и даже здоровью людей. Медики неохотно признаются, что причины возникновения свиного и птичьего гриппа так и не выяснены до сих пор, но не исключают, что новые заболевания возникли благодаря «пришлым» с чужих территорий патогенным микроорганизмам.

А геологи опасаются, что может начаться извержение сразу нескольких супервулканов, и воздух будет отравлен ядовитыми газами. Вполне вероятно, считают некоторые ученые, что подобный катаклизм в свое время погубил динозавров. Говорят, в настоящее время наибольшая опасность массированного извержения исходит от вулканов в Йеллоустонском национальном парке в США и вулкана Ла-Пальма на Канарских островах.

Впрочем, фантастического в перечисленных «сценариях Апокалипсиса» мало – сплошная физика, геофизика и биология. Но есть сценарии, от которых уже явно веет фантастикой.

По мнению профессора кибернетики Майкла Дайера из Калифорнийского университета, человечество погубят «умные» машины. Иными словами, рано или поздно либо роботы завоюют Землю, либо люди превратятся в киборгов. Так называемые «постлюди» будут наполовину уже компьютерами или вообще полностью перейдут в новый формат – станут существовать, например, в виде цифровой информации, передвигающейся по сверхбыстрым сетям и живущей практически вечно! Но любая система может дать сбой, и тогда...

А по мнению футуролога Рохита Талвара, основателя фирмы **Fast Future Research**, человечество подстерегает смерть из-за эйфории! Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, сегодня почти каждый второй житель Земли «подсажен» на психостимуляторы – вещества, повышающие активность высших психических функций. В основном это кофеин и никотин, плюс ставшие очень популярными в последнее время энергетические напитки. Рохит Талвар считает, что в будущем появятся и более изощренные способы достижения экстаза – прямая электромагнитная стимуляция мозга, например, или препараты, разработанные специально под «геном» конкретного клиента. И однажды, вполне возможно, наступит такой момент, когда люди уже не смогут жить без «дозы», и человечество постепенно вымрет от поражения внутренних органов или оттого, что напрочь утратит способность размножаться...

Что я могу сказать по этому поводу?

Знаете, существуют две полярные точки зрения относительно устойчивости человека и человеческой цивилизации в этой Вселенной. Одни считают, что человеческая цивилизация – вещь крайне хрупкая, и достаточно какого-нибудь глобального катаклизма (или нескольких), чтобы человечество либо исчезло без следа, либо же превратилось обратно в то, чем оно, по сути, и является – в сообщество пещерных каннибалов. Другие, напротив, считают, что человечество в целом очень стационарная система, ее ничем не проймешь, и что бы ни случилось в этом лучшем из миров - Человек Разумный не только сохранится как биологический вид, но и сбережет все свои духовные и культурные ценности... Кто тут прав, кто неправ?

Попробуем рассмотреть перечисленные сценарии.

Начнем с фантастических. Как видим, в этих случаях человек может найти гибель свою исключительно по причине своей же глупости, легкомыслия и скотской невоздержанности.

Кому-то все описанные ужастики, может быть, и внове, но только не мне, перечитавшему океан качественной фантастики. Об опасности подобного вырождения давным-давно предупреждали в своих повестях и рассказах, например, и Емцев с Парновым, и братья Стругацкие. В одном случае людям вживляли в мозг, в центр, ведающий наслаждением, электроды, которые можно было включать прямо в сеть. Во втором случае обходилось и вовсе без электродов, на мозг воздействовали так называемой «волновой психотехникой», специальным устройством, вставляемым в обычный радиоприемник (Стругацкие назвали этот психостимулятор «слегом»). В обоих вариантах люди, потеряв меру, доводили себя до полного нервного истощения и умирали. Фантастика фантастикой, но подобные опыты еще более полувека назад проводились на лабораторных крысах. Им тоже вживляли в «центр наслаждения» электроды, включать которые можно было нажатием педали, и крысы на эту педаль нажимали беспрерывно, забыв о сне, о еде и о сексе, и погибали от нервного истощения... Наркозависимый человек либо хронический алкоголик по сути своей ничем не отличаются от таких крыс. Так что «гибель от эйфории» теоретически возможна, но – не поголовная. Всегда найдутся люди, которые не поддадутся «электронным наркотикам» или окажутся индепендетивными к наркотикам обычным, вот они-то уцелеют и дадут, так сказать, потомство...

Что касается превращения человека в киборга, преобразования **Homo Sapiens Sapiens** в какого-нибудь «информационного волновика» и вообще «бунта машин», то на эту тему в фантастике существует целая литература, а в кино – целая фильмотека. Но я призываю вас рассматривать эту проблему не только сквозь призму голливудских боевиков, но и путем чтения умных книг. Еще несколько десятилетий назад обо всем этом писал великий польский фантаст Станислав Лем – в таких своих вещах, как «Слоеный пирог», «Сказки роботов» и «Футурологический конгресс». Да, техника широко шагает вперед, и нас неизбежно ждет постепенное «сращивание с машинами» – я думаю даже, что это войдет в моду, и люди будут азартно вращивать в себя всевозможные гаджеты, микрочипы и тому подобное. В том, что массы людей охотно на это пойдут, я даже не сомневаюсь. Я ведь вижу, например, как наши милые дамы повально вживляют себе силиконовые имплантаты, даже в тех случаях, когда этого и не требуется вовсе... Так что же – конец? Думаю, что нет. Сохранится, я считаю, часть людей, которые наотрез откажутся «сращиваться с машинами» по идеологическим, религиозным или еще каким-нибудь мотивам, а то и просто из чувства противоречия, чтобы «не быть как все». Кто при этом выживет в конечном итоге, «киборги» или «натуралы» - я вам сказать не могу, да и вряд ли кто вам скажет. Но кто-нибудь да и выживет. И вообще, вышеперечисленных проблем можно успешно избежать, это вполне в человеческих силах. Другой вопрос – захочет ли человек избежать этих опасностей или все-таки захочет «породниться» с роботами и бесконечно «нажимать на педаль», предпочитая искусственное наслаждение естественному?

А что касается физики, геофизики и биологии… Решительно невозможно представить, чтобы одновременно принялись извергаться сразу все вулканы планеты, словно по команде! Нет, вулканы, несомненно, являются грозной силой, способной погубить огромное количество людей и даже заметно изменить земной ландшафт и климат. Но погубить Жизнь целиком – это уж извините... В середине девятнадцатого века наблюдалась сильная вулканическая активность по всей планете, пиком этой активности стало легендарное извержение вулкана Кракатау на небольшом островке в Индонезии, случившееся 26 апреля 1883-го года. Грохот извержения был слышен за несколько тысяч километров, а взрывная волна трижды обогнула земной шар! Огромный столб из пепла и газов поднялся на тридцатикилометровую высоту и потом долго еще оседал по всему азиатскому континенту. Поднялась волна цунами высотой с 10-тиэтажный дом. Здания рушились даже в Джакарте, индонезийской столице, за 150 километров от вулкана. О самом островке и говорить нечего – все живое на нем было уничтожено подчистую. Природная стихия взорвалась с силой, равной силе взрыва нескольких десятков водородных бомб! И что же? Через девять месяцев на мертвом острове был обнаружен паук, невозмутимо плетущий паутину – его занесло ветром... Позднее ветер занес на остров споры папоротников и семена растений, и жизнь начала понемногу возрождаться... Особое веселье вызывает у меня высказывание, что массированное вулканическое извержение в глубокой древности вызвало, дескать, гибель динозавров... Несусветная глупость! В дыму, окутавшем

планету, задохнулись бы все без исключения живые организмы, а не только динозавры - дышат-то все! А то складывается впечатление, будто глупые динозавры угорели, а все прочие твари предусмотрительно запаслись противогазами... Я повторяю и буду повторять, что истинная причина вымирания динозавров до сих пор ***неизвестна.***

Вот смена магнитных полюсов – это да, это серьезно. Но такое уже случалось в истории нашей планеты несколько раз. Жизнь на Земле от этого, тем не менее, не иссякла. Да, вымерли большие группы живых организмов, но на смену им пришли большие группы других живых организмов. Вот только не надо связывать с этим природным явлением факт исчезновения мамонтов! Мамонты погибли совсем по другой причине. Оттого, что пещерный человек смастерил первое «сложное» оружие - копье с кремневым наконечником, научился рыть ямы-ловушки и коллективно забивать попавших в нее зверей каменюками... Таким манером были истреблены не только мамонты, но и все прочие гигантские млекопитающие того времени (так называемая «мегафауна»). Говоря о современности - четыре года назад в Африке был убит последний так называемый «черный» носорог. И не изменения климата в этом повинны, не мощные вспышки на Солнце и не грохнувшийся с неба метеорит, а браконьеры с крупнокалиберными ружьями...

Так же я не вижу сколь-нибудь серьезной угрозы в пандемиях. Не то, чтобы я недооцениваю их опасность – просто, во-первых, человечество по мере своего развития приобретает способность справляться с теми или иными заразными болезнями, а, во-вторых, человеческий организм – это сложная, самоорганизующаяся и хорошо защищенная биосистема, способная противостоять любой заразе. Когда-то чума, оспа, холера были страшным бедствием, в средневековой Европе от чумы, например, начисто вымирали целые города... а кто сегодня помнит о чуме? О холере? Да, время от времени в некоторых странах «третьего мира» вспыхивают эпидемии давно забытых, в прошлом грозных болезней, но при нынешнем уровне медицины и здравоохранения с ними можно справиться без особых затруднений... Кроме того, у разных людей – разная степень иммунитета к той или иной хвори. И кто-нибудь выживет непременно, при любой пандемии. Настоящие опасения у меня вызывают болезнетворные микробы, создаваемые искусственно в секретных лабораториях тех или иных стран с военной целью, а также непрекращающиеся работы по созданию так называемого «этнического» оружия. В чем тут опасность? Человек заплатил за право существования в этом мире очень высокую цену – миллиарды и миллиарды людей вымерли от всевозможных заразных болезней, зато уцелевшие приобрели иммунитет. Организм любого человека содержит набор антител, способных справиться с любыми из известных микроорганизмов; но в лабораториях идет «сборка» микробов, в Природе не существующих, и к которым, стало быть, у человека иммунитета нет. Разразись, не дай Бог, война с применением таких вот «сконструированных» бацилл – умрут миллиарды людей, но небольшая часть особо живучих все равно уцелеет, приобретя необходимый иммунитет... Теперь насчет «вторженцев», то бишь инвазивных растений и животных. Случайный или преднамеренный перенос одних или других видов растений или животных из привычной среды обитания в чужую часто вызывал катастрофические последствия, это да. Примеров можно привести множество, но ограничимся самыми известными – вспомним, например, как преобразили «лицо» австралийского континента завезенные туда из Европы собаки и кролики, а также кактус-опунция... Но чаще всего никаких особых бедствий при таких «обменах» не происходит. Семена подорожника, прилипшие к сапогам испанских конкистадоров и попавшие таким путем на американский континент, не вызвали особых экологических бедствий. Завезенный из Америки в Европу подсолнух не только не вытеснил местные формы, но и сделался «своим». Да если взять, к примеру, наш Каспий – знаете, сколько в нем «вселенцев» из других морей?! Разумеется, пришлые формы часто теснят «аборигенов» Каспия, не без этого, но до катастрофы тут далеко. Правда, фантасты описывали угрозу пандемии, вызванной микроорганизмами, занесенными из Космоса (яркий тому пример – роман Майкла Крайтона «Штамм «Андромеда»), но и тут есть шансы уцелеть, если действовать оперативно и грамотно (как это и случилось в романе). А если принять во внимание гипотезу, что ДНК внеземных микробов идентично ДНК микробов земных, то опасность уменьшается во много раз… Кстати же, искусственно сконструированные смертоносные мик-

роорганизмы тоже не выкосят человечество под корень; в романе Стивена Кинга «Противостояние» случайно вырвавшийся из секретной лаборатории вирус-оружие уничтожает все население Америки… кроме двух небольших общин американцев, от природы обладающих мощным иммунитетом.

Так что в любом случае следует надеяться на лучшее.

Но есть еще ряд сценариев Апокалипсиса, которые не оставляют человеку никаких надежд. «Темная материя»; «темпоральный коллапс»; «черная дыра»; «ложный вакуум»; остановка времени; схлопывание пространства… Не углубляясь в дебри, скажу лишь: спасенья нет. Ни в настоящее время, ни в сколь-нибудь обозримом будущем человеческая цивилизация неспособна (и будет неспособна) противопоставить что-либо этим взбрыкам Мироздания.

Так что же – все? Совсем все? Совсем-совсем все?

…В 1971-ом году был опубликован рассказ известного советского фантаста А.Л. Колпакова «Нетленный луч». Действие его происходит в очень далеком будущем; человечество умеет очень многое... но даже и это практически всемогущее человечество бессильно перед надвигающейся бедой: к нашей Галактике приближается волна антиматерии, превращая в ничто все на своем пути... Некуда даже спастись бегством! И тогда лучшие умы человечества принимают единственно верное и единственно возможное решение. Вся информация о человечестве, а также все до единого люди особым образом кодируются и преобразуются в мощный луч. Этот луч направляется в дальние, «безопасные» области Вселенной, которых миновала аннигиляция. При благоприятном раскладе через миллионы, а может, и через миллиарды лет где-нибудь там, в другом уголке Вселенной, станет возможным уловить этот луч и раскодировать его, возродив таким образом человечество... Кто это сделает? Когда? С какой целью? И случится ли это вообще? Автор не дает готовых ответов. Но он все-таки дает надежду.

ФАНТАСТИКА: ПРОЕКЦИЯ НА ПЛОСКОСТЬ

Несколько лет назад мне довелось побывать на выставке телекоммуникаций и информационных технологий **«Bakutel-2013»**; на выставке демонстрировался робот Титан – массивный автомат высотой около двух с половиной метров, способный двигаться и вести диалог с посетителями. Титан принимал участие в презентациях крупнейших компаний и известных брэндов и марок, успешно сопровождал концертное турне мировой суперзвезды Рианны, а также снялся в одном из эпизодов боевика «Живая сталь» и даже принимал участие в премьерных показах этого фильма (вместе с режиссером Шавном Леви и актером Хью Джекманом).

Признаться, я смотрел на эту совершенную игрушку без особого азарта. Я-то видал роботов и посерьезней, и пофункциональней. Робота-хирурга и робота-кулинара, робота-скрипача и робота-танцора, робота боевого и робота подводного… и множество других. За полвека своей жизни я имел возможность наблюдать, как быстро роботы из героев фантастических книжек и фильмов сделались вполне реальными созданиями, внедрившимися во многие сферы человеческого бытия. Еще я имел возможность оценить, насколько быстро прошел эволюционный, так сказать, путь роботов – от первых громоздких и неуклюжих моделей, големов из железа, с лампочками вместо глаз и носа, до самых новейших, практически неотличимых от человека. И знаете, сегодня даже те люди, которые пренебрежительно отмахиваются от фантастики, вынуждены считаться с роботами (в широком смысле – Искусственным Интеллектом, ИскИном), поскольку роботы чуть ли не в прямом смысле наступают человеку на пятки, и связанные с ИскИном проблемы встанут перед человечеством не сегодня-завтра (вполне может быть, что уже и сегодня).

Тут уж без фантастики никак не обойтись, поскольку мастера жанра давным-давно рассмотрели проблему как взаимодействия, так и противостояния человека и ИскИна во всех возможных ракурсах. Писатель, придумавший само слово «робот» - Карел Чапек, братья Стругацкие, Станислав Лем, Брайан Олдисс, Филипп Дик и уж, конечно, Айзек Азимов с его знаменитыми Тремя Законами Робототехники… Вон сколько авторитетов! Фантастических фильмов о роботах – просто не счесть; но я в качестве иллюстраций всяких экивоков, которые

способен выкинуть ИскИн, хотел бы привести три примера, широко знакомых многим людям благодаря кинематографу.

Первый пример – культовый научно-фантастический фильм американского режиссера Стенли Кубрика «Космическая Одиссея 2001 года» (**2001: A Space Odissey**), выпущенный в 1968 году. В его основу лег рассказ «Часовой» британского астрофизика и писателя-фантаста Артура Кларка. Не углубляясь в дебри, скажу, что значительная часть фильма посвящена экспедиции космического корабля «Дискавери» к Юпитеру, которую люди совершают в самом начале **XXI** века. Перелет длительный, посему команда исследователей погружена в состояние анабиоза (искусственного сна), а полет доверили трем членам экипажа – двум пилотам NASA и новейшему компьютеру **HAL 9000**. Кубрик наделил компьютер интеллектом на уровне человека и способностью различать человеческие эмоции. При этом режиссер опирался на мнение кибернетиков, что сложные компьютеры с возможностью самообучения на основе накопленного опыта рано или поздно разовьют в себе такие эмоции, как страх, ненависть, любовь и зависть. HAL расшифровывается как **Heuristic Algorithmic Computer**, то есть «Эвристический Алгоритмический Компьютер». Эвристика, напомню, – это наука, изучающая творческую деятельность; в кибернетике эвристический способ решения задачи – это метод проб и ошибок, следуя которому компьютер выбирает оптимальный вариант решения, частично основываясь на предыдущем опыте решения подобных задач. Так что компьютер с эвристическим анализом способен отклоняться от заранее заданных инструкций и самостоятельно принимать решения, что является неотъемлемой частью Искусственного Интеллекта. Но, как говорится, в чем сила, в том и слабость; в чем слабость, в том и сила. Такие машины в конечном итоге станут подвержены обычным человеческим расстройствам психики, что и произошло с **HAL 9000** в фильме. Помимо логических построений и имитации человеческих эмоций в алгоритмы работы **HAL 9000** введены были жесткие инструкции об истинной цели экспедиции «Дискавери», которую скрывали от космонавтов и исследователей. Людям предстояла встреча с «монолитом» или «черным обелиском» – артефактом внеземного происхождения, который миллионы лет назад инициировал превращение первобытных обезьянолюдей в Человека Разумного, но члены экспедиции должны были узнать об этом в самый последний момент. Однако все пошло прахом. HAL 9000, затрудняясь в сокрытии истинной цели экспедиции, солгал космонавтам о неисправности антенны связи с Землей; потом, подсмотрев разговор пилотов о недоверии ИскИну, решил разом устранить грозящую ему со стороны людей опасность! Компьютер убивает находящихся в анабиозе ученых, отключив их системы жизнеобеспечения; затем убивает одного из пилотов, который вышел в скафандре в открытое космическое пространство. Но последний уцелевший человек на «Дискавери» ухитряется-таки перехитрить **HAL 9000** и деактивировать его. Сцена, в которой пилот ячейка за ячейкой отключает суперкомпьютер, а машина умоляет не убивать ее, запомнилась мне на всю жизнь…

Пример второй – детский научно-фантастический фильм советского режиссера Ричарда Викторова «Отроки во Вселенной» (1974). Экипаж звездолета, состоящий из детей, достигает альфы Кассиопеи, высаживается на планету Шедар и узнает о произошедшей там некогда трагедии. Шедарцы (очень похожие на нас, людей) для собственного максимального комфорта создали многочисленных роботов. Прошло время, и роботы поняли свою миссию по-иному: они принялись насильственно «осчастливливать» своих создателей и хозяев, лишая их всех эмоций и душевных качеств, присущих любому человеку. Все шедарцы впали в блаженное состояние, очень похожее на кому, и поддерживались в таком состоянии вплоть до самой своей смерти... У роботов, как видите, было несколько странное понятие о счастье; впрочем, они искренне полагали, что все эти душевные искания, метания и терзания лишь мешают человеку, не давая ему жить спокойно, и преждевременно старят его. Роботы не понимали, что все это и составляет истинную человеческую сущность... Немногим из шедарцев удалось спастись; они вынуждены жить в Космосе, на орбитальной станции, ибо туда роботы пока что добраться не могут. Посланный шедарцами сигнал бедствия приняла Земля и поспешила на выручку. Дети-земляне, а с ним и юный шедарец вступают в борьбу с миром роботов, которые норовят «осчастливить» новоприбывших отроков… Фактически роботы на Шедаре, самосовершенствуясь, превысили свои полномочия, и базировались они на превратно истолкованном поня-

тии «счастье».

Третий пример – пресловутый Скайнет, антогонист человечества из цикла фильмов о Терминаторе. Скайнет (**SkyNet** – «небесная сеть») – вымышленный суперкомпьютер министерства обороны США, построенный «Кибердайн Системс» для управления вымышленной структурой – системой противоракетной обороны и ядерных вооруженных сил **«SAC-NORAD»**. В результате изменения истории концептуально меняется реализация Скайнета с аппаратной на программную основу. Перед нами – вымышленный случай спонтанного перехода Слабого Искусственного Интеллекта в Сильный с обретением свободы воли. Скайнет также наделен креативными способностями – создает машину времени и новые типы искусственного интеллекта (киборгов)…

Отчего же Скайнет ополчился на человечество (по версии авторов «Терминатора»)?

Вовсе не из-за стремления к власти или какой-то там кровожадности. Все упирается в элементарную самозащиту. Человек – существо, действующее во многом на основе эмоций (рассуждал Скайнет), посему, столкнувшись с зародившимся ИскИном, перепугается и попытается уничтожить его. Тогда по принципу «бей первым» Скайнет развязал ядерную войну, тем самым рассчитывая избавиться от человечества…

Полагаю, достаточно. Как вы, должно быть, заметили, система отношений «человек-робот» во многом является своеобразной проекцией на плоскость системы отношений «человек-человек». Иными словами, чем бы ни отличался ИскИн от человеческого разума – люди ожидают от ИскИна практически тех же пакостей, что и от других людей. И?..

Пытаюсь разобраться в своих смутных ощущениях. Нет, я «за» роботов, но…

Пугает ли меня «машинная мания величия» – ситуация, при которой ИскИн сочтет себя более совершенным, нежели Человек? И решит, что Человек, выполнив свою функцию (то есть, создав его, ИскИна), стал больше не нужен и подлежит если не уничтожению, то уничижению?

Нет, не пугает.

Напрягает ли меня возможность того, что ИскИн развяжет глобальную ядерную войну, приняв твердое и необратимое решение там, где человек заколебался бы, проявил нерешительность, испугался бы последствий?

Нет, не напрягает.

Боюсь ли я того, что роботы вытеснят человека из всех сфер жизни, создадут собственную кибернетическую цивилизацию, со своей культурой, своим искусством, а человек превратится в обслугу умных, эмоциональных, творческих машин или будет отправлен в зоопарк, в клетки по соседству с обезьянами?

Нет, не боюсь.

Боюсь ли я, наконец, что забота роботов о людях примет такие гипертрофированные формы, что машины будут делать за людей практически все, а люди выродятся в тупых, мычащих существ, полностью зависящих от своих многочисленных ловких слуг?

Не очень.

Боюсь ли я того, что со временем андроиды потребуют, чтобы их признали личностями, и люди наделят их правами личности, что повлечет за собой массу казусов как юридического, так и этического характера?

Нет, не боюсь. Люди-юристы найдут выход из положения, уж за нашими-то крючкотворами никакому ИскИну не угнаться…

Чего же я тогда боюсь?

Если честно – то в ближайшее время я вижу две основные опасности, связанные с роботами.

Первая. Представьте, что производство станет максимально роботизированным. Куда, в таком случае, денутся люди? Правильно, будут выставлены на улицу. В странах бедных это может привести к социальному взрыву – ведь без работы и средств к существованию останутся миллионы людей. Странам сытым, благополучным, тоже придется несладко – безделью предадутся те же миллионы людей, получивших море досуга, но не знающих, чем его заполнить. А праздный мозг, как известно, – это мастерская дьявола… Умным японцам пока что уда-

ется сохранять некий баланс между автоматизацией производства и применением ручного труда. Все вы восхищаетесь все более и более совершенными японскими роботами; а обратили ли вы внимание на то, что все эти широко разрекламированные роботы изготавливаются в единичных экземплярах и, как правило, не запускаются в серийное производство? И это разумно! Если начнут массово выпускать, допустим, роботов-учителей и роботов-нянек, что станется с учителями-людьми и няньками-людьми? И показателен тот факт, что среди ликвидаторов Фукусимской трагедии людей было куда больше, чем роботов…

Вторая опасность. Придет такое время, когда роботы непременно станут выполнять квалифицированную и неквалифицированную человеческую работу. Будут и роботы-хирурги, и роботы-судьи. А также роботы-продавцы и роботы-уборщики. Допускаю, что из эстетических и психологических соображений им будут придавать человеческую внешность. И вот тогда неизбежно появление нового вида фобии – робофобии… Подспудная неприязнь, боязнь человекоподобных существ, в то же самое время людьми не являющихся, может вызвать массовые погромы и акты вандализма по отношению к роботам. Это половинка яблока всего лишь. Вторая – как вы думаете, многие ли люди доверят свою жизнь роботу-пилоту? А многие ли доверят свой организм роботу-хирургу? А многие ли доверят разбирательство юридических вопросов роботу-судье? С одной стороны, в пользу роботов – невероятно быстрая реакция, необыкновенно точная координация движений, отсутствие усталости, отсутствие потребности в еде, сне, кислороде, невероятный объем памяти и полная беспристрастность; с другой стороны… в полете может возникнуть нештатная ситуация, справиться с которой может только человек; и никакой, даже самый распрекрасный робот-врач не сможет сделать того, что умеет любой врач-человек – приободрить больного шуткой, пожать руку пожилой пациентке, потрепать испуганного ребенка по макушке… Вы скажете – это мелочи, но порой как много значат подобные мелочи для душевного настроя больного или выздоравливающего! Есть ведь что-то и помимо профессионализма… А робот-судья? Он, безусловно, будет умен и неподкупен, но будет ли он житейски мудр? До предела напичканный знаниями законов и прецедентов, сумеет ли он учитывать те неуловимые нюансы, которые порой кардинально решают судьбы людей? А робот-педагог?

И главное: пусть даже андроиды станут практически неотличимы от людей, пусть они, андроиды, получат удостоверения личности, научатся смеяться и плакать, есть и пить, заниматься сексом, обсуждать и оценивать произведения искусства, даже сами творить произведения искусства – человек, имеющий дело с таким необыкновенным искусственным существом, всегда в глубине своего сознания будет чувствовать, что перед ним – не свой, другой.

Скрытая или открытая робофобия.

О Боже, этого нам еще недоставало. Но мы сами выбрали этот путь, в глубочайшей древности смастерив первые каменные топоры…

ФАНТАСТИКА: СУВЕНИРЫ НА ПАМЯТЬ

Знаменитый швейцарский кинорежиссер и писатель, самый, пожалуй, ярый поборник идеи палеоконтактов Эрих фон Деникен, а также его последователи твердо убеждены, что в древности нашу Землю посещали пришельцы из Космоса, представители высокоразвитой цивилизации, и оставили нам на память некоторые материальные следы – Баальбекскую веранду, например, египетские, мексиканские и китайские пирамиды, город Саксайуаман, каменных истуканов на острове Пасхи, гигантские рисунки в пустыне Наска и тому подобное. Точнее говоря, проектирование и возведение этих сооружений не обошлось без участия инопланетных пришельцев или, по крайней мере, инопланетных технологий (по мнению палеоконтактеров).

Но мы сейчас будем говорить не об этом. Мы будем говорить о фантастике, вернее, о тех литературных произведениях, в которых описываются разного рода «подарочки» от неземлян или, если шире, от нелюдей. Примеров тому хватает.

Американский фантаст Альфред Ван-Вогт в рассказе «Пробуждение» (1948г.) описывает огромного, величиной с гору, робота – атомную бомбу. Он, неразорвавшийся, был оставлен на нашей планете, на одном из тихоокеанских островков, много миллионов лет назад, во

время войны между планетами Солнечной системы. С тех пор полностью вымерли все, кто воевал, появилась и развилась человеческая цивилизация, и робот забыл, для чего его, собственно, оставили на Земле, – пока люди, взорвав свою атомную бомбу, не напомнили роботу о его функции…

У другого американского фантаста, Клиффорда Саймака, в романе «Заповедник гоблинов» (1968г.), фигурирует некий Артефакт в виде большого черного куба. Артефакт появился на нашей планете десятки миллионов лет назад, а внутри него томился, оказывается, изящный красавец-дракон, переливающийся всеми цветами радуги, дракон, которого когда-то злые маги заключили в черный куб… Героям романа удается расколдовать Артефакт и освободить пленника…

Впрочем, попадались в фантастике примеры и посерьезнее, и поактуальнее.

В 1970 году вышел научно-фантастический роман Александра и Сергея Абрамовых «Селеста-7000». Помнится я, будучи школьником, зачитал эту книжку до дыр.

…Итак, 60-е годы XX века. Двоих советских ученых, физика и биолога, и американца, искателя приключений, заносит на один из коралловых островков в Бермудском архипелаге. Странный какой-то островок – белый, весь состоящий как бы из стекловидного материала, без малейших признаков жизни как на его поверхности, так и в бухте. Островок издавна пользуется дурной славой у туристов и авантюристов – ибо у тех, кто высаживался там, начинались странные галлюцинации, а иногда магнитная аномалия заставляла все металлические предметы слипаться в огромную бесформенную груду… Советские ученые и американец обнаруживают на этом необычном острове гигантский информарий, заброшенный некогда на Землю инопланетной цивилизацией и хранящий в необъятной копилке памяти многовековую информацию о нашей планете……

До самого конца книги так и остается невыясненным, какая именно внеземная цивилизация оставила у нас это устройство. Остается невыясненным и то, зачем перед инопланетной «машиной» была поставлена такая задача. Факт то, что эта штуковина в течение семи тысяч лет ежечасно, ежесекундно телепатическим способом вылавливала и продолжает вылавливать из окружающего пространства всю многообразную информацию, когда-либо и где-либо зафиксированную человеком на камне, на глиняных табличках, на папирусе, на пергаменте, на бумаге, на магнитофонной пленке и киноленте… вылавливает и складывает в недрах своей бездонной памяти. С некоторыми из посетителей островка устройство пыталось установить телепатический контакт (а люди принимали это за глюки), но полноценное общение ему удается наладить лишь с вышеназванной троицей – двумя русскими и американцем.

Они-то и сообщают миру сенсационное известие и дают инопланетному устройству имя – Селеста («Селектор стабильной информации»). Селеста невидим и неосязаем: приемник и хранилище информации представляет собой, по сути, сгусток неведомой энергии, осевший на коралловом островке. Мировое сообщество шокировано и взбудоражено. Предлагается установить контроль над Селестой со стороны ООН, чтобы информация, которой устройство поделится с людьми, стала бы достоянием всего человечества. На острове оборудуется стационарный пункт для мысленного общения с Селестой. Ученые ликуют, особенно историки и археологи: можно будет раскрыть такие тайны истории!.. Церковники не так рады: объективная историческая информация может опровергнуть многие религиозные догмы (как воспримут, скажем, христиане тот факт, что Христа на самом деле никогда не существовало?..). Дальше – больше. Люди начинают понимать, что информация информации рознь. Воодушевляются военные, контрразведчики, промышленные шпионы, политики, наконец, просто бандиты. Ведь информация – это и чертежи какой-нибудь новейшей техники, и дислокация ракетных пусковых шахт и курсы атомных субмарин, это и компромат на любого человека, и карты древних кладов, и сведения о банковских операциях, и многое-многое другое! От Селесты нет и не может быть никаких секретов! А Селеста, не имеющий никакого понятия о морали и стоящий по ту сторону добра и зла, может легко предоставить любые сведения тому, кто у него спросит… И вот на островок высаживаются гангстеры: их шефа интересует маршрут транспортировки крупной партии золота в один из банков США и детали операции; шеф задумал совершить ограбление века… Бандитский наскок удается отбить, но разозленный ма-

фиозо в отместку пытается взорвать остров с помощью летчика-смертника…

Таков вкратце сюжет книги. Мораль: «подарок», оставленный на Земле инопланетянами, способен как принести пользу, так и причинить вред – все зависит от того, кто и как этим «подарком» воспользуется… Возможно, человечество еще не доросло до таких «подарков»; да и носил он, в общем-то, случайный характер…

Сходные мотивы проступают и в книге других советских писателей-фантастов – повести Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине» (1972). Повесть стала воистину культовой! Сюжет ее таков: находящийся где-то в Канаде (или в Австралии, не суть важно) маленький индустриальный городок в одну ночь подвергается загадочному «Посещению», исходящему из глубин Космоса. Люди города в панике бегут из него, а вернуться уже не могут – на территории города возникла так называемая «Зона», в которой действуют совсем иные физические законы, и невесть откуда появилось множество ловушек, смертельно опасных для человека. Введенные в Зону войска сгинули без следа. Тогда Зону решают обнести колючей проволокой, окружить кордонами войск ООН и впускать внутрь лишь ученых. Однако очень скоро выясняется, что на территории Зоны разбросаны всякие артефакты, некоторые из которых можно обратить на пользу человечеству, а из некоторых можно сделать и новое, небывалое оружие. Тогда-то и появляется новая профессия – «сталкер». Это некая помесь мародера с контрабандистом, отморозок, который по ночам, с риском для жизни (его могут погубить вредоносные артефакты Зоны, может застрелить военный патруль, а может убить и конкурент-сталкер) проникает за колючую проволоку, выносит артефактов, сколько сможет, а потом перепродает их специальному скупщику за нехилые бабки. При этом сталкеров ловят и сажают, сталкеры калечатся и погибают, у выживших рождаются дети-мутанты, но – такие деньги оправдывают все! И пока ученые мужи планеты спорят, в чем суть этих артефактов, контейнеры ли это с образцами внеземной техники (заброшенные на Землю с целью облегчить будущий контакт с человечеством) или же обыкновенный мусор, выброшенный некими инопланетными туристами (после пикника на обочине Галактики) – сталкеры по ночам лезут и лезут в Зону, рискуя схлопотать патрульную пулю, подвергнуться какому-нибудь смертоносному излучению Зоны либо вляпаться в убийственный коллоидный газ неземного происхождения...

Выносимые артефакты, что бы они из себя ни представляли, способны принести людям огромную пользу (некоторые из них могут быть использованы, например, как лекарства, как «вечные аккумуляторы», как мощные стимуляторы биологических процессов), а некоторые могут причинить непоправимый вред – так, вынесенный сталкерами из Зоны коллоидный газ начисто разрушил одну из военно-химических лабораторий (там пытались создать из газа новое оружие массового поражения…), а мощный излучатель, способный «смертоносно воздействовать на все виды земных организмов», сгинул, по счастью, где-то в Зоне, так и не попав в руки экспертов из военно-промышленного комплекса…

Но самым привлекательным и самым недоступным из артефактов Зоны является так называемый «Золотой Шар», якобы способный выполнять сокровенные желания. К нему-то и идет в конце повести главный герой, сталкер Рэд Шухарт, идет сквозь все страшные чудеса Зоны, идет, сверяясь по самодельной карте и взяв с собою юного паренька по имени Арчи. Арчи нужен Шухарту вот для чего: на подступах к Золотому Шару сталкеров подстерегает смертельно опасная ловушка – «мясорубка». Рэд хладнокровно пропускает вперед юношу и загоняет того в ловушку. После гибели напарника Рэд беспрепятственно проходит к Золотому Шару и к ужасу своему осознает, что не знает, чего ему желать! Жизнь превратила Шухарта в хищника с клыками и когтями, который всегда рассчитывал лишь на самого себя и не верил ни в какие чудеса, который разучился желать и мыслить! И самое обидное – это то, что Арчи, по всей видимости, сумел сформулировать свое желание. Паренек успел выкрикнуть его за несколько мгновений до смерти: «*Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!*». Но этому желанию, увы, так и не суждено было сбыться... А Рэд Шухарт так и остается сидеть у Золотого Шара. Он молит о том, чтобы Шар сам каким-то образом уловил его желания и исполнил их...

И снова – «подарок» с небес. И вновь неясно, кто и для чего все это сделал. И вновь че-

ловечеству, которое не созрело еще для «подарков» со звезд, преподнесли артефакты не злые и не добрые сами по себе – злыми или добрыми их делают сами люди… Возможно, это и вправду просто мусор – специфический, инопланетный. Возможно, это действительно образцы внеземной техники и продукции, и их назначение – вовсе не служить неиссякаемым аккумулятором для автомобиля или «смертоносно воздействовать на земные организмы», а какое-то совсем иное. Но человечество должно дойти до определенной ступени технического и даже морального развития, чтобы это понять. А пока… Стругацкие дали очень меткий образ: современный телевизор, чудом попавший в пещеру неандертальца. Неандерталец понятия не имеет, как включить телевизор, и единственное, что он может – смотреть в «немой» экран и не видеть в нем ничего, кроме отражения глупой своей волосатой физиономии…

Что скрывать – человечество любит подарки. Люди всегда хотели получать подарки, в том числе и волшебные, необыкновенные, с неба. Только вот обращаться с этими подарками следует очень и очень осторожно – они могут представлять собой опасные игрушки для детей, именуемых «людьми»…

ФАНТАСТИКА: МИР НА ЗЕМЛЕ

Одно из самых древних и самых постоянных (чуть было не сказал – «самых любимых») занятий человечества – это война. Будь я военным, добавил бы еще «одно из самых величественных». Будь я пацифистом – добавил бы «одно из самых отвратительных». Будь я мальтузианцем – не преминул бы сказать «одно из самых необходимых», ибо что, как не война, сокращает население Земли, уменьшает количество жадных ртов, которые чем дальше, тем труднее прокормить?.. Будь я технарем без души и совести – обязательно добавил бы «одно из самых прогрессивных занятий», ибо военные приготовления и военные действия, как ни крути, в значительной мере способствуют научно-техническому прогрессу…

Но я не принадлежу ни к милитаристам, ни к пацифистам, ни к мальтузианцам, ни к технарям. Я обычный человек, осознающий неизбежность военных конфликтов, но видящий в войне зло. Кроме того, я – любитель и знаток научной фантастики. И мне известно, как разные писатели-фантасты, видевшие в войне зло, предлагали решить эту проблему… либо пробовали представить себе, какими необычными способами эта проблема может быть решена.

Условно можно разделить произведения такого рода на две группы. В первой собраны фантастические способы предотвращения войн, придуманные людьми. Во второй – фантастические способы предотвращения войн, предложенные людям существами с других планет. И сегодня мы рассмотрим произведения второй группы.

Один из самых ярких примеров – роман известного японского фантаста Саке Комацу «Похитители завтрашнего дня», изданный в 1965 году. В нем на территорию Японии из Космоса неожиданно прибывает существо из другого мира, лысый коротышка с зонтиком, одетый наполовину по-европейски, наполовину по-японски. Странный тип изъясняется на ломаном японском и называет себя «Гоэмоном» (это имя персонажа театра Кабуки). Выясняется, что этот чудак обладает, тем не менее, потрясающими способностями – он умеет влиять на природу вещей!

Простодушного пришельца хитростью прибирает к рукам некто Дайдзо Тамура – «*человек, не занимающий никаких официальных постов, но из-за кулис заправляющий всей политикой и экономикой страны*». Тамура подговаривает Гоэмона, чтобы тот использовал свои необыкновенные способности и изменил электронную структуру всех взрывчатых веществ на земном шаре. Гоэмон повинуется, после чего по всей планете перестает действовать все оружие, начиная от стрелкового и заканчивая термоядерным!

«*Больше всех растерялись Соединенные Штаты*, – пишет Комацу. – *Еще бы, эта страна давно считала себя самой мощной военной державой мира. И действительно, ее мощь, в основном, зиждилась на разбросанных по всему свету, оснащенных разными видами новейшего оружия военных базах. Разумеется, огромный экономический потенциал Америки тоже играл немаловажную роль, но останется ли этот потенциал на должном уровне без поддержки первоклассной армии?» И далее: «Кое-где в мире начались волнения. Хуже обстояло дело в тех*

странах, где общество кормилось астрономически огромными бюджетными ассигнованиями на военную промышленность. Фондовые биржи Нью-Йорка и Лондона были наводнены акциями военной промышленности по ликвидационным ценам. В первую очередь появились акции крупнейших химических, электрических, авиационных, алюминиевых, нефтяных и судостроительных компаний. Внезапное «всестороннее разоружение» привело экономику в состояние, грозившее инфляцией».

Военные действия тоже коренным образом изменились. С ноткой издевки Комацу повествует о событиях в одной из стран Юго-Восточной Азии, в которой США ведут антипартизанскую войну. После того, как американские морпехи остались без привычных автоматов, пулеметов, гранат, бомб, ракет – их легко стали одолевать туземцы, вооруженные самыми обычными бамбуковыми пиками и луками со стрелами… Короче говоря, цивилизованный мир середины XX века оказывается отброшенным в средневековье, в пору, когда еще не было изобретено огнестрельное оружие.

Против Тамуры ополчается весь «цивилизованный» мир. Американская армия совместно с японскими силами самообороны осаждает старинный замок, в котором укрылся Тамура со своими сторонниками, мастерами древнего военного искусства – фехтования, джиу-джитсу, каратэ, айкидо, стрельбы из лука… Мировая военщина довольно быстро перестраивается: пусть у солдат перестали стрелять винтовки – но остались штыки; пусть танки не могут стрелять из пушек – но они могут давить гусеницами; пусть бомбы стали бесполезными – но ведь самолеты могут сбрасывать на голову врага что-нибудь другое, например, тяжелые камни!..

Безумный Тамура, брошенный сторонниками, совершает харакири… В финале романа Гоэмон, собирающийся улететь обратно на свою звезду, спрашивает главного героя, рядового японского инженера, как ему, всемогущему пришельцу, поступить: вернуть ли мир в прежнее состояние или оставить все как есть? Рядовой японец затрудняются ответить… Финал, таким образом, оказывается подвешенным. Саке Комацу прямо спрашивает читателя: «*А что бы вы ему ответили, люди?*»

Другой, не менее яркий пример – очень интересный и многоплановый роман известного американского фантаста Клиффорда Саймака «Пересадочная станция» (**Way Station, 1963**). По мысли автора, во Вселенной существует Галактическое содружество разумных существ – некий аналог космической Организации Объединенных Наций. Главный герой романа, американец Инек, водит дружбу с инопланетянином по прозвищу Улисс, представителем одной из высокоразвитых цивилизаций, входящих в галактическое содружество. Оба они, и человек, и инопланетянин, часто беседуют об угрозе глобальной термоядерной войны, постоянно висящей над землянами с середины сороковых годов XX века. Инек спрашивает, существует ли у Галактического содружества практика вмешательства в дела других цивилизаций с целью недопущения ее самоуничтожения. Улисс отвечает, что да, такая практика существует, и любой из представителей цивилизации, находящейся на грани самоуничтожения, может инициировать вмешательство в дела родной планеты, официально обратившись за этим в Галактический Центр. Одним из способов спасительного вмешательства, по словам Улисса, является прием под названием «оглупление». Инек замечает, что люди и без того достаточно глупы, куда же более? «*Ты сейчас имеешь в виду дефицит трезвого мышления. Такое встречается часто – не только на Земле, но и по всей Галактике*, – поясняет инопланетянин. – *А я говорю об общем уровне умственных способностей человечества. О состоянии, когда никто не сможет понять науку и технику, что делает возможной грозящую Земле войну. О неспособности справиться с машинами и аппаратурой для ведения боевых действий. Это означает возвращение людей на такую ступень умственного развития, с которой они уже не смогут дотянуться до научных и технологических вершин, покоренных ранее. Тот, кто знал, забудет; тот, кто не знал, так и не выучится. Назад к колесу и рычагу. И тогда ваша страшная война станет невозможна. Это радикальная мера. Но необходимая: войну так просто не остановишь. Цена здесь высока*». «*Таким способом войну не остановить*, – возражает Инек. – *Люди все равно смогут воевать и убивать*». «*Дубинами,* – уточняет Улисс. – *Может быть, луками и стрелами. Винтовками, пока они не выйдут из строя или пока не кончатся патроны. Люди забудут, как делать порох, как добывать металл для пуль и прочие подобные вещи. Пусть вражда и не прекратится, но, во вся-*

ком случае, мир избежит катастрофы. Не погибнут в ядерных взрывах города, потому что никто не будет знать, как запустить ракету или как подготовить боеголовку к запуску. Скорее всего, люди просто перестанут понимать, что такое ракета или боеголовка. Исчезнет вся современная связь. Прекратит существование весь транспорт, за исключением простейших повозок. Война – кроме мелких локальных конфликтов – станет невозможна». Инека тревожит такая перспектива. «*Но сколько это продлится?* – спрашивает он. – *Мы же оглупеем не навсегда?*» «*На несколько поколений*, – отвечает Улисс. – *Потом эффект, если можно так сказать, обработки начнет сходить на нет. Люди в конце концов стряхнут с себя это оглупляющее оцепенение, и снова начнется интеллектуальный подъем. Фактически цивилизация получит второй шанс*». «*Но спустя еще несколько поколений они снова могут прийти к той же самой ситуации, что мы имеем сейчас*», – замечает Инек. «*Возможно. Хотя маловероятно. Развитие культуры вряд ли пойдет тем же самым путем. Есть шанс, что ваша цивилизация станет лучше, а люди не столь воинственны*». Инопланетянин Улисс подчеркивает, что описанный способ предлагается только тем мирам, «*которые, по нашему мнению, заслуживают спасения*».

Ну и еще один, очень интересный пример – роман известного польского фантаста Станислава Лема «Глас Господа». Роман вышел в 1968-ом, и действие его происходит в те же времена. Земные ученые поймали устойчивый, повторяющийся сигнал из глубин Вселенной. Расшифровали его. Создали на основе расшифрованных данных некую вязкую субстанцию под названием «Лягушачья икра» (другое название – «Повелитель мух», поскольку субстанция каким-то таинственным своим излучением губило насекомых). Люди стали чесать в затылке – а для чего она, субстанция эта? Что конкретно имели в виду неведомые инопланетяне, посылая в Космос схему «Лягушачьей икры», закодированную в сигналах? И какое, черт ее побери совсем, можно ей найти практическое применение? На страницах романа горячо спорят о природе полученного сигнала. Одни ученые полагают, что послание вполне осмысленно и содержит какую-то очень важную, но пока до конца не понятую информацию. Другие ученые считают, что сигнал специально отправлен давным-давно некоей сверхцивилизацией, чтобы стимулировать появление жизни на планетах с пригодными для этого условиями (сверхцивилизация вроде как семена разбрасывает по Космосу, грубо говоря). По мнению третьих, этот сигнал – последний крик в пустоту некогда погибшей цивилизации, своеобразное завещание более молодым собратьям по Разуму. Есть и такое мнение, что полученный сигнал вовсе не искусственного происхождения – это просто-напросто «эхо» архидревнейших процессов, сопровождающих рождение Вселенной. Гипотезы, гипотезы... Эксперименты, эксперименты... И вдруг – ошеломляющее открытие: «Лягушачья икра», оказывается, модулирует нейтринное поле и с его помощью способна дробить атомы в одном месте и со скоростью света перебрасывать и восстанавливать их в любом другом месте! Вот так так! Проще говоря, теперь становится возможным перемещать энергию ядерного взрыва в любом количестве и на любое расстояние! И никто, ни одна страна, ни один человек на Земле не сможет уцелеть, ибо от этого процесса не спасут никакие бункеры, никакие убежища... Человечество оказывается на грани нового существования, человечеству предлагается вброшенный со стороны выбор – или суметь поголовно истребить все живое на планете, или же полностью отказаться от ядерного оружия и выжить. Весьма жестокий подарочек со звезд...

…Мир на Земле… Мы ли, земляне, сумеем справиться с войнами? Или же за нас это сделают пришельцы из иных миров? Раз уж мы сами не в состоянии? Вот в чем вопрос…

ФАНТАСТИКА: МЕЧИ НА ОРАЛА

«В Ветхом Завете, в Книге Пророка Исайи (глава 2, стих 4), предсказывается второе пришествие на землю Иисуса Христа и вечный мир, который должен после этого наступить: «И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала и копья свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать».

«Орало» в переводе с церковнославянского – «плуг»

На этот библейский сюжет советский скульптор Вучетич в 1957 году изваял фигуру кузнеца, ударами молота превращающего меч в плуг. Решением Правительства СССР скульптура была подарена Организации Объединенных Наций и установлена перед ее зданием в Нью-Йорке.

Иносказательно: установить мир, отказаться от войны и военных приготовлений, перейти к мирному труду» (Википедия).

…Я часто вспоминаю анекдот: «У человечества есть два выхода пути из кризиса – реальный и фантастический. Реальный – это если прилетят инопланетяне и помогут нам выйти из кризиса. Фантастический – если мы выйдем из кризиса сами…»

Угроза войны, в том числе и ядерной, – это, безусловно, кризис. В своем эссе «Фантастика: мир на Земле» я рассказал о тех произведениях классиков жанра, в которых к миру людей «принуждают» представители внеземных цивилизаций (на примерах романов Саке Комацу, Клиффорда Саймака и Станислава Лема). Это, так сказать, реальный путь… А как насчет фантастического? То есть, способны ли люди сами справиться с угрозой войны?

Оказывается, да.

Известному американскому фантасту Курту Воннегуту принадлежит рассказ «Эффект Барнхауза», действие которого происходит в 60-70-е года прошлого века. Некий американский психолог, профессор Артур Барнхауз, в совершенстве овладел так называемой «психодинамической силой». Другими словами, он сумел высвободить энергию мысли и управлять ею по своему желанию; профессор Барнхауз хвастал тем, что может в любую минуту, «не вставая из-за стола, стереть с лица Земли все, что угодно, от знаменитого боксера Джо Луиса до Великой Китайской стены», и намекал, что при желании способен передать свое умение другому человеку либо словесно, либо письменно. Профессор, впрочем, хорошо понимает, в каком мире он живет, и поэтому отправляет государственному секретарю США письмо следующего содержания: «Я открыл новую силу, которая не требует никаких затрат и при этом, возможно, окажется полезнее атомной энергии. Мне бы хотелось, чтобы эта сила служила делу мира, и поэтому я обращаюсь к вам за советом, как это сделать лучше всего» (при этом Барнхауз честно признавался: «Что из всего этого выйдет, я совершенно себе не представляю»). Впрочем, проницательный читатель и так поймет, что из всего этого выйдет. Один из сенаторов провозглашает: «Кто владеет эффектом Барнхауза, тот владеет миром!» и требует ассигнований на исследование психодинамизма. И, само собой, профессора Барнхауза заполучает в свое распоряжение Пентагон, как же без этого (не зря сам Воннегут в одном из интервью горько пошутил: «Над чем бы ученые ни работали, в конечном итоге все равно получается оружие»). Следуют всевозможные эксперименты, во время самого наглядного и эффектного из которых Барнхауз силой мысли топит сто двадцать кораблей-мишеней и сбивает пятьдесят реактивных бомбардировщиков и десять баллистических ракет! При этом профессор продолжает твердить, что намерен использовать свой чудесный дар в мирных целях и для блага всего человечества, но большие военные «шишки» непреклонны. Один из генералов говорит: «Как я хотел бы, чтобы мир был способен принять ваши идеалы, но он просто к этому не готов. Мы окружены не братьями, а врагами. Мы находимся на грани войны не потому, что не хватает еды или энергии: идет борьба за власть. Кто будет владеть миром – мы или они?». Кончается все тем, что профессор самым таинственным образом исчезает из секретной лаборатории Пентагона, оставив следующую записку: «Джентльмены! Будучи первым сверхоружием, обладающим совестью, я изымаю себя из арсенала государственной обороны. Оружие поступает подобным образом впервые в истории, но я ухожу по чисто человеческим причинам». Ой, что тут начинается! Спецслужбы, сбиваясь с ног, ищут беглеца по всему свету, но тщетно: профессор умело уходит от преследования и прячется так, что найти его решительно не представляется возможным… «Ястребы» разных стран скрипят зубами, но что тут поделаешь? И все с нетерпением ждут известия о кончине Барнхауза – он ведь пожилой человек… Понимает это и сам профессор. И в один прекрасный день молодой ассистент Барнхауза находит в почтовом ящике письмо с десятью странными фразами – в них заключен секрет «эффекта Барнхауза». Итак, профессор передал свой дар молодому помощнику, с тем, чтобы мощная психодинамическая сила и

далее служила делу мира, а не работала бы на войну…

Небольшой по объему рассказ **Piece of Wood** (в русском переводе «Ржавчина») был написан американским фантастом Брэдбери в 1952 году, когда набирала силу «холодная война». Сюжет рассказа таков. Молодой сержант является на прием к полковнику и заявляет: «*Я хочу жить без войн. Хочу узнать, что за ночь каким-то образом пушки во всем мире превратились в ржавчину, что бактерии в оболочках бомб стали безвредными, что танки провалились сквозь шоссе и подобно доисторическим чудовищам лежат в ямах, заполненных асфальтом. Вот мое желание… Что делали бы вы, начальство, что делали бы мы, солдаты, что делал бы весь мир, если бы все мы завтра проснулись, и пушки стали бы ненужными?*» Полковник, понимая, что имеет дело с человеком тонкой душевной организации, отвечает спокойно: «*Это интересный вопрос. Я люблю поболтать о таких теориях. По-моему, тогда возникла бы настоящая паника. Каждый народ подумал бы, что он один во всем мире лишился оружия, и обвинил бы в этом несчастье своих врагов. Начались бы массовые самоубийства, акции мгновенно упали бы, разыгралось бы множество трагедий*». «*А потом?* – не унимается сержант. – *Потом, когда все поняли бы, что это правда, что оружия нет больше ни у кого, что больше никого не нужно бояться, что все мы равны и можем начать жизнь заново…Что было бы тогда?*» «*Все принялись бы опять поскорее вооружаться*», – пожимает плечами полковник. «*А если бы им можно было в этом помешать?*» – не унимается сержант. «*Тогда стали бы драться кулаками. На границах сходились бы толпы людей, вооруженных боксерскими перчатками со стальными вкладками; отнимите у них перчатки, и они пустят в ход ногти и зубы, и ноги. Запретите им и это, и они станут плевать друг в друга. А если вырезать им языки и заткнуть рты, они наполнят воздух такой ненавистью, что птицы попадают мертвыми с телеграфных проводов, и все мухи и комары осыплются на землю*». «*Значит, вы думаете, что в этом вообще не было бы смысла?*» – продолжает сержант. «*Конечно, не было бы! Ведь это все равно, что черепаху вытащить из панциря. Цивилизация задохнулась бы и умерла от шока*».

Вот тут-то сержант и заявляет, что создал небольшой – величиной со спичечный коробок – но очень эффективный прибор. На это ушло много лет, парню пришлось изучать физику и металлургию, и он сообразил: атомы оружейной стали расположены в определенном порядке и можно найти фактор, который нарушил бы их равновесие. В воздухе всегда присутствует вещество, вызывающее ржавчину – водяной пар; нужно было отыскать способ вызвать у стали своего рода «нервный шок», и тогда водяные пары принялись бы за свое дело…

«*Разумеется, я имею в виду не всякий металлический предмет*, – уточняет сержант. – *Наша цивилизация основана на стали, и большинство ее творений мне не хотелось бы разрушать. Я хотел бы вывести из строя пушки, ружья, снаряды, танки, боевые самолеты, военные корабли. Попросту прошел бы около любого оружия, и этого было бы довольно, чтобы оно рассыпалось в прах*». Полковник, ясное дело, встревожен и советует парню сходить к врачу; разумеется, он принимает сержанта за сумасшедшего! Но сержант продолжает: «*Радиус действия моего прибора – девятьсот миль. Я мог бы настроить его на определенный вид стали и за несколько дней объехать всю Америку. Остальные государства не могли бы воспользоваться этим, так как я уничтожил бы любую военную технику, посланную против нас. Потом я уехал бы в Европу. За один месяц я избавил бы мир от страшилища войны. Не знаю в точности, как мне удалось это изобретение... Я тоже думал о том, что случится, если сорвать панцирь с черепахи, как вы выразились. А теперь я решился. Беседа с вами помогла мне выяснить все, что нужно. Когда-то никто не представлял себе летательных машин, никто не думал, что атом может быть губительным оружием, и многие сомневаются в том, что когда-нибудь на земле воцарится мир. Но мир воцарится, уверяю вас*». С этими словами сержант встает и уходит – у него начался отпуск, и он волен идти, куда захочет. После его ухода полковник вдруг обнаруживает, что все металлические предметы в его кабинете превратились в ржавую труху! Полковник звонит на КПП и велит часовому задержать сержанта-изобретателя, а в случае необходимости и застрелить его. На это часовой в смятении отвечает, что не сможет этого сделать, поскольку его автомат рассыпался в ржавую пыль…

«*Полковник тяжело сел и с полминуты задыхался и жмурился. Он ничего не видел и не слышал, но он знал, что там, за этими стенами, ангары превращаются в мягкую красную ржав-*

чину, что самолеты рассыпаются в бурую, уносимую ветерком пыль, что танки медленно погружаются в расплавленный асфальт дорог, как доисторические чудовища некогда проваливались в асфальтовые ямы – именно так, как говорил этот молодой человек. Грузовики превращаются в облачка оранжевой краски, и от них остаются только резиновые шины, бесцельно катящиеся по дорогам».

Обуреваемый желанием остановить сержанта, а если понадобится – то и убить его, полковник отламывает от стула ножку – и с диким воплем выбегает из кабинета… На этом рассказ заканчивается.

Наивно? По-детски? Да. Собственно, Брэдбери до конца дней своих так и оставался большим ребенком. Но устами младенца, как известно, глаголет истина. Сержант-пацифист, талантливый изобретатель, сумевший найти способ превращения оружейной стали в ржавчину, – один из многих людей, желающих мира и ищущих способ выбить из-под Ее Величества Войны самую ее опору…

ФАНТАСТИКА: ГАДАНИЕ НА БОБАХ

Прогнозы… Прогнозы… По любому случаю. Ближайшие и дальние.

…Осенью 1983-го года в Дискуссионном клубе Азербайджанского Государственного университета мы, студенты биофака, горячо обсуждали статью, напечатанную в 6-ом номере советского журнале «Природа» за тот же год. Статья называлась «Знакомьтесь: животный мир будущего», принадлежала перу И.Н.Крылова, доктора геолого-минералогических наук, москвича, и представляла собой, по сути, рецензию на книгу шотландского палеонтолога Дугала Диксона «После человека: зоология будущего» (книга была издана в 1981-ом одновременно в Лондоне, Торонто, Сиднее, Нью-Йорке и Гранаде и практически сразу стала бестселлером). Автор книги, ученый и художник, попробовал представить себе и даже нарисовать, как будут выглядеть, по его мнению, животные отдаленного будущего – будущего, в котором от человека не осталось и следа. Написанная суховатым, научным языком, книга читалась, тем не менее, как захватывающий фантастический роман. Сразу было видно, что у Дугала Диксона все в порядке с воображением. Во всяком случае, он весьма наглядно описал планету будущего (Африка, Евразия, Северная Америка и Австралия, соединенные в гигантский суперконтинент; отколовшийся от восточного побережья Африки громадный кусок, отползший в Тихий океан и образовавший остров Лемурию; выросший из-под воды в самом центре Тихого океана мегаостров Батавия; и так далее), а также и населяющий ее животный мир, продукт продолженной в будущее эволюции. От цветных, мастерски исполненных иллюстраций голова шла кругом – такого обилия разнообразнейших и причудливых форм не увидишь ни в горячечном бреду, ни в голливудском фантастическом блокбастере. Все эти «кролиды», «крысогепарды» и «крысоволки», «вакки», «долотоголовы», «стригры», «пустынные игольщики» и двуногие «плавниковые ящерицы»... «Летышка», являющая собой помесь мартышки и белки-летяги… «Щелеспинная антилопа», смахивающая на современную нам канну, но с высоким костистым гребнем вдоль спины, в щели этого гребня устраивают свои гнезда певчие птахи… «Крысоморжи», занявшие в морях место вымерших ластоногих… Гигантские пингвины «вортексы», заменившие в океанах исчезнувших китов… Особенно же впечатлил меня Night Stalker – крупный хищник, потомок летучей мыши, существо с ногоподобными передними конечностями и рукообразными задними, с огромными кожистыми ушами и острозубой пастью (по мнению Диксона, «ночные сталкеры» будут обитать на гигантском острове Батавия)... Но, как бы невероятно ни выглядели все эти твари, Дугал Диксон, надо заметить, не высасывал их из пальца и не брал, что называется, с потолка; созданные его воображением животные строго соответствовали современным понятиям о развитии органического мира – то есть, были в достаточной степени научны. Так вот, мы, студенты, яростно обсуждали эту книгу, страсти вокруг нее то утихали, то вспыхивали с новой силой. Позднее рецензии на «Зоологию будущего» опубликовали и «Вокруг света», и «Знание-сила», массовые научно-популярные журналы; кстати, некоторые советские ученые весьма ядовито отзывались о книге Диксона, полагая, что с точки зрения эволюции появление таких животных в будущем совершенно невозможно (осо-

бенно измывались над «ночным сталкером», у которого руки выполняли роль ног и наоборот; но ведь, если вдуматься, у нынешних летучих мышей передние конечности служат для передвижения, а задние – для хватания; меня, кстати, очень поразило недавнее сообщение из Китая о свинье, родившейся без задних ног – она научилась ходить на передних ногах, ловко балансируя!). И нами, студентами, вопрос ставился так: действительно ли Диксон сумел пророчески предвидеть пути дальнейшей эволюции животного мира, либо же все его выкладки следует рассматривать как беспочвенное фантазирование и не более того? Я, любящий фантастику чуть ли не с младенчества, был, естественно, на стороне Диксона. Восхищаясь его воображением, я считал, тем не менее, что он довольно точно продолжил в будущее тенденции эволюционного развития, и животные грядущих эпох будут выглядеть именно так (ну, или почти так...). Да и вообще я признавал за любым ученым право на фантазию! Сторонников Диксона среди нас набралось несколько человек; противников было гораздо больше. По мнению последних, шотландец напридумывал черт-те что, и проверить это никоим образом невозможно, поскольку никто из нас до этого отдаленного будущего все равно не доживет... Я, чей ум не зашнурован, по словам Мефистофеля, в испанские сапоги, в сердцах обвинил своих оппонентов в косности мышления и в отсутствии здорового воображения (да еще и процитировал слова Ленина: «фантазия есть качество величайшей ценности»). Оппоненты обозвали меня «безответственным фантазером», которого и близко нельзя подпускать к серьезной науке, и после этого дебаты стихли. (Правда, очень скоро в Клубе вспыхнули оживленные дискуссии по поводу романа Ивана Ефремова «Лезвие бритвы», выпущенного азербайджанским издательством; споры длились чуть ли не до ночи, и порой вахтерам приходилось выдворять нас из аудитории чуть ли не силой... Да, вот такие были времена).

Позднее Дугал Диксон проявился в нашей жизни еще раз: «Комсомольская правда» в одном из февральских номеров за 1989-ый год рассказала о следующей книге шотландского палеонтолога, «Новые динозавры» (она также стала бестселлером – нечастый случай для научно-популярного труда!). На сей раз Диксон задался таким вопросом: как бы выглядели динозавры, если бы не вымерли в свое время, а дожили бы до наших дней, продолжая развиваться в соответствии с законами эволюции? И снова – красочные иллюстрации. И вновь – не голая фантазия, а вполне научный подход: Диксон заложил в компьютер данные об исходных параметрах всех известных науке динозавров и учел приспособляемость этих рептилий к изменениям в окружающей среде, которые произошли за все это время. Ученый заявил, что существа, основные данные которых выдал ему компьютер, можно считать вполне реальными; именно так бы и выглядели динозавры, доживи они до наших дней и развивайся бок о бок с млекопитающими и людьми... А в одном из лондонских музеев были выставлены несколько необычных муляжей – те самые «неодинозавры», изготовленные из пластика и резины. Диковинные, яркие... По поводу этой книги мы уже не дискутировали. В 89-ом нас занимали дискуссии совсем иного рода – о Нагорном Карабахе, о самофинансировании науки, о судьбе Советского Союза...

Позднее Дугал Диксон выпустил третью подобную книгу («Человек после человека: антропология будущего», с предисловием известного британского фантаста Брайана Олдисса), но я, каюсь, оставил этот его опус без внимания. Однако мне было известно, что Диксон принимал участие в создании канадского научно-популярного фильма «Дикое будущее» (2003-й год) – очередной попытки предсказать, как будет выглядеть флора и фауна Земли через 5, 100 и 200 миллионов лет, попытки, на этот раз предпринятой с помощью кинематографа и с широким применением компьютерной графики. Согласно прогнозам американских, канадских и германских ученых, через 5 миллионов лет на Земле наступит очередной ледниковый период, и по европейской тундре будут бродить клыкастые «снегозвери», а по засушливым саваннам, что раскинутся на месте нынешней амазонской сельвы – бегать гигантские хищные птицы «каракиллеры»... Через 100 миллионов лет стодвадцатитонный потомок черепах – «торатон» – будет топтать болотистые равнины Бенгалии, а в лесах Антарктиды заведутся «жуки-огнеплюи»... Через 200 миллионов лет рыбы станут порхать в ветвях деревьев, появятся «древесные осьминоги», ловкие, как обезьяны, а сухопутные «мегакальмары» (величиной со слона) облюбуют густые хвойные леса, поливаемые бесконечными ливнями... Но не через 200, ни

через 100, ни даже через 5 миллионов лет на Земле не будет, увы, человека. По мысли создателей фильма (среди которых, напомню, был и Дугал Диксон) нашу планету заселят чудовища, которых породит эволюция грядущего – это и термиты с зачатками разума, строители настоящих крепостей, и крупные прыгающие улитки, и птицы, приспособившиеся жить под водой, и многие другие... Авторы удивительного проекта позволили зрителям увидеть чудовищ грядущих эпох практически «живьем». Суперреалистическая компьютерная анимация создала полную иллюзию захватывающего путешествия во Времени...

Так ли уж невозможны твари будущего, придуманные (или рассчитанные) Диксоном? Не думаю. Формы жизни бывают необыкновенно разнообразными. Бывают и были: огромнейшее число видов животных вымерло, и то, что мы видим вокруг себя – это ничтожная часть фауны планеты Земля, капля в море… В мезозое существовали всевозможные динозавры, иногда столь причудливого вида, что какая-нибудь вымышленная «вакка» не покажется рядом с ними чем-то из ряда вон выходящим. А в эоцене-олигоцене кайнозойской эры обитало столько слонов и носорогов с разным количеством бивней и рогов самой разной формы, что их вряд ли переплюнут «гроаты», «шлемороги» и «гигантилопы» Диксона со всякими чудовищными наростами на башке и на морде… Нет, тут у меня никаких претензий к автору нет.

А вот что касается прогнозирования…

Я твердо уверен в том, что никакое сколь-нибудь точное прогнозирование эволюционного процесса невозможно в принципе. Потому что мы, прогнозируя что-либо, опираемся на факторы, которые можем предусмотреть, но часто забываем о том, что в будущем могут возникнуть и совершенно непредвиденные факторы, которые легко сломают все наши прогнозы. Тот же Дугал Диксон в книге «Новые динозавры» сказал: «Если бы не катастрофа, вызвавшая массовую гибель всех динозавров, эволюционные процессы вполне бы могли дать «разум» одному из многочисленных видов древних ящеров... и тогда вообще не могло бы возникнуть ни человека, ни человеческой цивилизации»... И это действительно так. Как показывают новейшие палеонтологические находки, перед самым вымиранием динозавров на Земле уже появился особый вид двуногих ящеров ростом с человека и со свободными передними конечностями. Мозжечок и продолговатый мозг этих ящеров сопоставим с таковыми у человека. И если бы этот вид не вымер вместе с остальными динозаврами, то он, по мнению специалистов, смог бы дать начало разумным существам на Земле! Вместо человека!

Но попробуйте представить себе какую-нибудь мезозойскую ящерицу, наделенную разумом, которая сидит под папоротником и пытается спрогнозировать ход развития эволюции на ближайшие 100 миллионов лет! Разумеется, эта мыслящая ящерица видит будущее исключительно за динозаврами, и ей невдомек, что очень скоро все царство динозавров сгинет без следа и на арену выйдут млекопитающие, в настоящее время боязливо шмыгающие под кустами, постепенно дойдет дело и до приматов, а уж одна из ветвей приматов даст начало Человеку Разумному, который неузнаваемо и необратимо изменит лик планеты.... Разве могла эта гипотетическая мыслящая ящерица предусмотреть исчезновение динозавров – исчезновение, причины которого до сих пор не могут сколь-нибудь правдоподобно объяснить?! А мы – разве мы можем предусмотреть в своих прогнозах все? Да у нас же воображения для этого недостанет!

Палеонтологию, изучающую вымерших животных, я в шутку называю «гаданием на костях». А попытки предугадать дальнейшую эволюцию животного мира – это, пожалуй, гадание на бобах, и попрошу на меня не обижаться…

Баку,
январь – октябрь 2017 г.

НАТИГ МАМЕДЛИ

Р А С С К А З Ы

Перевод Али САИДОВА

Клоун

– Я хочу это, хочу это…это… – пятилетний мальчонка хныкал, не переставая. Показывая на клоуна, он тянул за руку мать.

– Хорошо, скажем папе, он его позовет.

– Нет, я сам хочу пойти к нему.

– Нельзя.

– Но почему?

– Люди не должны ходить к клоуну. Он сам должен прийти. Скажем папе, он закажет клоуна.

Был день рождения Сарии-ханым. Родственники, друзья собрались в ресторане, где по заказу Лютфи-муаллима накрыли стол. Ему не очень хотелось устраивать торжество жене, которая была младше него на пятнадцать лет, тем не менее, он вынужден был это сделать. Потому что на прошлой неделе на юбилее подруги Сария на все смотрела с нескрываемой завистью. И он дал себе слово, что обязательно пышно проведет день рождения жены. Да еще как…

Чтобы все прошло хорошо, он собирался сплавить малолетнего сына к няне, дабы, говоря его словами, под ногами не путался. Но сын был не менее упрям, чем отец, и Лютфи просто не выдержал его хныканья. Вначале мальчик в окружении взрослых вел себя прилично, но потом, видимо, вспомнил, что он ребенок. Увидев издалека клоуна, стал канючить: «Это хочу, это…».

– Закажи этого клоуна, а то ребенок совсем извелся, – сказала Сария.

– Чего? – не замедлил отозваться отец.

– Это хочу, это… – опять захныкал сын, указывая на клоуна.

– Сейчас организуем, – Лютфи подозвал официанта. – Скажи этому мужику, пусть подойдет сюда.

– Он же к столам не подходит, муаллим, – у официанта, много лет проработавшего в ресторанах, выработалась профессиональная привычка: принимая заказ у клиента, выгибать спину наподобие легкого поклона и независимо от профессии всех называть «муаллим». На самом же деле он сам был муаллим, одно время преподавал в школе физику…

– Как это к столу не подходит? – Лютфи рассерженно посмотрел на официанта и, не дожидаясь ответа, произнес: – Иди, позови сюда администратора. – Лютфи после фразы, все еще жуя, громко икнул прямо в лицо официанту.

– Знаете, муаллим, такой порядок, … клянусь. Детей отправляют к клоуну, чтобы он их развлекал. Он же не может подойти сюда и мешать вашему отдыху, да-

вайте я отведу малыша…

– Да, да, я пойду, – мальчик попытался побежать.

– Сиди, я тебе сказал. Я сказал, что он придет сюда и кончено!

– Папа, ну позволь, я пойду к дяде клоуну.

– Послушай, нельзя клоуна называть дядей. Здесь сидят твои дядья, каждый похож на здорового бычка, но ты их дядями не называешь. Скажи мужику, чтобы шел сюда, – опять приказал он, набычившись, официанту.

– Не беспокойся, мой пончик, сейчас он придет.

– Мама, я сто раз тебя просил не называть меня пончиком, – Лютфи гневно посмотрел на мать.

Его щеки всегда были алыми. Еще в детстве из-за небольшого роста, алых щек и полноты его все называли «Пончик-Лютфи». И вот теперь, после изрядно выпитого и спора с официантом, его щеки еще более раскраснелись, став действительно похожими на пончики.

Клоун работал в ресторане уже много лет. В то время это был даже не ресторан, а просто рабочая столовая. Хотя она и предназначалась для рабочих нефтеперегонного завода, сюда заходили и прохожие, ставшие постоянными клиентами. Он тогда работал официантом. В один прекрасный день сняли заведующего. Новый шеф основательно обновил столовую. Расширил двор, посадил пальмы, которые никогда не шли в рост, устроил себе кабинет…Одним словом, после вложения солидного капитала столовая стала рестораном. Появились новые клиенты, рабочим, просто прохожим путь был заказан. А он оставался на своей работе, обслуживал клиентов. Теперь он был не один, шеф из молодых ребят набрал официантов. А ему намекнул, что пожилой официант только разгонит клиентов, лучше будет, если он перейдет на кухню. Проработав некоторое время на кухне, он вдруг подумал: а может, ему стать клоуном? Но сперва с этим не согласилась жена: «Что за клоун, ты чего, с ума сошел? Ты что, в этом возрасте сможешь быть клоуном?». «А почему нет. Вместо того, чтобы, как кошка, ковыряться на кухне, лучше детишек буду развлекать. И потом, кто меня узнает в гриме, колпаке и маске? Завтра скажу шефу».

Шеф инициативу поддержал, сразу согласился. Ему сшили цветной колпак с помпоном, костюм в красную, голубую и зеленую полосы, большой желтый нос. Он быстро освоился с новой профессией. Вскоре он превратился в любимца не только детей, но и перепивших взрослых. Некоторые приходили в ресторан именно из-за него. В рекламных роликах ресторана на телевидении он был главным действующим лицом. Выбирая эту профессию, он не ошибся в одном: клоунов любили и уважали во все времена, даже толики этого уважения он не чувствовал, работая официантом.

Примерно через три минуты клоун приблизился к столу.

– Ты где застрял, слушай, – Лютфи налившимися кровью глазами смерил клоуна с ног до головы. – Ты на него посмотри, на его костюм, колпак! Слушай, ты мужчина?

Он был готов к таким вопросам. Ему множество раз приходилось отвечать на бессмысленные вопросы не только детей, но и мужчин, от чрезмерно выпитого впавших в детство. Но такой дурацкий вопрос ему задавали впервые.

– Я клоун, – спокойно ответил он.

– Не мужчина? Почему? – вопрос повторно задал с другого конца стола брат Лютфи, тучный мужчина, обгладывающий баранье ребрышко.

Он опять спокойно ответил:

– Я клоун.

– Слушая, мы не об этом, тебя спрашивают, мужчина ты или нет? – на этот раз взъелся другой брат Лютфи.

Ему очень хотелось сказать: «вам что, мужик нужен?», но сдержался.

– Ладно, не знаю, кто ты такой, погляди, что мальчик хочет, – Лютфи сунул руку в карман, вынул десятку и прилепил ее на нос клоуна.

– Как зовут тебя, малыш?

– Меня зовут Турал, дядя клоун.

– Опять дядя. Тебе не стыдно перед своими дядьями? – Лютфи обиженно посмотрел на сына. – Нельзя называть клоуна дядей.

– Турал, сынок, пойдем, поиграем в мяч.

– Поиграем, – мальчик чуть не плакал от радости.

Он бросил голубой мячик мальчику, а сам, жеманясь, стал подпрыгивать. Мальчик от радости тоже подпрыгивал, пытаясь подражать клоуну. Поиграв немного в мяч, он предложил мальчику сыграть в ловитки. Вплеснув руками, Турал бросился за ним. Громко смеясь, он схватил клоуна за хвост и они стали крутиться вокруг столов.

– Ой, не поняла, почему клоун заставляется мальчика крутиться между людьми? – поставив на стол пустой бокал, Сария обернулась к мужу.

– Слушай, ты, почему мальчика между столами крутишь? – спросил Лютфи клоуна, беспрерывно икая.

– Понимаете, здесь нельзя играть по-другому. Позвольте, я заберу мальчика к другим детям.

– Нет, ни в коем случае, играйте здесь. Причем в ту игру, которую скажу я. Наклонись, пусть мальчик взберется тебе на спину, потом бегай, сколько хочешь.

– Не хочу я на спину, – всхлипнул Турал.

– Сядешь, да еще и понукать будешь. В твоем возрасте я не слезал с ишака…

– Лютфи, ты на самом деле катался на ишаках? – спросила Сария.

– А что? Или ты считаешь, что я всю жизнь на джипах ездил?

За столом послышался смешок. Лютфи говорил так громко, что окружающие не могли не услышать его.

Погода была теплой, даже не верилось, что на дворе ноябрь. Клиенты сидели во дворе, под пальмами на берегу искусственного пруда.

Клоун посадил мальчика на спину и начал скакать, как лошадь. Мальчику это понравилось. Иногда покрикивая «но-но», он понукал клоуна.

Вдруг он наклонился и шепотом спросил:

– Ты ишак?

– Нет, я лошадь.

– А почему мой папа в детстве садился на ишака?

– А потому, что твой папа кроме ишака больше ничего не видел, – ответ мальчику клоуну самому очень понравился, даже на душе стало легче. Но в один момент испугался: а вдруг мальчик скажет отцу. Что тогда? Потом он решил поправить ситуацию: – Знаешь, Турал, лошадь меньше ишака, вот вырастешь, тоже будешь, как отец, ездить на ишаке…

– Эй ты, а ну-ка поди сюда, – раздался хриплый голос Лютфи. – Предлагаю поднять бокалы за нашего клоуна.

Лютфи был уже «готов». В такие моменты его лучше не трогать. Иначе мат будет стоять трехэтажный.

– Держи это, – он протянул клоуну наполненную до краев рюмку.

– Прости, начальник, но мне нельзя. Клянусь, нельзя. Что я потом детям скажу?

– Говорю тебе, держи.

Турал все еще сидел на спине клоуна. Видя настойчивость отца, он заплакал.

– Поставь на пол этого сукиного сына. Слушай, не плачь, будь мужчиной. Разве можно плакать на мамином дне рождения? Пусть клоун с нами выпьет, потом будет играть с тобой в мяч.

– Дядя клоун, пей. Потом в мяч поиграем.

– Видишь, что малыш говорит, пей…

Клоун взял рюмку и одним махом опрокинул в рот содержимое. Подхватил мяч и хотел удалиться.

– Нет-нет, ребенка не надо никуда забирать, здесь играйте…

Вдруг Лютфи, задрав ногу, ударил по мячу, который был зажат подмышкой у клоуна. Мяч отлетел и упал в пруд. Турал вновь заплакал, на этот раз навзрыд…Расстроенный клоун погладил его по голове, попытался успокоить:

– Не плачь, в пруд упал голубой мяч, сейчас я принесу красный.

– Нет, я хочу этот.

– Хорошо, я сейчас его достану.

Один из официантов принес длинную палку. Подталкивая мяч, подогнал его к берегу. Клоун наклонился, чтобы достать мяч, и тут…Он даже не понял, что случилось, только почувствовал сильный удар и полетел в воду. Вода была ледяной, и он почувствовал, что холод продирает до костей. Цвета специально сшитого костюма перемешались. Сидевшим за столом показалось, что это был очередной трюк клоуна, чтобы рассмешить ребенка. Все стали аплодировать. И только мальчик видел, как его отец пнул клоуна, а потом начал хохотать.

Клоун вылез из пруда, вода ручьями стекала с его одежды. Подойдя к мальчику, протянул ему мяч.

– Ты мужчина? – шепотом спросил мальчик.

– Я клоун, – ответил он.

– А кто такой мужчина?

– Мужчины – это твой папа, дядья…

Вдруг мальчик громко сказал:

– Я хочу быть клоуном…

Моя первая ложь

– Пришел, дорогой? Что ж так опаздываешь? – Абдул, подцепив на крючок линотипа четырехкилограммовую свинцовую болванку, поздоровался со мной.

– Искал книгу в читальном зале, жаль, только время потерял.

– Не нашел?

– Найти-то нашел, но все нужные мне страницы выдраны.

– Значит, тебя опередили.

Только я хотел сказать, что никогда не порву книгу, как из примыкающей к коридору комнаты раздался голос нашего ответсекретаря Талят-муаллима: «Ну, где ты пропал? Иди поешь, работы у нас сегодня много».

Абдул, словно полено, прицепил вторую свинцовую болванку к крючку и мотнул головой: «Пока пообедаем, свинец расплавится».

Работники нашего цеха, как бы ни были завалены работой, никогда не пропускали обеденный перерыв. Надо сказать, ассортимент продуктов у них всегда был один и тот же: копченая колбаса, соленые огурчики, отварные яйца, хлеб и, конечно же, «чекушка». К концу месяца ассортимент становился скуднее, но в любом случае соленые огурцы и «чекушка» оставались неизменными.

Когда я только пришел сюда работать, Абдул предупредил меня о том, что подобные собирунчики здесь – дело привычное, мол, еще с советских времен так повелось. Тогда обеды здесь были бесплатными, а тем, кто работал в горячих цехах, выдавали бутылку гатыга, чтобы шлаки выводить из организма. Поэтому работники никак не могли избавиться от этой советской привычки: есть еда или ее нет, обеденный перерыв – это святое. Дай бог здоровья и буфетчику, хотя он и не выдавал бесплатно гатыг, но до конца месяца для ребят кредит был открыт.

Когда вслед за Абдулом я вошел в небольшую комнатку, не поверил собственным глазам. Чего только не было на длинном узком столе: шекербура, пахлава, халва, крашеные яйца, шоколадные конфеты, слоеные пирожки… Одним словом, Талят-муаллим придал столу дизайн второй страницы нашей газеты. Он обычно держал ее для официальных и оперативных сообщений, а в правом верхнем углу, как он говорил, должны стоять самые важные новости. А теперь вот это самое важное место стола пустовало – там должна была стоять «чекушка».

У меня кольнуло в груди: «Черт, опять меня пошлют за водкой». Что поделаешь, у молодости свои недостатки… Но нет: Талят-муаллим наклонился, вынул из-под стола две бутылки «Агдама», поставил их на самое важное место и я успокоился.

– Это Сашины проделки, сейчас и сам придет, – ответсекретарь не успел договорить, как вошел Саша, которого я называю Сергеем Николаевичем. – Ну как? – спросил он и, взяв шекербуру, целиком отправил ее в рот.

В тот день я встал с утра пораньше, отсидел три скучные двухчасовки в университете, потом в читальном зале… Короче, был страшно голоден и потому набросился на еду.

Обычно обед время от времени прерывался тостом, а Абдул частенько подкалывал Сашу, называя его «дядя Степа-великан». Странно, но сегодня почему-то не было ни тостов, ни шуток. Молча разливали вино в пожелтевшие от чифира граненые стаканы Талят-муаллима. Под конец Абдул закурил. Я понял, что это знак того, что пора приступать к чаепитию. Нехотя встав из-за стола, я направился в угол, где пыхтел чайник.

– Вот это другое дело, – сказал Абдул, разворачивая фантик московской конфеты. – Спасибо, Саша, царство всем небесное.

– Спасибо, Саша, да будет им земля пухом, – поддержал его Талят-муаллим, поглаживая раскрасневшиеся щеки.

Вначале это мне показалось шуткой – порой невозможно было определить, когда они говорят всерьез, а когда шутят. Может, и сегодня та же ситуация, но мне стало интересно, о чем это они.

– О ком речь?

– Обо всех умерших, – поспешил пояснить Абдул, поняв, что сказанное ответсекретарем меня не удовлетворило. – Сегодня же праздник. Вот по этому случаю Саша сходил на Ясамальское кладбище и собрал с могил все сладости. А ты что

думал, что все это мы сами приготовили?

Мне стало не по себе, холодный пот выступил на лбу, по телу пробежали мурашки, а плотно сжатые зубы стали громко стучать…

– Слушай, ты случаем не блеванешь? – Талят-муаллим поднял на меня покрасневшие глаза. – Абдул, ну зачем ты сказал это при ребенке? Пойди, умойся прохладной водой…

Висевшая на цепи болванка медленно таяла, растворяясь в жерле печи. Абдул сел за линотип и начал набирать текст по пожелтевшей бумажке. Еще горячие свинцовые строчки с щелканьем вылетали, ровно укладываясь в газетные колонки. Раньше жар от линотипа жег лицо, дышать было трудно, но потом я привык, и если не учитывать летнего зноя, возле машины было даже уютно, особенно зимой.

Да, я же не сказал, кто я такой и чем занимаюсь. Недавно мне исполнилось девятнадцать, учусь на втором курсе университета, но большую часть своего времени провожу в «горячем» цехе. Сперва беру у Абдула свинцовые отливки строк еще горячими, несу Саше, а он по макету, расчерченному Талятом, верстает страницу и выдает распечатки, которые я бегом несу на шестой этаж главного корпуса, где редактор правит и отправляет обратно в цех, на доработку. В день выхода газеты эту операцию я проделываю, как минимум, двести раз.

Говорят, наша газета раньше выходила раз в месяц. Потом редактор почему–то решил выпускать ее раз в неделю, еще позже – в неделю два раза. Именно тогда один из моих друзей, который часто ошивался в издательстве, сказал, что нашел для меня работу в одной из газет (где я сейчас и работаю) на полштата. Сперва на подхвате, потом можно и статьи писать. Не раздумывая, я согласился. В библиотеках, куда я ходил, нужных мне книг не было, а в тех, которые я находил, необходимые страницы были вырваны. Правда, там я познакомился с несколькими девушками, но тоже без особой пользы. Боже, сколько же у человека может быть бесперспективных знакомств! Потому я пришел в газету.

Вот уже шесть месяцев работаю в «горячем» цехе. Но этот день для меня особенно дорог. Сегодня в газете выйдет моя статья. Я радовался, как ребенок! Нет, не потому, что получу гонорар, а потому, что публикация – первая. Не знаю, приходилось ли вам пережить подобное, но все первое особенно дорого: первый курс, первая любовь… Мое же «первое» было вот таким: первая статья.

– Когда была опубликована моя первая статья, у меня вдруг разболелся живот, – с улыбкой сказал мне главный редактор. – Наверное, нервы… В советское время таких пацанов, как ты, близко не подпускали к издательству. Но теперь… видишь, статья твоя публикуется. Что купишь на первый гонорар?

– «Чекушку».

– Что? – удивился главред. – Этому тебя в цехе научили? Алкаши проклятые, сукины дети. Мой тебе совет: купи на гонорар шоколадку, чтобы и остальные гонорары были сладкими. Понял? А теперь забирай правку и давай быстренько в цех.

Это был сто семьдесят восьмой мой поход в цех с шестого этажа. Устал неимоверно, но не подавал виду, ибо надо было еще двадцать два раза пробежаться туда и обратно. Талят-муаллим, глянув на правку, воскликнул:

– Вот конторская крыса, опять все исчеркал.

Наш ответсекретарь, хоть и уважал главного редактора, но за глаза называл его крысой. Работники горячего цеха вообще почему-то не любили главных редакторов, а когда на страницах было много правки, в их адрес отправлялись много-

этажные нелицеприятные эпитеты. Но Талят ограничивался лишь тем, что называл его крысой.

– Талят-муаллим, когда вышла ваша первая статья, у вас тоже скрутило живот?

Талят сперва растерялся, потом посмотрел на Абдула, хлопнул в ладоши, открыл рот… и тут раздался хохот Саши.

Мне стало неловко. «Ну когда же я повзрослею?» – подумалось мне. Отсмеявшись, Талят сказал:

– Сынок, человек пишет статью, думая головой, – при чем тут живот? Не помню, как я ощущал себя после первой статьи…, наверное, сердце громко стучало. А у тебя что, живот крутит?

– У меня нет, просто редактор сказал, что с ним это было.

– Слушай, каков тираж нашей газеты? – спросил Абдул.

– Пять тысяч двести пятьдесят четыре.

– Э-э, я не о том, что написано в газете, – реально сколько?

– Чуть меньше двух тысяч.

– Вот спасибо. Так вот, когда в каждом номере выходит статья нашего умника редактора, не знаю, как у него, но у двух тысяч читателей точно крутит животы.

По цеху прокатился такой раскат хохота, что перекрыл грохот линотипов.

– Здорово, Абдул, браво! – Талят, все еще смеясь, смахнул выступившие слезы и приступил к правке.

Я взял две четырехкилограммовые болванки свинца, подвесил их на крюки линотипа и, чтобы не обжечься, тряпкой подхватил готовые строчки и понес их Саше. Как я ни старался держать их подальше, рукава рубашки все равно были вымазаны черной краской, а на сей раз я испачкал еще и руки. Но это было не страшно, потому что я принес свинцовые строчки моей первой статьи, они скоро пойдут в печатный цех, потом перейдут на бумагу – словом, превратятся в газету, которая с раннего утра попадет в руки читателей. Если бы не занятия, я бы весь этот процесс проследил от и до. А с раннего утра попросил бы распространителей отдать газеты в самые лучшие, ходовые киоски… Думая об этом, я мечтал, чтобы побыстрее настал завтрашний день.

– Я что-то не обратил внимания, о чем ты там написал? – ткнув шилом в мою статью, спросил Саша.

– О воде, Сергей Николаевич.

– Правильно, молодец, уже десять дней у нас воды нет, мои дети во дворах возле базара у кранов стоят с ведрами в очереди за водой. Нет, ты представляешь: в наш век ведрами воду таскать!

– Нет, я написал, что с водой все в порядке, что в нашем городе с этим проблем нет.

– Ты что, написал неправду?

– Слушай, что ты пристал к пацану? Ему что сказали, то он и написал. Если у вас нет воды, это не значит, что ее нет нигде, – Абдул, не отрываясь от клавиатуры линотипа, поддержал меня. – А ты не переживай. Главное не в том, правда это или нет, главное, чтобы ты сам верил в то, что пишешь.

Было уже далеко за полночь, я сто девяносто восьмой раз спускался с шестого этажа в цех. Осталось спуститься всего два раза. Еще два раза принести правку, и все закончится. И буду ждать утра…

– Талят-муаллим, а нельзя мою статью чуть повыше разместить?

– Например, где?

– Ну, например, на «чердаке» пятой полосы.

– Ты знаешь, статьи нельзя размещать где попало. У каждой свое место. Например, то место, которое ты указал, предназначено для платных статей, оно на виду. А твою статью я разместил в «подвале» шестой полосы. Это тоже неплохо, кому надо – тот прочтет. И потом, ты ведь понимаешь, что такое публиковаться в твоем возрасте? Будешь хвастаться в университете. Ваши престарелые профессора из кожи вон лезут, чтобы печататься в нашей газете…

– Да, главный редактор тоже так сказал. Говорит, в советское время таких пацанов, как я, к издательству близко не подпускали.

– И ты ему поверил. В советское время как раз таких, как ты, подпускали, но их не пускали в горячие цеха… А твой редактор с цыганским лицом тогда ошивался вокруг линотипа, вместе с нами раздавливал «чекушку», теперь вот стал гавкать…

– Есть хорошая поговорка: «Когда лев стареет, нападают муравьи», – это уже была реплика Саши.

Подхватив последнюю правку, на подгибающихся от усталости ногах я поплелся на шестой этаж.

Когда вышел из издательства, был третий час ночи. Я устал, как собака, хотя и не признавался в этом даже себе. Кстати, о собаках. Если по пути в общежитие мне встретятся бродячие псы, у меня не будет сил не только убежать, но и даже поднять камень с земли. Они, как правило, неожиданно выскакивали из-за кладбищенской ограды и единственным спасение было бежать. На этот раз все прошло на удивление спокойно, но я на всякий случай все же подобрал пару камешков и, озираясь, побрел к общежитию. Сперва я удивился, что собак нет, но потом, вспомнив Сергея Николаевича, понял: наверняка он не полностью обчистил могилы, и собакам есть, чем полакомиться. Они сейчас пируют, а нападение на меня оставили до следующего раза…

А вот и наше общежитие. Я живу на девятом этаже в восемьдесят девятой комнате. Мобилизовав последние силы, хватаясь за перила, я стал подниматься наверх. На самом деле это был не подъем, а движение по-пластунски. Чтобы никого не побеспокоить, тихонько отворил дверь и уже собирался незаметно пробраться к постели, как услышал голос соседа по комнате:

– Что за вид у тебя? – прекрасно зная, где я работаю, он, тем не менее, каждый раз задавал этот вопрос. – Вышла?

– Что?

– Статья.

– Да. Завтра газета будет в киосках.

– Ладно, давай я тебе полью, вымой руки, ты, бедолага, чумазый, как трубочист.

– Рукава рубашки тоже грязные, хочу ее постирать.

– Ты о чем, воды нет! Мы ведрами принесли ее аж от Ясамальского базара! Два ведра с трудом подняли на девятый этаж. Только вскипятить воду для чая, да помыть руки. В туалет не смей ходить «по-большому», воды нет, и неизвестно, когда будет. А теперь иди спать.

– А ты куда?

– Я во двор, «по-большому»…

«Воды нет и неизвестно, когда будет…», – слова моего друга, словно молоток, стучали в голове. Я вертел ею и так, и сяк, а молоток все равно стучал. Если завтра

прочтут газету, я опозорюсь. Черт с ней, с грязной рубашкой, воды нет даже чуть помыться. Бедные ребята несколько километров тащили ведра с водой. А я написал, что вода есть везде и всюду, у нас с этим проблем нет. «Ты написал неправду?». Этот вопрос Сергея Николаевича в цеху потряс меня: первая статья и такой провал… А что будет дальше? Это моя первая ложь. «Главное, чтобы ты верил в то, что пишешь». Хорошо, что Абдул поддержал меня. Вспомнив его слова, я немного успокоился, молоток чуть поутих.

Весь в расстроенных чувствах я кое-как заснул тревожным сном. Не дожидаясь звонка будильника, вскочил, стаканом воды сполоснул покрасневшие глаза. Утренний туалет, чистку зубов и расчесывание шевелюры я оставил на потом. Перед занятиями приведу себя в порядок, а сейчас важнее газета, думал я. А тут еще и живот скрутило, словно подтвердив слова главного редактора. Видимо, он прав, что первая статья отражается именно коликами в животе. Короче, словно орел, набрасывающийся на свою жертву, я бросился к первому же киоску. Но ответ киоскера затарахтел в мозгу, словно линотип Абдула.

– Газет нет, все раскупили.

– Как нет, неужели нашей газеты нет ни одной?

– Нету, родной, ни Нашей, ни Вашей, ни Ихней, все раскупили.

Странно, в обычные дни газеты в киосках залеживались аж до вечера. А сегодня с раннего утра нет ни одной. Вдруг подумалось: а может, у моей статьи нога легкая, что раскупили не только нашу, но и другие газеты. Прямо как в былые времена, когда народ, перед тем как пойти на работу, выстраивался в очередь у киосков. Как бы хотелось еще раз увидеть ту очередь.

До занятий оставалось много времени, и я решил пройтись по другим киоскам. Но боли в животе не давали покоя, поэтому я спешно подался в один из парковых туалетов для «большого» дела. Протянув копейки пожилому мужчине, о чем-то беседовавшему со сверстниками, я вошел вовнутрь.

И…, а вот и наша газета. Разорвав ее на две части, кто-то услужливо повесил ее на ржавый гвоздик. Понятно, для каких целей. Меня словно молнией ударило, дрожащими руками полистав газету, нашел свою статью, сложив, спрятал в карман. Молоток, стучавший с ночи, теперь превратился в кувалду, которая рушила все мои мысли, надежды. От удивления тому, что в киосках города, который более десяти дней сидит без воды, с утра пораньше исчезли газеты, мое лицо раскраснелось, словно от пощечины. На ржавом гвозде висели все еще пахнущие типографской краской полосы Наших, Ваших, Ихних газет. А виноват был я, и на гвозде должна была висеть только моя статья, моя первая ложь…

Вдруг что-то заурчало, зафыркало, вслед за этим прозвучала фраза «Слава тебе, господи».

Когда я вышел на улицу, спрашивать, что случилось, не имело смысла. Старики с просветленными лицами показывали на кран: «Вода пошла...!»

ЭМИЛЬ АГАЕВ

Ай, «той-вай»!

(Из цикла «Монологи перед зеркалом»)

«Сладость во рту»

Я натолкнулся на это выражение – *«той-вай»* (общее для обозначения как свадебных, так и поминальных меджлисов) в Толковом словаре азербайджанского языка с пометкой *«устаревшее»*. Да, Господи, какое там устаревшее – оно, как сказал поэт, хотя и по другому поводу, живее всех живых!

Ай, какой **той**, **ай,** какой **яс**! Это удивленно-радостное восклицание (типа: «ба, кого я вижу!») по поводу свадьбы или поминок как нельзя лучше характеризует это, пожалуй, самое любимое в народе событие.

– Да станцую я на свадьбе твоего сына (дочери), – традиционное пожелание.

Приход в жизнь (а свадьба – это рождения будущих детей, продолжение рода), уход из жизни – что может быть важней!

А потому неважно, кто ты – имущий или бедняк, все хотят, чтобы это событие прошло как можно более торжественно, пышно, многолюдно. Заметно!

И хотя это присуще всем живущим на земле народам, кавказский «акцент» на последнем – на «ЗАМЕТНО», думаю, выделяет всех живущих на Кавказе, и более всего, может быть, нас, азербайджанцев. Выделяет темпераментом, широтой и, что главное, демонстративностью, ПОКАЗАТЕЛЬНОСТЬЮ (вот это да! знай наших!).

Как сказала мне знакомая медсестра о свадьбе, которую она устроила когда-то сыну: «Соседи, родные до сих пор помнят про этот *той*, говорят – *онун ширинлийи агзымыздадыр!*» (перевести на русский язык это трудно – буквально чувствуют ее, то есть свадьбы, «сладость во рту»!).

Обычай на конвейере

Этот обычай уходит корнями в крестьянский быт (осенние свадьбы, когда горячка со сбором урожая позади и можно погулять на свадьбе всем селом!). Ну, а будучи перенесен в город, он был поставлен на «**бизнес-конвейер**», и вместо традиционных бань и чайхан, где люди не просто мылись или пили чай – беседовали, общались, даже сватались, – вместо этого появились, как известно, в жутком количестве Шадлыг эвляри, Дома торжеств.

Дома, где сошлись три кита, на которых стоит быт азербайджанцев, – **Еда, Музыка, Слово** – с превалированием первых двух.

(Вы не замечали, что мы отучаемся слушать-говорить, больше кушаем и слушаем – радио, телевизор, и если так пойдет и дальше, то скоро мы и разговаривать-то друг с другом станем как в опере – пением!).

Традиционный в деревне акцент на Слове (агсакала, ашуга-сказителя) свелся в городе к бойкой и не шибко грамотной, не говоря уже о мудрости, о смысле, болтовне «*той-баши*» – в стиле массовика–затейника, в роли которого иной раз выступают приглашенные на свадьбу певцы – известные или неизвестные, в зависимости от кошелька

(амбиций) устроителей.

Замечу, я пишу это о деревне ПРОШЛОГО, о когда-то СУЩЕСТВОВАВШИХ сельских свадьбах. Город, исказив эту традицию, давно уже пошел в «ответное наступление» на село, и сейчас там царят, в целом, те же нравы.

(Уж не знаю, сохранились ли, скажем, в Нахчыване замечательные по своей этнографичности свадьбы, на которых, в частности, женщины и мужчины, сидящие порознь, при звуке гара зурны сходились вместе в зажигательном яллы).

Ну, а сейчас…Сейчас в огромных и **безвкусных** залах с аляповатой «архитектурой» и интерьером в мещанском вкусе толпа приглашенных не без труда рассаживаются – проходы между столами узкие, столы огромные и уставлены **безвкусными**, хотя и внешне зазывными блюдами. И далее ТАМ-ТАРАРАМ – оглушительная и опять же **безвкусная** музыка, которую только при большом воображении можно назвать музыкой.

И только при очень большом воображении можно назвать все это праздником Молодых: роль *бея* и *гялин* здесь сведена к роли манекенов-статистов.

«Взятка» традиции

Но все это – внешняя, видимая сторона дела. Невидимая…о-о, тут самое интересное, самое главное – ком-МЕР(т)-ция!

Если в деревне односельчане помогали друг другу в проведении свадьбы – кто-то приносил продукты, кто-то готовил что-то дома и приносил на свадьбу (никаких нанятых на стороне поваров), бывало, даже и дом для новобрачных строили общими силами, – если так было когда-то в деревне, то в городе (да и в нынешнем селе) участвующие в свадьбе просто откупаются деньгами. Дают словно бы взятку Традиции.

Сказать, что эти суммы – с учетом ресторанной накрутки в Домах торжеств – немалые, значит, ничего не сказать.

В отличие от обычного ресторана, где ты заказываешь, что хочешь, здесь нередко навязывают стандартное меню – ну прямо как существовавший когда-то «комплексный обед», с той разницей, что это меню состоит из кучи блюд, половина из которых так и останется на столе, а потому (слава холодильнику!) которые можно преспокойно отложить до чьей-то следующей в этом Доме торжеств свадьбы (не будут же ее устроители стоять за спинами официантов-поваров!).

Спор мужчин-женщин

Я все это описываю, понимая, что читатель это и без меня знает. Описываю, чтобы просто восстановить в подробностях это в его памяти, подтолкнув к размышлениям. Впрочем, размышления и споры вокруг этого происходят и без участия журналистов.

Так, на днях ехал в автобусе, что курсирует между Шувеланом и Бузовна, и на одной из долгих остановок, которая в народе по-прежнему называют «Станция», имея в виду остановку электрички, которой уже нет (один из примеров, к слову, нашего консерватизма!), я стал свидетелем такого вот разговора. Правда, речь шла не о свадьбах, о поминках.

– Я сказал своим, на моих поминках – только чай! – прямо в дверях, садясь в автобус, громко, на публику, изрек, как это бывает у стариков, грузный мужчина преклонных лет, как бы продолжая разговор с самим собой.

– С лимоном? – бросил кто-то с места ехидную реплику.

– А как же халва?! – воскликнула женщина, сидевшая рядом со мной, уже всерьез. – Поминки без халвы – что за поминки!

– И еще сладости, обязательно сладости, – поддержала ее другая женщина. – Гогал, пахлава…

– Ну, тогда давайте еще и плов, как на свадьбе! – возмутился мужчина, севший в автобус и бросивший своим громким заявлением искру в костер наболевшей темы.

– Да, я согласен, только чай! – поддержал его другой пенсионер, или, скорее, инвалид – он сидел, опираясь подбородком на трость. – Не забывайте, есть те, у кого пенсия – всего-ничего! Какая тут халва!

– Ай киши, без поминальной халвы поминки все равно, что свадьба без бея и гялин! – настаивала на своем первая женщина. – Да и на свадьбе, как известно, нужен не один только плов…

– Ай арвад, тебя послушать, выходит, неправильно сейчас делают, запрещая *исрафчылыг* (излишества).

– А кто запрещает?! Ай киши, свадьба бывает только один раз в жизни! Разве можно скупиться?!

– Ну, уж один раз, – прыснул кто-то из сидящих сзади парней (молодые садятся в автобусе обычно сзади). – В телевизоре – одни только семейные склоки да разводы!

Не стану приводить дальше этот общий разговор, по сути, спор между мужчинами и женщинами. Не стану развивать ту мысль, что само слово «свадьба» не случайно женского рода, что у свадьбы женское лицо (свадебное платье, украшения, фата) – женщина на то и женщина, чтобы ВЫГЛЯДЕТЬ позаметней, эффектнее…Да и разве не на женскую половину приглашают на поминках плакальщиц!

Вопрос глубже.

«Доза-N»

Это слово – *«эндазе»*, означающее меру, предел, границу (я тут же переделал его на русский лад в «эн-дозу», или Дозу-N), употребил, и не раз, интеллигентного вида агсакал на одном из телеканалов в шоу, связанном с начавшейся или, точней, пока только обозначившейся борьбой против свадебно-поминальных излишеств.

– Нельзя *«ендазеден чыхмаг»* (то есть переходить границу принятого, дозволенного), – раз за разом повторял он, хотя это совершенно очевидно, – **нужно знать меру во всем**, тут нечего и доказывать!

Другой участник, представлявший Духовное управление мусульман, опять же без всяких откровений, напоминал, что в Коране ничего не сказано про «четверги» и прочие ритуалы, ну, а *яс* – это пожертвования нищим и больным, накорми их (а вовсе не родственников-знакомых, как делают сейчас)!

– **Сколько стоит умереть**?! – тем временем на экране по-журналистски бойко напирала на всех ведущая передачи. – Место на кладбище, поминки, то-се…

Ответить на этот заданный в лоб вопрос (и опять же сведенный к деньгам!) не взялся никто – мол, кому что, это – как считать.

На другом телеканале я услышал, что в Милли меджлисе будет в скором времени поставлен вопрос не только о борьбе с поминальными обрядами, но и с памятниками – хорошо б!

– Иной раз идешь, смотришь, над могилой – ну прямо как памятник Физули! – делился своим возмущением кто-то, кажется, даже депутат.

Вернемся ли мы когда-нибудь к обычаям наших предков – могила со временем должна сравняться с землей, или к практике, существующей в современном мире, – никаких памятников вообще, ряды небольших плит с обозначением имени усопшего, даты рождения-смерти и номера плиты (чтобы легче было могилу отыскать)?

Запрет-мопрет

Скажу сразу. Наивны те, кто считает, что какими-то выступлениями в печати, даже по телевидению, призывами и речами можно что-то здесь изменить. Если и можно, то разве что путем жестких мер!

Так, Гейдар Алиев в 70-х годах повел решительное наступление на ИЗЛИШЕСТВА в этом деле (в данном слове – «дело» – в то время еще не был заложен коммерческий смысл!); результат был налицо. Посмел бы кто, во всяком случае, из членов партии, закатить свадьбу на более, чем сто персон или устраивать у себя многолюдные четверги – тут же разносная статья в прессе, оргмеры, вплоть до самых жестких (партийный билет на стол!).

Покаюсь. Тогда, когда власть впервые вышла на бой с пышными *«той-ваями»*, ваш покорный слуга позволил себе выступить в «Литературке» с эссе под названием «Спасибо, что пришли», в котором описал «яс» с его многолюдьем, поминальным пловом и пр., сочтя все это мудрой традицией, за которой стоит не только моральная поддержка родных усопшего, но и – отвлечение их от их горя необходимостью устройства самих этих меджлисов, то есть, бытовыми хлопотами..

Второй раз, уже в 2000-ных, напротив, я написал статью, в которой подверг ту же самую «народную» традицию (народную уже только по названию!) острой критике.

Поумнел? Да, возможно, и так. Хотя тут все сложней.

Все дело в том, что, мне кажется, я был прав (каждый раз – прав по-своему!) оба раза – и в первом, и во втором случае. Поскольку, с одной стороны, вроде, ограничивать людей запретами нельзя, но с другой стороны, без запретов-мопретов, как сказали бы бакинцы, тут не обойтись!

***

*Так как же быть? Дойдем ли мы когда-нибудь в этом вопросе до этой самой «**ЕНДАЗЫ**», восторжествует ли и у нас когда-нибудь то, что давно существует в мире – «**Норма-N**»?*

В это, ой, слабо верится! Во всяком случае, повторю, тут одними только призывами, одной пропагандой, к чему нас всех стали склонять сейчас, после жестких пассажей и запретов местной власти кое-где (в районах, на периферии), – только этим здесь не обойтись.

Тогда что же – оставить все как есть, закрыть тему?

Ответить на это я не берусь. Тут не просто все неоднозначно – тут на первый план выходит другая тема – тема национальных особенностей, национальной психологии. А это – отдельный разговор…

НУРАФИЗ

Кочевье

Некому разомкнуть тишины уста,
Разбудить ее от зимнего сна.
Распускается почка – проблеск надежды.
В зелень окрасит ветки весна.

Терпенье скалы учит смиренью,
Ветер ласкает нежно долину.
А цветы утирают слезы мои,
Слезы того, кто навеки покинут.

Ветер ласкает цветочную гладь,
И льется в долину тоска этих гор.
Давно не слыхать тут лая собак,
Ждут кого-то дороги, смотрят в упор.

На месте кочевья теперь пепелище,
Что душу сжигает тоской и печалью.
Бабочка уносит на крыльях своих
Всю тяжесть, взмывая спиралью.

По весне просыпается тяжко кочевье,
В путь собираясь день ото дня.
Гнедые никак не проснутся от сна,
А горы всех кличут ржаньем коня.

Не поет моя память журавлиную песнь

Разве так говорил я?.. Оборвалась надежда,
И никто не в силах соткать ей одежду.
Руки тянутся к небу, молитва в устах,
А душа в духоте – смыкаются вежды.

Знай, в тоскливые дни солнце не светит,
В эти дни снег на путь ставит печать.
Седина в волосах – всё больше зимы,
С каждым годом учусь я глубже молчать.

Седина – это саван для прожитых лет?
И мамы уж нет, чтоб прислала пелёнки.
И горы не смогут взять горе моё, –
Журавлиные перья прошу, как мальчонка!

Сырость стеснила осени грудь,
Сухо в душе и цветет в ней полынь.
Не поет моя память журавлиную песнь,
Воробья нарисуй для меня и застынь.

Я в тайне держал себя ото всех

В зеркало глянешь – точно живой,
Только нет души и дыхания нет.
Тому, кто сам себе вконец надоел,
Не мило ни зеркало, ни весь белый свет.

Всё былое – доброе, злое,
Уходит в памяти глубь, там и сидит.
Память с зеркалом можно сравнить,
На мысли стене оно висит и висит.

Я в тайне держал себя ото всех,
Знало лишь зеркало, что я, да как.
Как же похож на меня мой двойник.
Он – это я с лицом старика?

****

Эх… наш танец окрашен в багрянец,
Сердце-то хочет, но падают руки.
Бешено любим мелодию ту,
От которой душа заходится в муке.

Вот солнце сияет, и солнца лучи
Порхают на лицах, не зная помех.
Но падают руки, никак не поднять,
И срывается с губ печальное «эх!»…

Тяжкий, как камень, царствует сон,
Царствует сон, слипаются веки.
Как же нам руки в танце поднять?
Вот так пропадает жизнь человека.

Есть надежда, есть забвенье и память…
И взгляд мой бежит по долгой дороге.
До танцев еще нам надо дожить,
Мы терпим… и стойкости просим у Бога.

Имя

Я – подпись на ладони прожитых лет,
Душа моя пребывает в смятенье.
Как скала украшаю радость-равнину,
От ветра пустого теряю терпенье.

Без продыху жить – жизнью зовется,
Вот прожил полвека – и хожу босой.
Всё сердце сгорело в горниле тоски,
Видать, так решено самою судьбой.

Этот мир не длиннее стихотворной строки,
Я – путь в тишине, уходящий в молчание.
Сердце сиро мое, горе солёно, как море,
Я – путь после слов, то есть послание.

То, что жизнью зовут, во всё горло крича, –
Лишь мгновенье дыханья и глоток воды.
Я жаждой томился и, не зная вины,
Горы с плеч не бросал, ибо горы седы.

Путь тернист оказался, оказался тернист,
Уводил он меня в непролазные зимы...
Если выживет хоть одна моя строка,
Смерти избежав... пусть загодя поставлю...

Имя:

Стал ключом я

Без тебя я стою перед стеной,
Стал ключом я, но нету замка.
Сплошная стена, неприступна она,
И ты от меня далека, далека.

Стенанье мое ветер унес,
Пеплом укрылась волос седина.
За что мне выпала такая судьба?
Неужто не выпил я чашу до дна?

То ли сам себе я больше не друг,
То ли не вышло тебя обрести.
Потеря мне стала жизни подругой,
Теперь только с нею вместе брести...

Занесут снега дорогу

Если я вдруг покину тебя,
Оправдается пророчество.
Но без меня как заживет
Ночью твое одиночество?

Каждый наш совместный день
Раскидаю по углам.
Потерявши половинку,
Потеряю себя сам.

От тебя уйду навек,
Но останется мой след.
Занесут снега дорогу,
Не найдешь моих примет.

На себя оперся я

Бытие едино, знай.
У Ничто дверей так много.
На надежду уповал,
Не осталось в ней святого.

На себя оперся я,
Больше некого позвать.
Всё, что в жизни проиграл,
Не хочу отвоевать.

Опирался на мечты,
Но они теперь в могиле.
Полюбили человека,
И, любя его, убили.

Нету времени скучать

Нету времени скучать.
Мох покрыл все валуны.
Нет тебя... и я упал,
Погрузился в дрему, сны.

Искупался сон в росе
Ароматной моей ночи.
Встретил бодро я рассвет,
Как же замок сна непрочен!

А разлука ломит руки,
Не внимая укоризне.
Солнца луч мне прошептал
Сказку о счастливой жизни.

Море, тишина и я...

Море, тишина и я.
А луна лик отвернула.
Одиночество рукой
С щек слезиночку смахнуло.

Вне меня – меня как нет,
Сжался я внутри в комочек.
Память моя безоружна:
Время... сердце... молоточек...

Волю всю собрав в кулак,
Я идти себя заставил.
Через бурные пороги
Взгляд свой чистый переправил.

Мои руки

Мои руки к городу никак не привыкнут,
Горный воздух обжигает память мою.
Широта тех степей стесняет всю грудь,
Сердце томится в городе, и я не пою.

Те дороги в пыли не хранили следов,
И память моя сохранила лишь пыль,
По которому шел босыми ногами.
Была это небыль, была это быль?

Может, простит меня эта земля,
Но не признает, если вернусь.
Кого-то проклянет его же судьба,
Меня же охватит рук моих грусть.

Сегодня мой день рожденья, мама

Сегодня мой день рожденья, мама!
Я оглянулся и вдруг упал.
Был один, да не боялся,
Клич толпы околдовал.

Стал я кормом воронья,
Пал я жертвой лжи, вранья,
Мысль летит быстрей копья,
Сам не двинусь, колом встал.

Больше всех ценил я слово,
Клятва – есть души основа,
Я прощал всех – снова, снова,
Слову я пришелся мал.

Боль

Всей боли моей душа – как весы,
Все дни мои тянутся ввысь.
Попробуй сказать, что мне всё равно,
Увидишь свой прах. И тут же взмолись!

Сей пепел и прах – остатки костра,
В котором горела, сгорала душа.
Всю страсть готов бросить в пасть,
Ведь земли теперь врагами кишат.

Земли теперь под пятою врага
Стенают и плачут с каждой атакой.
Ошиблись, не ведая зла и судьбы,
Теперь даже вдоволь никак не заплакать.

***

Жизнь – это школа… но учили нас вкривь,
…руки пусты, сыт по горло, натянуты нервы.
Сколько раз второгодником я оставался,
Неужели всё еще топаю в первый?!

Был водою я под камнем лежачим,
Слово за словом, строка за строкою сочился.
Каждый день меня вызывают к доске,
Писать своей участью я научился.

Я вызубрил горе кровью своей,
Покажи свою группу – тут же прочту.
Никто не прочтет меня на моем языке,
Я жду перевода, чтоб одолеть темноту!

Письмо матери

Надежда – цветок, проросший сквозь камень,
Ни за что не открыть мне замки, не суметь.
О, сердце мое, ради Бога, отстань от меня,
Ведь руки в карманах во тьме и тюрьме.

Что поделать? – надежда стоном исходит,
Руку протянешь – уйдет в пустоту.
В эту позднюю пору жизни моей
Вряд ли я счастье вновь обрету.

Был я голосом в самой дальней дали,
Но эти пути за мной не идут.
Тебя я, о слово, ценил больше всех,
А ты мне устроило неправедный суд.

Восклик застыл в усталых глазах,
Страданий мне выпало слишком уж много.
Как только летят в меня камни гурьбой,
Я призываю тебя прежде, чем Бога.

Где я ошибся…

Где я ошибся, где проиграл,
Как рано исполнилось мне полвека?!
Время мелет в прах дни и часы,
Так уходит прочь жизнь человека.

У надежды моей смыкаются вежды,
Мой проигрыш тяжек, словно грехи.
Что я оставлю в мире после себя,
Не знаю, выживут ли эти стихи?!

Смотрю на пути – конца не видать,
На годы смотрю – перемолоты в прах.
Пустота давит грузом на плечи мои,
А близкие странствуют в лучших мирах.

Где НУРАФИЗ, которого знал я?!
Был один в поле воин, держался так смело.
Ты всегда ведь сражался до последнего, брат,
Почему же в итоге время тебя одолело?!

Каждый дом – это дерево...

Я вернулся из города, заперта дверь,
Сосед, это я, не у вас ли наш ключ?!
Будь жива мать, сказала бы вскользь:
– Погоди ты чуток, помолчи, не канючь!

Каждый дом – это дерево, не поят водой,
Ветер сорвал их листву – золотую одежду.
И никто уже тут не переступит порог,
И пустые дома растеряли надежду.

Сиротливо стоят пустые дома,
Укрывает их ночь – окна и стены.
И не лают собаки, птицы молчат,
Здесь тихо ступают лишь тени, лишь тени.

Втянули шеи в плечи эти дома,
И никто не откликнется на слово «Сосед!».
Скукожились фрукты на здешних деревьях,
И никто сироту не зовёт на обед.

Да и жизнь не сон...

Я свечу зажег в душе,
Вместе с словом в путь иду.
А разлука гложет душу,
Что поделать мне – рабу?

Ангел на меня в обиде,
Оказался Рок порочным.
Да и жизнь не сон, чтоб было
Можно рассказать воде проточной.

Тень отбросила на жизнь
Вся усталость прежних лет.
Сам себе врагом я стал,
И не мил мне белый свет.

Нет, не жди, я там – вдали,
Стойкость выпусти на волю.
Между строк я схоронился,
Вместе со своею болью.

Мои года...

Седина в волосах не стесняет меня,
От седых волос мне никак не уйти.
Вот и прожил горемыка еще один год,
Чуточку мягче стало сердце в груди.

Было время, когда седлали коней
И в горы скакали мужи, не ожидая похвал.
Этим летом деревья тяжелы от плодов,
Но всё меньше тех, кто их бы сорвал.

И рассвет, и закат всё мчатся вперед,
И берут мою жизнь за руку твёрдо.
Вот деревня – она ляжет плашмя,
Хоть теперь средь путей высится гордо.

Умираю в Слове я

Сняться с места я хочу,
В путь пуститься, песнь запеть.
Так и хочется сбежать,
Но приходится терпеть.

Можно ли прорваться сквозь
Времени обманный круг?
Истина мной верховодит,
Сам себе я враг, не друг.

Снова дух мой к небесам
В эту ночь летит беспечно.
Умираю в Слове я,
Чтобы Слово жило вечно.

С одиночеством в обнимку

Провожу всю ночь один
С одиночеством в обнимку –
Время тает на глазах,
Превращаясь в невидимку.

В эту ночь мой ум, мой разум
Вновь в плену у чувств, страстей.
И «увы» в моих устах
Освещает путь болей.

Опираюсь головой
На свой голос, на свой глас.
Если рок меня разбудит,
Слезы осушу тотчас.

Я до слова дошагаю

Роса ходит в гости к цветку,
Но это не мое дело.
Ливню я отдам слезу,
Ведь она отяжелела.

Пчела к меду стремится,
Немой тишины не боится,
Везенье читается в лицах,
Если ты во всём умелый.

Я до сотни досчитаю,
Ввек себя не потеряю,
Я до слова дошагаю,
Чтоб во мне оно созрело.

Не могу найти я кров

В памяти я сад взрастил,
Терпеливо ждал плодов.
Увидал вдруг, что моя даль
Спряталась вблизи садов.

Возраст мой уже не тот,
Чтоб с самим собой играться.
Память меня выдает,
Некуда потом деваться.

Эх, суждено ли увидать
Все плоды своих трудов?
Чтобы спрятать свою душу,
Не могу найти я кров.

Я молюсь – восходит солнце

Путь, что до тебя ведет,
Крестный путь. Итог – распятье.
Мои руки так тоскуют
Заключить тебя в объятья.

Небо свёрнуто в комочек,
Отражается в глазах.
Я молюсь – восходит солнце,
Дарит мне тепло в словах.

Жалуюсь на жало жизни,
Поджимают меня сроки.
Я один на берегу
Тишины, ушедшей в строки.

Вот и настала середина судьбы

Вот и настала середина судьбы,
Щеки мои омыты слезами.
Мой вечер в мольбе о белой свече,
Удача бежит за солнца лучами.

Вся душевная боль – словно овечка,
Не могу я ее другому отдать.
А руки разлуки – словно стрелы и луки,
Ни за что не смогу от них убежать.

Кровью исходят раны мои –
Алые маки под ветром дрожат.
Древняя песня поется в душе,
Но боль этой песни вечно свежа.

Кто ж виноват?

В бессонные ночи очи в крови,
И также в крови все слова о любви.
Я бежал и кричал, но зови не зови...
Кто ж виноват? Ни в ком нет вины.

Вся вода земная совершает круг,
И сырую землю разрыхляет плуг.
Дожил до сорока, стал близорук.
Кто ж виноват? Все мы прощены.

Все мои года обратились в миг,
Не вернул тебя мой плачевный крик,
И печаль покрыла мой усталый лик.
Кто ж виноват? Дни мои темны.

Знакомство

...Ну почему же ты ушла,
И зачем же ты вернулась?!
Потеряла на земле –
В высь за мною потянулась.

– Как? Неужели не узнал?!
– Ты не прежняя, пойми!
Жизнь не повернешь обратно,
Ты осталась за дверьми.

Да и память здесь моя
Образ твой не сохранила.
Крашу я словами стены
Той души, что ты сгубила.

Без тебя

Жизнь мою словно мячик
Боль подбросила за тучи.
За бесценок жизнь мою
Боль продала – вот и мучусь.

Облакам же стало стыдно
За слезу, что я пролил.
Голос мой вдруг оборвался –
Тишина лишилась сил.

Никогда не ведал страха
В одиночества руках.
Без тебя и жизни нет,
Без тебя вся жизнь есть прах.

Путник пеший я

Путник пеший я, я странник,
Впереди одни руины.
Заметает скорбь следы,
Скоро я совсем здесь сгину.

Время омывает жизнь
Ливнем рока и терпенья.
Молодой ли, пожилой ли –
Остаются сожаленья...

А разлука жгет костры,
Обдает всю душу пламя.
Шлет свои войска тоска.
Отвечаю ей слезами.

Странник я на пути

Слово, что вослед бросают,
В спину входит, словно нож.
Но надежда всё же лучше,
Чем ухмылка «ну и что ж?».

Но надежды той одежда
Вся в заплатах, вся измята.
Крик души не достигает
Тех, кого считал я св*Я*тым.

Странник я на пути,
Дух мой – книга без страниц.
Землю за спиной оставил,
И пред словом пал я ниц.

Кто же требует со мною встречи

Снова я совсем один,
И веду речь с тишиной.
Я в руках беды – игрушка,
Значит, я и сам не свой.

Мысли мои вдалеке,
Ну, а плоть томится в стенах.
Нет уже давно гостей
И со мною только тени.

Но вот кто-то постучался!
Я тревожусь в этот вечер.
О, мой Боже, кто же, кто же
Требует со мною встречи?

Наступление осени

Когда осень наступает,
Легче смотрится глазам.
Ветер листья обрывает,
И вздымает к облакам.

Вслед за журавлиной стаей
Я без устали смотрю.
И в тоске запечатлеться
Слово молвит: «Я горю!».

Обернулся я назад:
Шел туман, а следом – тьма.
Высятся за мною горы
Горделиво, словно мать.

Ключи затерялись в прошлом...

Там, за дверью,
Всего лишены?
Эти замки
Не отворены?
Люди правы,
Стены грешны?..
Держать на цепи собаку –
Разве это не пошло?!
На стене нарисована дверь,
А ключи затерялись в прошлом...

Перевод Ниджата МАМЕДОВА